С 1043070

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сборник № 2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ в Москве.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИК
СТАТЕЙ, ЗАМЕТОК И ВОСПОМИНАНИЙ
ПОД РЕД. Н. ОВСЯННИКОВА

Отдел Печати Московского Совета Р. и К. Д.
МОСКВА — 1919.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Государственная Типография

ТМО Т 250000 3, 1798-91

63.3(2)5
М12

1043070

Особенности московского движения.

(Вместо предисловия).

История нашей партии, создания ее организации на местах, роста и укрепления рабочего движения почти неизвестны и мало разработаны. Не собрано даже сырого материала, который мог бы послужить прочным фундаментом для изучения роста пролетарского движения в России. Между тем, поколения старых марксистов и основоположников Российской Коммунистической партии уходят одно за другим. Еще несколько лет — и будущему историку наростания социалистической борьбы можно будет ориентироваться только по материалам архивов охранных и жандармских отделений, которые отражают движение, конечно, односторонне и сквозь призму полицейского понимания. Настоящий сборник является попыткой собрать кое-какой сырой материал, думается, нелишенный интереса для современного читателя и полезный для будущего историка партии.

По отрывочным и несистематическим воспоминаниям пионеров социалдемократического движения в Москве, относящимся, главным образом, к девяностым годам прошлого века, с трудом можно представить, каких нечеловеческих усилий стоило заложить прочный фундамент Коммунистической Партии. Москва — второй по величине в России фабрично - заводский центр; Москве в острые моменты обоих революций пришлось играть выдающуюся роль. В декабре 1905 года

ИЗАРД
БЕЛГОРОДСКАЯ
областная универсальная
библиотека

Главной ареной вооруженного восстания рабочего класса послужила Москва. В Октябре 1917 года ей пришлось выдержать недельный бой. Теперь, с переездом из Петербурга рабоче-крестьянского правительства, она сделалась базой не только общероссийской, но и мировой революции. Московские рабочие охраняют и защищают здесь ее центр. Но для того, чтобы они могли оказаться стойкими борцами за революцию, нужно было их воспитать и организовать, на что потребовалось четверть столетия.

Основы этого воспитания были положены двадцать пять лет тому назад. Двадцать пять лет камень за камнем строилось величественное здание коммунизма. Работа была неимоверно тяжела и порой молот выпадал из усталых рук строителей. Особенно тяжела была эта работа в Москве, где главная масса рабочих, в противоположность Петербургу, еще довольно крепко связана с деревней даже сейчас. Прежде эта связь была еще крепче. Половина московских пролетариев составляют с трудом поддающиеся организации женщины, работающие на текстильных фабриках. Все это создавало особенности московского движения: малую спаянность и организованность, и быстрый подъем и натиск в моменты революционных кризисов. Если в Петербурге, где налицо насквозь вываренный в фабричном котле и часто квалифицированный пролетариат, все социалдемократические организации, начиная с Благоевского кружка, отличались большею прочностью и сопротивляемостью полицейскому нажиму, то в Москве, с ее сырым и менее развитым фабричным рабочим, всегда было трудно ставить прочные и способные к достаточному внешнему сопротивлению организации. Поэтому в годы реакции и войны в Петербурге подпольная работа не прерывалась ни на минуту и никакие провокаторы не в состоянии были уничтожить партийной организации. В момент февральской революции у наших питерских товарищей был готовый аппарат. В Москве же деятельность провокаторов сделала настолько невозможной всякую работу, что автору этих строк вместе с другими товарищами

в 1915 году, при попытке организовать Московский Комитет, много пришлось обсуждать, как бы лучше законспирировать центр, да и самую организацию от массы. Но зато в дни грозы и бури московские рабочие всегда рвались вперед. Где не хватало классовой сплоченности, там выручал революционный инстинкт. Октябрьская забастовка пятого года началась в Москве. Московское декабрьское восстание не поддержал хорошо организованный, но менее экспансивный Петербург. И если Москва отстала в июльские дни 1917 года, то она с избытком наверстала свое опоздание в октябре. Но опять-таки октябрь прошел в Петербурге безболезненно, благодаря достаточной организованности всего движения; Москва же организовалась в процессе борьбы, когда на улицах уже гремела артиллерия.

Эта особенность московского движения сказывалась еще с самого начала партийной работы. Прочной и крепкой организации никогда не удавалось создать надолго. Провалы следовали за провалами. Работники сменялись чрезвычайно быстро. Это уже заметно на судьбе первых социалдемократических кружков в Москве. Зубатовщина еще больше затруднила работу. Нигде попытки охранников методом Зубатова бороться с социалдемократией не были так успешны и упорны, как в Москве. Сырой и связанный с землей московский пролетариат, еще непрошедший революционной школы, легко было обезвредить полицейским путем. Венцом деятельности Зубатова была торжественная депутация московских рабочих к памятнику Александра II-го, возложивших венок на его подножье 19-го февраля 1902 года. Никаким Шаевичам в Минске или Одессе не удавалось достигнуть такого, правда, внешнего эффекта. Московские рабочие пережили на опыте зубатовщину, и к началу первой революции уже безраздельно шли за социалдемократией в то время, как 9 января 1905 г. Гапон еще мог поднять петербургскую массу для шествия к Зимнему Дворцу.

Что касается идейного направления работы внутри самой организации, то здесь не было шатаний и раз-

брода, как в других городах. Быстро изжив полосу экономизма и зубатовщины, московское движение стало сразу на революционные рельсы. Как только обнаружилось расхождение между прежними искровцами, московские рабочие в огромной своей массе стали на сторону революционного крыла партии, после второго съезда, получившего наименование большевиков. Меньшевикам никогда не удавалось не только захватить в свои руки комитет, но даже создать прочные или сколько-нибудь сильные организации в районах. Только однажды весною 1906 года, во время выборов в Первую Думу, им удалось получить преобладающее влияние в одном из районов, когда рабочие Лефортова участвовали в выборах и голосовали за кадетских выборщиков, несмотря на объявленный партией бойкот. На Стокгольмский и Лондонский съезды партии подавляющее число делегатов от Москвы были большевиками. В годы жесточайшей реакции, когда у лучших борцов за социализм в отчаянии опускались руки, когда путем провокации были разрушены все подпольные организации, даже в эти годы ликвидаторство не могло пустить глубоких корней в Москве. В то время, как в руках большевиков были все существовавшие в то время профессиональные союзы, ликвидаторами был захвачен только один квалифицированный союз печатников. И если с февраля по август 1917 года председателем Московского Совета был меньшевик, а большевики не составляли в нем большинства, то только потому, что блок меньшевиков с эсэрами давал им численное превосходство. Но и в этот соглашательский период революции фракция большевиков в Совете превышала третью часть всех его членов, между тем, как в марте в Петербургском Совете их было немногим больше 60 человек из 2.000 всех членов.

В настоящее время московские меньшевики утратили последние позиции и сохраняют их только в союзе печатников и среди торгово-промышленного и приказчичьего пролетариата. Революционная энергия никогда не угасала в московском пролетариате; если же

порой не хватало организационной спайки, то не вина в том пролетариев или партийных работников.

Настоящий сборник отчасти носит юбилейный характер, так как сюда, как основное его ядро, вошли статьи из „Правды", „Известий Ц. И. К." и „Вечерних Известий Московского Совета Раб. и Красноарм. Депутатов", посвященные Московскому Комитету Р. К. П. 22 октября 1918 года в день его двадцатипятилетнего юбилея.

Статья Мицкевича переработана и дополнена. Другая часть статей и воспоминаний написана специально для этого издания. Статья Максакова составлена по сырым и пока еще необработанным материалам архива Московского Охранного Отделения. Оттуда же взяты почти все портреты и копии двух прокламаций.

Н. Овсянников.

От нелегального кружка к государственной власти.

Двадцать пять лет тому назад партийная организация Москвы была небольшим подпольным кружком. Теперь этот „кружок" вырос в силу, которая держит в своих руках государственную власть.

Прежние „каторжники", которым приходилось ютиться по оврагам, стоят сейчас на самых ответственных постах; рабочие, которые были рады тогда, что имеют „ячейку" в 5 человек, организовали сейчас свою диктатуру по всей стране; пролетарии, которые даже в своих прокламациях говорили о заграничных товарищах, как об образце людей, достигших, чего они хотели, теперь указывают путь всему миру.

Совершенно неслучайно, что именно наша партия, которая в Москве, всегда имела одну из самых прочных своих организаций, сыграла такую выдающуюся роль во время октябрьского переворота. Это произошло потому, что на всех ступенях рабочего движения наша партия была с *рабочими*, была самой смелой, самой решительной, самой активной, самой революционной.

Московская организация славилась всегда своей революционной чистотой. Когда среди социалдемократических кругов произошло размежевание между „экономистами", которые принижали задачи рабочего класса до мелочной прибавки жалованья и отказывались развертывать политические кампании, и „искровцами" (сторонниками заграничной газеты „Искра"), которые считали необходимым вести и революционно-политическую борьбу, московская организация встала

на сторону революционного крыла, автора оппортунистического, насквозь буржуазного „Credo“ („Верую“). Так назывался манифест „экономистов“, во главе которых стояла теперешняя черносотенно-меньшевистская кооператорша Кускова, непользовавшийся абсолютно никаким успехом среди московских товарищей.

Тогда еще не было разногласий между большевиками и меньшевиками, и даже гражданин Мартов сочинил весьма язвительное стихотворение против „экономистов“.

Когда к 1903 году стали обнаруживаться эти разногласия, тогда еще казавшиеся совсем незначительными, московская организация с.-д. стала на сторону большевиков так же решительно, как раньше она стала на сторону „искровцев“ против „экономистов“. С тех пор Москва не перестает быть крепостью революционного социализма, и московская организация постоянно считается одним из самых „твердокаменных“ городов в России.

Чем быстрее приближались вестники революции, тем глубже шли разногласия между уже расколовшимися частями партии. Меньшевики проповедывали блок с либералами, большевики—с деревенской беднотой; меньшевики выставляли лозунги смутные, неопределенные, умеренные, чтобы „не отпугнуть буржуазии“, большевики считали, что буржуазия становится контрреволюционной и шли в бой с развернутыми знаменами; меньшевики чрезвычайно умеренно подходили и к вопросу о вооруженном восстании, большевики считали необходимым активно *готовить* это вооруженное восстание.

Немудрено, что, когда разразились события „безумного“ 1905 года, именно, наша организация фактически стояла во главе движения. Октябрьская стачка шла, главным образом, под руководством большевиков. Каким влиянием пользовалась наша организация, как застрельщик революции, показывает одна из самых крупных, когда-либо бывших во всем мире демонстраций,—я говорю о похоронах *товарища Баумана*, деятельного члена Московского Комитета нашей партии.

Декабрь 1905 года застает партию в первых рядах баррикадных бойцов. Московский Комитет Партии руководит движением; военно-техническая партийная организация командует на фронте гражданской войны и имеет самый авторитетный голос во всех боевых коалиционных учреждениях (межпартийных боевых революционных организациях); литературная группа Московского Комитета, где были тогда такие товарищи, как Покровский, Шулятиков, Фриче, Левин, Скворцов, отошедший теперь от пролетариата Рожков и др.,—обслуживала восстание литературно. Словом, партия по всем направлениям шла впереди всех.

После разгрома восстания, расстрелов и карательных экспедиций московская организация отнюдь не теряет своего руководящего значения. Она ведет широкую кампанию разоблачения предателей—*либералов* и всех шатаний *оппортунистов*. После думского периода и во все время жестокой революции (1907—1911 гг.) московская организация партии является уже *единственной* революционной организацией.

В это время меньшевики стали „ликвидаторами", отрицающими необходимость нелегальной революционной работы. Они настолько „приспособились" к столыпинскому режиму, что рабочие стали их звать „столыпинцами". Партия, выросшая в 1905 году до широчайшей организации, снова превратилась в нелегальный аппарат самых передовых борцов пролетариата.

Нарастающий подъем 1911—1913 г.г. усиливает деятельность организации. В Москве появляется даже легальная газета „Наш Путь", одним из редакторов которой был, между прочим, тов. Осинский и где деятельное участие принимал тов. Н. Н. Яковлев, председатель „Центросибири". Организация начинает было быстро расти, но *война* подрезала ей крылья...

Деятельность разбитой московской части нашей партии во время войны у всех в памяти. Группы большевиков были *единственной* сильной боевой организацией, которая не потеряла головы среди бешеного патриотического урагана. *Только* наша организация смела говорить о революции *во время войны*, и

поэтому понятно, что и в февральские дни она выступила самой энергичной силой.

Весь соглашательский период московская организация партии с лихорадочной поспешностью разоблачала подлую игру. Июльский кризис она пережила блестяще. Кому выпало на долю, как пишущему эти строки, работать в это время в Москве, тот никогда не забудет этих дней. Травля против партии еще более сплотила нашу организацию. А затем начался ее катастрофически-быстрый рост. У нас не было ни одного учреждения, через которое не проходили бы десятки тысяч рабочих, солдат, крестьян. *Корниловские дни* выдвинули организацию на передовые посты. Именно, наша московская организация разоблачила заранее всю „авантюру". Первое широкое выступление против Керенского,—стачка во время Московск. Совещания,—прошла под руководством нашей партии. Наша организация в Москве решила провести первый советский декрет (о фабр.-зав. комитетах). На московскую партийную организацию легла и самая трудная часть вооруженной борьбы за Советскую Россию. В октябре партия решила и *сделала* то, что решила.

Теперь наша партия—единственная организационная сила в России. „Большевизм" становится уже „мировой" силой. И мы надеемся, что и скоро уже этот большевизм будет стоять у власти там, где стоят еще королевские троны.

Н. Бухарин.

Очерки истории московской партийной организации[1]).

I Первые шаги марксизма в России. Распространение марксистских идей среди интеллигенции.

Мы переживаем дни величайших триумфов русского рабочего движения. В полной мере исполнились пророческие слова первого русского рабочего-революционера, москвича Петра Алексеева, сказанные им на суде в 1877 г.: „Самодержавие будет сокрушено мускулистой рукой русского рабочего". Мускулистые руки русских рабочих сокрушили не только царское самодержавие, но сокрушают и капиталистический строй, на его развалинах закладывают основы строя социалистического и зажигают факел мировой революции, отбиваясь в то же время от обложивших нас со всех сторон империалистических и контр-революционных полчищ.

В эти великие и грозные дни не бесполезно вспомнить о первых шагах движения..

Несмотря на громадность достигнутых результатов, русское рабочее социалистическое движение еще так молодо, еще так много первых деятелей его живут и работают в первых рядах революции.

Всего прошло только двадцать пять лет, как начали делаться первые систематические попытки револю-

[1]) Статья эта имеет, главным образом, характер личных воспоминаний; более подробно останавливаясь на первых шагах движения, я совсем бегло очерчиваю дальнейшие этапы.

ционной социалдемократической пропаганды и агитации среди масс русского пролетариата [1]).

80-е годы в России были самой мрачной эпохой политической и общественной реакции.

После разгрома народовольческого движения, замерло всякое революционное и оппозиционное движение, и, казалось, колосс самодержавия будет стоять незыблемо долгие, бесконечные годы и давить все живое, все прогрессивное.

Интеллигенция, которая недавно вела борьбу с самодержавием, была разбита на-голову. Лучшие ее элементы были казнены или гибли в ссылке и изгнании. Более слабые приспособлялись „к обстоятельствам" и занимались, по выражению сатирика, „лужением земских умывальников"; худшие приспособлялись „к подлости", и предательством и изменой старались загладить былые грехи, (вспомним хотя бы Льва Тихомирова, перешедшего из редакции „Народной Воли" в редакцию правительственных „Московских Ведомостей").

Крестьянство спало еще глубоким сном, и все попытки народников в 70-х годах разбудить его пропагандой и агитацией разбились об его вековую косность.

Рабочий класс был еще слаб, малочислен и темен.

Правда, порой вспыхивали стихийные стачки и фабричные погромы (напр., в Орехове-Зуеве в 1885 г.), но, ярко вспыхнув, они скоро потухали, и движение, неоплодотворенное еще творческой революционной мыслью, глохло.

Были попытки пропаганды среди рабочих еще в 70-х годах, были попытки и самостоятельных рабочих организаций (Юж.-Рус. и Сев.-Рус. рабочие союзы в 70-х годах), но дело велось несистематично и под чуждыми рабочему классу лозунгами утопической народнической идеологии. Вместе с разгромом народнического революционного движения заглохли и эти попытки, не оставив заметных внешних следов на поверхности русской жизни, хотя внутри рабочих

[1]) Здесь я не касаюсь истории соц.-демокр. движения в русской части Польши и в Литве, где движение началось значительно раньше

масс осталось немало „спропагандированных" рабочих, которые явились ценным элементом при новом, уже социалдемократическом, подъеме движения.

Свободная пресса была задавлена. Робкие, умеренно-либеральные „Русские Ведомости", издававшиеся под бдительным оком цензуры, были самым левым органом русской печати. На Руси господствовала мертвая, кладбищенская тишь...

В это время, в 1883 г., за-границей русские эмигранты (Г. В. Плеханов, Вера Засулич, П. Аксельрод) образовали группу „Освобождение Труда",—первую русскую организацию, ставшую на платформу революционного марксизма. Они уже тогда указывали на разложение патриархальных условий русской жизни, под влиянием развивающегося капитализма, и на вызываемый им рост рабочего класса, который раскует цепи, оковавшие русский народ, сбросит иго самодержавия и поведет борьбу за социализм. Ко второй половине 80-х годов начинают появляться одиночки интеллигенты-марксисты (в Петербурге – Благоев, в Киеве—д-р Э.А. Абрамович, а также и в друг. городах), которые делают попытки пропаганды среди рабочих. В конце 80-х г.г. в Петербурге уже возникает ряд студенческих марксистских кружков (Л. Б. Красин, Бруснев и др.), ведущих пропаганду среди рабочих.

В начале 90-х годов возникают такие же кружки и в ряде других русских городов: в Одессе (Гольденцах—Рязанов, Ю. М. Стеклов, Г. В. Цыперович, Калашников), в Н.-Новгороде (П. Н. Скворцов), в Казани (Н. Е. Федосеев и М. Г. Григорьев) и др.

Зимой 1891-92 г.г. и в Москве организуется первый марксистский кружок среди интеллигенции (А. П. и П. П. Винокуровы [1]), А. И. Рязанов, І. А. Давыдов, Мартын Мандельштам (Лядов), В. А. Жданов, Д. П. Калафати, А. С. Розанов, покойные Круковский и Григорий Мандельштам).

Надо сказать, что, вообще, в эту зиму русское

[1]) А. П. Винокуров генерь народный комиссар социального обеспечения

общество переживало идейный перелом после реакции 80-х годов.

Неурожай 1891 года и вызванный им голод, охвативший 17 губерний, вызвал оживление среди демократической интеллигенции: появилась вновь тяга в деревню для оказания помощи голодающим: было выпущено несколько прокламаций к крестьянам („Письмо к голодающим крестьянам" Астырева); оживился интерес к изучению экономических и политических вопросов, образовалось много кружков для этой цели.

В вышеупомянутом марксистском кружке основательно изучался „Капитал" и другие сочинения Маркса, Энгельса, Лассаля, Каутского, из русских авторов — Зибер, статьи П. Н. Скворцова, труды по исследованию московских фабрик Погожева, Эрисмана, Дементьева и др.

Русская литература, издаваемая заграницей группой „Освобождения Труда", — „Наши разногласия" Плеханова, его же „Социализм и политическая борьба", сборник и журнал „Социалдемократ" и др. — в это время в Москве были величайшей редкостью, между тем, как литературу на немецком языке сравнительно легко было доставать в иностранных магазинах; потом уже, в 1894 году, наладилось получение и русской литературы, как через магазины, так и в транспортах [1]).

Этим же кружком было сделано много переводов, которые ходили по рукам в рукописях. Переведено было ряд брошюр Энгельса, как-то: „Анти-Дюринг", „Происхождение семьи, собственности и государства" и др., только что вышедшая тогда на немецком языке „Эрфуртская программа" Каутского, брошюры Шиппеля,

---

[1]) В распоряжении этого кружка была еще рукопись большого и в высокой степени интересного труда Федосеева «о падении крепостного права в России», в котором была проведена точка зрения экономического материализма. Федосеев, очень талантливый человек, первый раз арестованный в 1890 году в Казани за организацию социалдемократического кружка, с тех пор до самой своей смерти, в 1898 году, почти непрерывно пребывал в тюрьмах и ссылке по нескольким делам. Застрелился в Вологодске в 1898 году. У него начато было несколько трудов по экономической истории России. Все это куда-то запропало

Кампфмейера и др. из серии „Рабочей библиотеки", брошюры Гэда, Лафарга, статьи из „Die Neue Zeit" и т. д.

Вскоре начались выступления членов этого кружка на студенческих собраниях.

В начале 1893 года на одной большой студенческой вечеринке выступили с критикой народничества два марксиста (Давыдов и Калафати).

Это не было, строго говоря, первым выступлением марксистов в Москве, потому что еще в 1891 и 1892 годах Григорий Мандельштам выступал несколько раз среди студенчества с изложением марксистских взглядов, но тогда это не производило особого впечатления,—потому ли, что почва для восприятия этих идей еще не была достаточно подготовлена, или потому, что эти выступления были в сравнительно тесных кружках; но теперь это выступление произвело сенсацию; об этом много толковали, и все ругали этих еретиков-марксистов: как осмелились какие-то молокососы не признавать всеми признанных авторитетов и корифеев русского народничества - В. В. Михайловского, Кареева, Николая—она. Главная цель марксистов была все-таки достигнута: был возбужден интерес к новым идеям среди широких кругов молодежи. С этого времени марксисты являются непременными гостями студенческих собраний и вечеринок.

Уровень образования тогдашней студенческой молодежи был невысок: чувствовалось еще прежнее полупрезрительное отношение старого народничества к науке. Большинство читало 2—3 статьи Михайловского, В. В. „Судьбы капитализма в России", и в лучшем случае Николая—она. Такую публику марксисты, основательно проштудировавшие Маркса, Энгельса, Каутского, читавшие немало по истории, экономики и статистике, удивляли своей эрудицией. Среди противников марксистов, выступавших на студенческих собраниях, был только один человек, обладавший большой эрудицией, это—П. Н. Милюков. Интересно было видеть, как против него, тогда уже известного ученого, с успехом выступал молодой студент марксист Калафати

Зима 1893—94 года прошла, вообще, очень оживленно в Москве: устраивались часто „вечерники" с докладами, образовалось много кружков „саморазвития", образовалось несколько политических групп; более заметная из которых, „босяки", хотела опереться в политической борьбе на будто бы революционный и многочисленный „класс босяков, а также на „разночинцев", понимая под этим словом мелкую служащую интеллигенцию. Тогда же стала образовываться партия „Народного Права". Оживилась в это время и публицистика, бывшая раньше скучной до тошноты. „Русское Богатство" открыло тогда против марксизма огонь по всей линии, хотя в легальной русской литературе не появилось еще ни одной марксистской статьи о русской действительности, если не считать чисто статистических работ П. Н. Скворцова в „Юридическом Вестнике". Кривенко писал тогда в „Русском Богатстве", что марксисты, чтобы быть последовательными, должны насаждать капитализм в России, а для этого им самое лучшее итти в деревню и открывать там кабаки и ссудные кассы. Михайловский называл активными марксистами марксистов, активно насаждающих капитализм.

Но русские марксисты не так смотрели на свои задачи.

Они утверждали, что капитализм в России самостоятельно развивается усиленным темпом, что рабочих в России уже и теперь немало, и число их увеличивается с каждым годом, что дело марксистов итти к рабочим, развивать их самосознание и звать их на борьбу с капиталом и с его защитником — самодержавием.

Ярким ответом на народнические нападки, формулирующим взгляды революционных марксистов, явилась брошюра Вл. Ильина (Влад. Ильича Ульянова-Ленина), появившаяся в 1894 г. в гектографированном виде под заглавием: „Друзья Народа и как они борятся против социалдемократов". Она произвела большое впечатление и много способствовала распространению наших идей. Владимир Ильич жил тогда

043670

в Петербурге, но наезжая в Москву, выступая в спорах с народниками, и вообще принимал живейшее участие, как в теоретическом обосновании, так и в выработке тактических и организационных методов работы.

Особенно ярыми противниками марксистов являлись тогда „народоправцы", среди них особенно выдавался студент Виктор Чернов, впоследствии знаменитый лидер эсеров. „Народоправцы" объявляли пропаганду марксизма особенно вредной потому, что марксизм, по их мнению, отвлекает внимание от политической борьбы; а они, основатели партии „Народного Права", ради привлечения к политической борьбе широких слоев, решили пока спрятать в карман свой социализм и выставить одну политическую платформу, которая должна была объединить все направления, как это пытался сделать впоследствии „Союз Освобождения". Мы же, марксисты, думали, наоборот, путем распространения идей классовой борьбы и социализма довлечь и в политическую борьбу новый громадный класс — русский пролетариат. История показала, кто был прав.

Зимний сезон 1894—95 г.г. проходил еще оживленнее. Появились первые легальные марксистские книги: осенью вышла книга Энгельса „Происхождение семьи, собственности и государства" и вскоре вслед за ней книга П. Струве „Критические очерки", а в декабре вышла книга Бельтова (псевдоним Плеханова) „Очерки монистического взгляда на историю". Появление этих книг произвело большой шум: книги читались нарасхват, о них много говорилось, делались доклады в кружках. Многие студенческие кружки начали принимать марксистское направление.

Среди студенчества за это время большим авторитетом пользовался „Союзный Совет" землячеств, который содействовал объединению кружков, выработке общих программ занятий в кружках и т. д. В этот период студенчество стремилось сосредоточиться на выработке своего мировоззрения, оно старалось разобраться в том идейном перевороте, который переживала тогда

русская интеллигенция, а потому оно в своей массе отнеслось несочувственно к попыткам вызвать студенческие волнения по незначительному поводу. Но в это же время образовалась небольшая группа „студентов-радикалов", которая, напротив, стремилась вызвать волнения и, воспользовавшись каким-то поводом, кажется, речью Ключевского по случаю смерти Александра III, стала собирать сходки в университете, но масса сознательного студенчества, во главе с „Союзным Советом", была против этого. Члены „Союзного Совета" ходили на сходки и уговаривали расходиться и не производить волнений; против волнений высказывались тогда и студенты-марксисты, которые, впрочем, и вообще-то очень мало интересовались академической жизнью, всецело поглощенные,—некоторые своим самообразованием, а некоторые—уже работой среди рабочих. Но полиция поставила всех на одну доску; в ночь с 3-го на 4-е декабря было произведено много арестов: весь „Союзный Совет", часть „студ.-радикалов", несколько марксистов, П. Н. Милюков и др. были разосланы по разным городам на 2—3 года. Эти высылки мало отразились на московской жизни, которая попрежнему шла живо, и как раз в это-то время, с начала 1895 года, марксизм стал приобретать все более приверженцев среди молодежи. Распространение легальной и нелегальной марксистской литературы и частое выступление марксистов в кружках и на собраниях дали возможность ознакомиться с марксизмом не только по статьям Михайловского и Кривенко. Но что всего больше скоро толкнуло интеллигенцию в марксизм,—это начавшееся рабочее движение: прокламации к рабочим, празднование рабочими 1-го мая 1895 года, большие аресты среди рабочих летом 1895 года, петербургские стачки 1896 года. Все это открыло глаза интеллигенции на существование у нее под боком революционного класса, который сможет сдвинуть русскую жизнь с той мертвой точки, на которую она попала в 80-е годы. Тогда начался массовый переход интеллигенции в марксизм, началось то „марксобесие", которое нашел в Петер-

бурге журналист Тверской, живший в Америке, при своем посещении России в 1896 году.

И в то время, как еще в начале 1895 года сочувствующие марксизму среди студенчества в Москве считались немногими десятками, уже к началу 1897 года марксизм почти безраздельно господствовал среди него: марксистская литература имела необычайный успех, выход каждой книги первого легального марксистского журнала „Новое Слово" (с марта по ноябрь 1897 года) был целым событием.

2. Образование первого социалдемократического кружка пропаганды и агитации среди московских рабочих в 1893 г.

Я выше упоминал уже, что народники говорили, что активные марксисты должны итти в деревню и открывать там кабаки и ссудные кассы, но марксисты не последовали этим мудрым советам истолкователей Маркса: они иначе понимали своего великого учителя и иначе проявили свою активность, они пошли в рабочие массы с пропагандой социалдемократических идей.

В сентябре 1893 г. из вышеупомянутого интеллигентского кружка с целью систематической пропаганды среди рабочих выделился кружок из шести человек: А. Н. и П. И. Винокуровы, Е. И. Спонти, М. Н. Мандельштам, С. И. Мицкевич и С. И. Прокофьев. Основанием этого кружка и было положено в Москве начало развитию массового рабочего движения, несшего почти все двадцатипятилетие имя социалдемократического и лишь в последний год этого двадцатипятилетия усвоившее себе в отличие от соглашательского движения то имя, которое ему было дано еще Марксом и Энгельсом, имя коммунистического. Несмотря на все гонения, на частые провалы, на гранднозную, организованную Зубатовым, провокацию, — ра-

бочее движение в массах более уже не глохнет: после временных поражений оно поднимается всегда с новой силой.

В Москве и до образования этого кружка были кое-какие попытки со стороны марксистов заводить связи с рабочими, и у каждого из членов кружка были свои небольшие связи, но сколько-нибудь систематически, планомерно и широко это дело было поставлено впервые лишь этим кружком. Прежде всего, было образовано несколько кружков для пропаганды преимущественно из рабочих механических заводов и железнодорожных мастерских. Мы были счастливы, что нам сразу удалось натолкнуться на несколько очень дельных и интеллигентных рабочих.

Надо сказать, что в это время среди рабочих было уже много элементов, рвущихся к знанию, стремящихся осознать стихийное брожение рабочей массы, которое проявлялось в те годы в ряде стачек во многих местностях России. Заводить связи в рабочих кругах было легко.

Пропаганда среди рабочих в Москве велась народниками еще в середине 70-х годов (вспомним процесс 50-ти и речь на нем рабочего Петра Алексеева); в конце 70-х и в начале 80-х годов были связи среди московских рабочих у народовольцев, но с начала 80-х годов и по начало 90-х, т.-е. в течение 8—10 лет, в Москве, не велось сколько-нибудь систематической пропаганды среди рабочих. Однако, и в этот период у интеллигенции заводились кое-какие связи и знакомства с рабочими, по большей части рабочими более высших разрядов труда: монтерами, помощниками машинистов, токарями и т. д. — Связи эти носили большей частью чисто культурный характер: рабочим давали читать „хорошие" книжки и велись за стаканом чаю беседы. Небольшой кружок таких рабочих группировался около одного известного писателя-народника Н. Н. Златовратского, другой кружок образовал в 1889 или 1890 году студент Добронравов, живший в рабочем квартале, в Грузинах, и имевший родственников среди рабочих. Попадались небольшие

толстовские кружки и отдельные толстовцы среди рабочих, сравнительно большой толстовский рабочий кружок в это время был на фабриках Морозовых в Орехове-Зуеве.—В это же время среди рабочих стало проявляться заметное стремление к самообразованию: они записывались в библиотеки, посещали городские читальни, публичные лекции, выписывали вскладчину либеральные газеты, по преимуществу „Русские Ведомости", больше всего ценя в них иностранный отдел, в котором попадались хорошие статьи о рабочем движении на Западе. Вот из этих-то слоев рабочих и рекрутировались члены первых соц.-демократических кружков. Приведу несколько примеров:

Был у нас знакомый рабочий, старый ткач, участвовавший еще в кружке Петра Алексеева. Это был малообразованный, простой ум, но очень дельный агитатор, хорошо знающий натуру русского рабочего; он пользовался большим авторитетом и уважением среди рабочих. Он уже давно не имел связей с интеллигенцией, но постоянно вел самостоятельно устную агитацию среди рабочих на почве их экономических нужд, а также пользовался всяким случаем, чтобы резко порицать администрацию и правительство. Был еще у нас один кузнец из петербургского кружка лавристов; он тоже давно утратил связи с интеллигенцией, был большой индивидуалист и культурник, выписывал „Русские Ведомости", читал и вел разговор по поводу прочитанного со своими товарищами по мастерской. Из побывавших в народнических кружках того времени выделялся своей интеллигентностью молодой помощник машиниста на Смоленской дороге, С. И. Прокофьев, его принимали в рабочих кружках за интеллигента. Другой, очень интеллигентный токарь с завода Вейхельта, Бойе, давно вел знакомство с интеллигенцией, много читал; мы его ценили, как самого дельного и умного организатора и руководителя рабочим делом. Он потом в тюрьме и ссылке изучил английский язык и уехал в Англию; потом через несколько лет возвратился в Россию. Его приятель, Саша Хозецкой, экспансивный юноша, слесарь, выдавался

как талантливый и смелый агитатор. Он тоже после ссылки ездил в Англию, тоже возвратился и умер от чахотки. Из самоучек помню Федора Полякова, такого мальчиком работал в фабричной аптеке на Рамен ской мануфактуре, брал читать книги у врача, изуча начатки латинского языка, читал по медицине, ест ственным наукам и философии; был прекрасный рас сказчик-юморист, писал недурные стихи, выдавался как талантливый и очень любимый рабочими агитатор Фабриканты его не выносили, он перебывал чуть ли не на всех фабриках московских и подмосковных, ото всюду его гнали, а после его ареста не принимали никуда и его жену. Он в ссылке, в Енисейской гу бернии, занимался фельдшерством, писал много кор респонденций, стихов, повестей в сибирских газетах Умер от чахотки в Минусинске в мае 1903 г. Помню еще одного модельщика с фабрики Гоппера, Само хина; он еще до знакомства с нами очень интересо вался рабочим вопросом, перечитал все легальные книги, которые мог достать в библиотеке по этому вопросу; изучал языки — эсперанто и французский — целью завести переписку с заграничными рабочими, давно жаждал знакомства с интеллигенцией и был очень рад, когда встретился с нами. Первой книжкой, которую он от нас получил, была „Эрфуртская про грамма" Каутского, которую он сразу прекрасно усвоил; он сам составил и вел с большим успехом кружок модельщиков; когда они усвоили хорошо вопросы о рабочем дне, заработной плате, о роли машин и т. д. тогда Самохин передал нам свой кружок, заявив, что его рабочие усвоили достаточно экономическую часть программы занятий, теперь хотят ознакомиться с политическими вопросами и с историей. Много свя зей среди рабочих передал нам Андрей Карпузи, ин теллигент, пошедший на завод в качестве рабочего слесаря и работавший, помнится, на зав. у Вейхельта. С помощью этих и нескольких других рабочих было организовано несколько кружков. Программа занятий в кружках была такова: сначала толковалось о перво начальном накоплении, об образовании капитала, да-

лее, беседа за беседой, излагался 1-ый том „Капитала", причем изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни, и таким образом, попутно рисовалась картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и др., потом трактовалось о конечной цели рабочего движения о социализме, и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которое может быть у нас совершено только рабочим классом.

Среди рабочих, участвовавших в кружках, а через них и среди гораздо более обширного круга рабочих, распространялась литература. Какая же литература была в распоряжении нашего кружка? Во-первых, брошюры, изданные заграницей группой „Освобождения Труда" (начиная с начала 1894 года, мы их получали довольно много). Брошюры были такие: „Речь Петра Алексеева", „Речь Варлена", „8-часовой рабочий день" Плеханова, „Кто чем живет" Дикштейна, „4 речи петербургских рабочих на 1-ое мая". Во-вторых, кружок сам занялся литературной деятельностью. Тов. Круковский написал очень хорошую брошюру — популяризацию Маркса—с примерами из русской жизни; она была впоследствии отгектографирована (в 1895 г.); тов. Винокуров написал брошюру о первоначальном накоплении, тоже с примерами из русской истории, тов. М. Мандельштам—брошюру „Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превращаются" и переделку на русский лад „Религии капитала" Лафарга. Затем были переделаны несколько польских брошюр: „О конкуренции", „Рабочая революция", „Что должен знать и помнить каждый рабочий", „Рабочий день". Все эти брошюры были пересланы для издания заграницу, но были напечатаны лишь две последние. Кроме этих брошюр, давали рабочим читать целый ряд переводных брошюр. Каутского, Шпинделя, Гэда, Лафарга. Все они были рукописные; для переписки их образовался целый штат переписчиков: студентов, курсисток, рабочих: среди переписчиков было даже двое городовых—родствен-

ников рабочих. У кружка был гектограф, потом к концу 1894 года мимеограф и маленький типографский станок, но по преимуществу для листков; брошюр было гектографировано всего две или три. Кроме нелегальной, распространялась и легальная литература: Бэллами „Через 100 лет", Вебба и Кокса „8-часовой рабочий день", „Фабрика" Дементьева, некоторые журнальные статьи и вырезки из газет, наклеенные на тетрадку, по преимуществу, о рабочем движении на Западе.

Теперь скажу о некоторых особенностях в постановке дела в нашем кружке сравнительно с современными ему кружками в других русских городах.

Раньше, чем в Москве, началась соц.-демократическая пропаганда в Петербурге; там она ведет свое начало со 2-ой половины 80-ых годов, непосредственно переплетаясь с пропагандой „народовольцев". Затем, в 1891—93 г.г., началась пропаганда и во многих других городах: в Киеве, Харькове, Одессе, Саратове, Казани, Н.-Новгороде и др. (я здесь не имею в виду Польши и сев.-зап. городов, где соц.-дем. пропаганда началась раньше, в 80-ых годах). Во всех вышеупомянутых городах работа велась чисто-кружковая, пропагандистская. Расскажу, как велось дело, напр., в Н.-Новгороде. Такое ведение дела, насколько мне известно, было типичным и для других городов в 1892—95 г.г. В Нижнем в 1892 году были заведены связи с рабочими, образовался рабочий кружок, в который входило человек 12 рабочих. Они основательно штудировали Маркса, прочитали весь 1-ый том „Капитала". Агитировать на заводах им запрещалось ради конспирации. В конце-концов, из этих рабочих вырабатывались нередко интеллигенты, оторванные от рабочей массы и смотрящие несколько свысока на своих товарищей-сермяков. Но находились некоторые товарищи, которые считали такой тип ведения дела вполне правильным и нормальным; так, один марксист в Нижнем говорил, что он не может рабочего считать соц.-демократом прежде, чем он не изучит всего Маркса; на брошюры, а тем более на листки он смотрел с

презрением и считал их не только неполезными, но даже вредными; просто все рабочие должны читать „Капитал“. Ход развития рабочего движения он представлял так, что постепенно будет увеличиваться число рабочих, изучивших Маркса, они будут привлекать к этому изучению всех новых членов; современем вся Россия покроется такими кружками, и у нас образуется рабочая партия.—Это был крайний представитель кружковщины. У нас, москвичей, точка зрения на тип работы была совсем иная. Кружок наш почти на первых же шагах своей деятельности решил перейти к агитации в массе. Для этой цели мы через рабочих, занимавшихся в кружках, собирали сведения об условиях работы на фабриках и заводах: о длине рабочего дня, о заработной плате, о деятельности фабричной инспекции, о злоупотреблениях мастеров и т. д. Фактами, полученными таким путем, а также почерпнутыми из литературы о положении рабочего класса в России, мы иллюстрировали наше изложение теории Маркса, чем старались сделать эту теорию возможно близкой к жизни, связать ее с насущными и ближайшими нуждами рабочих. Далее, мы внушали рабочим, чтобы все, что они вынесут из занятий в кружках, по возможности, передавали бы своим товарищам по работе; мы их учили также пользоваться для агитации, для выяснения классового самосознания рабочих каждым мелким фактом из их повседневной жизни. Для более широкого воздействия на массу мы устраивали собрания, которые назывались „летучками“: рабочие из кружков собирали своих товарищей, прочитавших одну или две брошюры, или совсем еще ничего нечитавших, человек 15—20, в какой-нибудь артельной рабочей квартире; приходил интеллигент и один-два более сознательных рабочих, и начиналась беседа. Беседа не отличалась систематичностью, говорилось обо всем: об условиях рабочей жизни, о политике, о религии и т. д. Беседы велись живо и имели большой успех. Из среды таких собеседников отбирались рабочие в кружки для более систематических занятий. На этих беседах особенно вы-

делялся рабочий Немчинов своим умением действовать на серяка аргументами из священного писания и примерами из обыденной жизни. Этот Немчинов в „Декабрьские дни" 1905 г. был влиятельным депутатом от Сокольнических трамвайных мастерских. Кроме устной пропаганды и агитации и распространения брошюр, наш кружок старался действовать на массу и путем издания и распространения листков. О содержании листков я скажу ниже. Эти листки, раздавались по рукам и вывешивались в тех местах на заводах, которые рабочим заменяли клубы. Около листков собирались толпы рабочих, кто-нибудь читал вслух и комментировал их. Листки производили среди рабочих большую сенсацию и имели громадный успех. Особенно большим успехом пользовались листки, специально написанные по поводу какого-нибудь случая на данном заводе, по поводу какого-нибудь столкновения с администрацией завода, по поводу задумываемой стачки и т. под. Первый такой листок был издан нами в феврале 1894 года по случаю стачки на одном заводе (точно не помню, но, кажется, на заводе Вейхельта). Надо здесь заметить, что полицейские условия для деятельности среди рабочих были тогда в Москве хорошие. Объясняется это тем, что дело это для Москвы было совершенно новым, и внимание полиции совершенно не было направлено в эту сторону. Она много занималась и интересовалась студенчеством, а рабочие были в забросе. Это дало возможность около двух лет проработать при сравнительно свободных условиях: устраивались большие собрания в рабочих квартирах, агитаторы открыто выступали в мастерских, листки висели на фабриках дня по два и т. д.

Чем же объясняется, что московские социалдемократы сразу взялись за агитационный метод? Думается, что на это натолкнули, прежде всего, условия и обстановка, в которой пришлось им работать: скопление больших масс пролетариата на громадных фабриках московского района, тяжелые условия труда, особенно на ткацких фабриках, толкали рабочих на борьбу, ко-

торая и началась уже стихийно, проявляясь иногда в очень резких формах, как, например, во время морозовской стачки в 1885 г. Но говоря о новом пути, на который сразу так успешно встало рабочее дело в Москве, нельзя не упомянуть о товарище Е. И. Спонти, который много способствовал широкой постановке работы. Он приехал в Москву с Запада,—до этого он живал в Польше и в Северо-Западном крае, был хорошо знаком с польским и еврейским рабочим движением; он и ознакомил нас с постановкой работы в Западном крае; благодаря ему же, мы ознакомились с польской агитационной литературой. Совместная работа и беседы с ним и способствовали скорейшему переходу к новой тактике нашего кружка. Скоро эта новая тактика получила и свое теоретическое обоснование. Произошло это при таких условиях: один из членов кружка в январе 1894 года поехал в Вильну за литературой. В это время там тоже очень живо обсуждался вопрос о переходе от пропаганды к агитации. До этого времени пропаганда велась там среди евреев на русском языке и распространялась русская легальная и нелегальная литература; теперь же был поставлен на очередь вопрос о переходе к агитации на еврейском жаргоне, как языке более доступном для широкой массы. Наш посланный рассказал, что вопрос об агитации в высшей степени интересует и москвичей. На собрании была выработана резолюция по этому поводу, и один из товарищей (А. Кремер) обещал написать обоснование этой резолюции. Через некоторое время он это выполнил, и потом сообща с нашим посланным и была редактирована брошюра „Об агитации", которая впоследствии в 1896 или 97 г. была напечатана заграницей.

Главная ее мысль была такая, что для того, чтобы развить классовое самосознание в рабочем классе, чтобы поднять его на планомерную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести пропаганду в его среде идей научного социализма; для этого необходимо, прежде всего, вести агитацию в массе на почве ближайших экономических нужд ее и постараться

вовлечь ее в борьбу там, где она еще не начиналась, за эти ближайшие, а потому наиболее для массы понятные и доступные экономические нужды. Раз масса начнет такую борьбу, то она очень скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов, она также очень скоро увидит и почувствует, что главным препятствием в этой борьбе является современный политический режим, и, таким образом, процесс экономической борьбы втянет ее и в борьбу политическую. Роль агитаторов и сознательных рабочих и будет состоять в том, чтобы помогать массе понять эту непосредственную связь экономической и политической борьбы, содействовать развитию в процессе борьбы ее экономического и политического самосознания. Но мы никогда не утверждали, что переход от ступени экономической борьбы к политической должен растягиваться на ряд лет, как потом стали толковать эту брошюру; мы полагали, что переход этот должен быть непосредственным в одном и том же листке или в одной и той же речи агитатора. Правда, главное содержание нашей пропаганды и агитации было экономическое: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплуатации со стороны хозяев, о необходимости борьбы с капиталистами; но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне затруднена: нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов; указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает интересы капиталистов и что для успехов в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического строя; приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие имеют участие в управлении государством, где обеспечен известный минимум свобод, а потому рабочие и добились многих улучшений в своем положении. Доказывалось, что все эти завоевания есть результат борьбы, к каковой и призывались русские рабочие. Эти мысли старались провести в каждом листке, в каждой брошюре и пользовались для этого каждым представляющимся случаем: отказ в жалобе, поданной фабричному

инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность царя фанагорийцам за расстрел рабочих (в Ярославле, в 1895 г.),—все это служило поводом для выяснения связи экономики с политикой. При подходящем случае писали и на чисто политические темы: так, напр., г. Винокуровым была написана брошюра по поводу смерти Александра III, в которой доказывалось, что вся политика его велась в интересах помещиков и капиталистов. При случае указывалось и на классовый характер церкви, как, напр., в листке по поводу архиерейского молебна на заводе „Доброва и Набгольц", деньги за который пробовали взыскивать с рабочих.

В общем, следует сказать, что тактика, принятая нами, оказалась в высшей степени успешной. Наши листки всегда встречали горячий интерес и сочувствие в самой серой массе, они были для нее понятны и касались ее наболевших нужд. Благодаря нашей тактике, успешно достигалась и цель политического воспитания массы. Один пример развития политического и религиозного сознания, достигнутого тем, что мы начинали с экономики, я приведу здесь. Один рабочий говорил мне, что наша тактика, сравнительно с прежней народовольческой, скорее приводит к цели—развития политического сознания у рабочего. „Несколько лет тому назад,—рассказывал он,—жил я в Туле, на ружейном заводе; там один рабочий стал мне говорить, что царя не надо, бога нет. Я слушал, слушал его, да как дал ему по роже да и ушел от него; а вот как я прочел ваши листки, то я понял все правильно и о царе, и о боге". Другой рабочий прочитал брошюру Плеханова—„8-мичасовой рабочий день", в которой очень мало говорится о политике, и после ее прочтения тоже стал высказывать самым резким образом республиканские взгляды, и подобных примеров было много.

Наша новая тактика не сразу была понята и оценена в других городах. Я помню разговор с одним казанцем и одним нижегородцем, которые наши листки называли вульгаризацией, чуть ли не профанацией,

Маркса. Казанец говорил, что это возвращение к старым и осужденным уже историей агитационным приемам „Народной Воли", что эта гектографическая пачкотня представляет уже пройденный этап и не выдерживает критики с точки зрения конспирации; достаточно де-легальной литературы и устных бесед в кружках. А когда я дал прочесть брошюру „Об агитации" одному петербургскому соц.-демократу (потом видному деятелю в партии), то на мой вопрос, как она ему понравилась, он только сказал, что, по его мнению, там неправильно изложен вопрос о рынках, на главную мысль брошюры он даже не обратил внимания. Но, как бы то ни было, эта брошюра сыграла большую роль: она была разослана во все города, где были соц.-демократич. кружки, вызвала много толков и через год-другой принципы, изложенные в ней, были приняты везде, и это послужило сильным толчком к развитию в России более широкого соц.-демокр. рабочего движения.

3. Первая рабочая социалдемократическая организация в Москве Первая рабочая маевка Провал организации.

С увеличением наших связей среди рабочих, с увеличением числа кружков, скоро перед нами встал организационный вопрос. Решено было создать центральный рабочий кружок, в который входили бы по одному представителю от каждого вполне сформировавшегося заводского кружка. Заводский кружок состоял из рабочих одного завода, занимающихся в пропагандистских кружках; этот заводский кружок вел дело агитации и организации на своем заводе; около него группировались менее сознательные рабочие; одним словом, он выполнял ту роль, которую выполняли потом „заводские комитеты". Центральный рабочий союз, составленный из представителей всех заводских круж-

ков и пополнений несколькими интеллигентами, ведущими непосредственную работу среди рабочих, по мысли некоторых товарищей, и должен был играть роль коллектива, который заправлял бы всем рабочим делом в Москве. Этот союз должен был собирать материал для агитации, для листков, для брошюр, он должен был давать „директивы" для всей организации. он же должен был заведывать техникой, транспортами, сношениями с другими городами и т. д. Некоторые же говорили, что рабочие еще недостаточно подготовлены для руководства движением, особенно же неудобно передавать в такой большой кружок конспиративную часть (технику, транспорты, сношения) и даже существование такого союза они считали неконспиративным, так как он может привести к провалу всех верхов организации. Всем делом, по мысли этих товарищей, должен руководить интеллигентский кружок, который кооптирует наиболее подготовленных рабочих. Оба направления сошлись на компромиссе: центральный рабочий союз был организован, но наряду с ним оставался прежний интеллигентский кружок, в который было принято трое рабочих; за этим кружком оставлено высшее идейное руководство движением и конспиративная часть; рабочий же союз играл роль, так сказать, совещательного учреждения, собирал материалы, передавал связи; на его собраниях читались проекты листков и часто вносились изменения по указанию рабочих.

Первое собрание центр. рабочего союза было в апреле 1894 г. На нем были представители от кружков с заводов Гужона, Вейхельта, Листа, Бромлея, Доброва и Набгольц, Гоппера, Грачева, с Брестской и Казанской железнодорожных мастерских, с фабрик Михайлова, Филиппова и еще нескольких. С образованием рабочего союза дело пошло еще живее: росло число связей, кружков. Особенно же живо пошло дело летом: стали устраиваться часто за городом собрания, на которых выступали наши ораторы, начали заводиться связи с подмосковными фабриками и городами; так, были заведены связи с Ореховом-Зуевом, Рамен-

Сергей Иванович
ПРОКОФЬЕВ.

Федор Иванович
ПОЛЯКОВ.

Федор Федорович
БОЙЭ.

Евгений Игнатьевич
СПОНТИ.

Андрей Дмитриевич
КАРПУЗИ.

Гирш Мовшевич
КРУКОВСКИЙ.

Александр Николаевич
ВИНОКУРОВ.

Сергей Иванович
МИЦКЕВИЧ.

ской мануфактурой, с гор. Ковровом, Тулой и некоторыми другими. Были попытки уходящими в деревню на летние работы рабочими вести агитацию в деревне, и в двух экономиях в Московской губернии под влиянием этой агитации были вызваны стачки батраков. В самой Москве в то лето тоже была стачка у Цинделя и на двух-трех заводах рабочие волновались и предъявили требования хозяевам, которые и были частью удовлетворены, и дело не дошло до стачки. Были выпущены листки по этому поводу.

Осенью 1894 г. образовался женский кружок (С. Н. Муралова, П. И. Винокурова, А. И. Смирнова). Этот кружок завел связи с женщинами-работницами, ткачихами, модистками и др. — Члены кружка поступали учительницами в воскресные школы и там, вместо преподавания грамматики, читали слушательницам наши брошюры. Когда не утверждали их учительницами, то они записывались в школу в качестве учениц и заводили знакомства с другими ученицами. Так удалось завести довольно много связей среди работниц. Среди них особенно выдавалась одна ткачиха, как агитаторша; она была неграмотная и ей читали листки и брошюры другие. Интересно, что многие неграмотные рабочие, затронутые агитацией, стали проявлять сильное стремление научиться грамоте и часто учились читать по нелегальным брошюрам.

В это время у нас зародилась уже мысль о рабочей газете, — материала для такой газеты было у нас достаточно. Думали мы ее назвать „Рабочее Дело", но пока не была достаточно хорошо поставлена техническая часть, пришлось ограничиться изданием серии листков. Были изданы листки „Много ли мы зарабатываем", „Долго ли мы живем", „Разговор с фабричным инспектором", „Разговор фабриканта и рабочего" и несколько других. Последние два из упомянутых были диалоги в юмористической форме. В ноябре 1894 г. мы получили из Петербурга сборник, изданный на гектографе „группой народовольцев". Он был превосходно составлен. В нем были статьи и на общие темы, и корреспонденции с заводов. Очевидно,

мысль о рабочей газете возникла одновременно в Петербурге и Москве, в Петербурге только почему-то раньше у народовольцев, чем у социалдемократов. Заграницей в это время народовольцами издавался „Русский Рабочий", который и мы не отказывались распространять за недостатком литературы.

Так шло дело без всяких помех со стороны полиции до декабря 1894 года, но еще летом, а особенно осенью, полиция обратила внимание на начавшееся в рабочей массе брожение, и началась слежка за некоторыми интеллигентами и рабочими. В декабре 1894 г., как я уже говорил в 1-ой главе, были в Москве произведены аресты и высылки под предлогом начинавшихся студенческих волнений. В числе высланных оказались почти все члены интеллигентского кружка, один товарищ уехал около этого времени заграницу для заведения постоянных сношений и для постановки издательской части. Из интеллигентского кружка остался только один интеллигент, а из рабочих никто тогда не пострадал. Когда интеллигенты-руководители почти все исчезли, то руководство делом естественно перешло к рабочему союзу; интеллигентский кружок пополнился несколькими молодыми студентами (А. Н. и В. Н. Масленниковы, Ганьшин, Кирпичников и др.) и стал играть служебную роль: заведывал конспиративной частью, составлял листки, но темы и окончательная редакция перешла в рабочий союз. Тогда же была сделана попытка ввести специализацию функций: занимающиеся технической частью не должны были иметь дела с рабочими и т. п., но это плохо удавалось: народу подходящего было мало, а работы масса; таким образом, одному и тому же лицу приходилось и писать, и в типографии работать, и в кружках заниматься. Конспирация, вообще, плохо соблюдалась: многие рабочие знали друг друга и интеллигентов по фамилиям, ходили друг к другу на квартиры и т. д. Дело шло в общем очень хорошо: был выпущен ряд листков, работали 2 мимеографа, 1 ручной типографский станок. На некоторых фабриках целые мастерские примкнули к движению вместе с мастерами:

так, на заводе Гоппера мастер принимал в свою мастерскую только сознательных рабочих, другой—у Бромлея преимущественно рабочих, читающих „Русские Ведомости", что считалось тогда признаком сознательности и умственной развитости.

Так обстояло дело к весне 1895 года.

Приближалось 1-е мая, которое было решено отпраздновать, сделать как-бы смотр нашей рабочей организации, подвести итоги нашей двухлетней работы.

В апреле было издано по поводу празднования 3 листка, которые широко разбрасывались по заводам. Предложение ознаменовать этот день забастовкой отклоняется лишь потому, пишет т. Лядов (М. Мандельштам) в своей истории „Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии", что полиции тогда было бы очень легко выловить всех сознательных рабочих: надежды на то, что к забастовке пристанет вся масса рабочих, у организации не было. В виду этого постановлено было день празднования перенести на воскресенье 20-го апреля.— Чтобы избегнуть риска общего провала на маевку решено было итти не всем, а лишь по несколько человек с каждой фабрики по выбору организованных. На маевку собралось около 250 человек, представлявших до 30 фабрик и заводов, около ст. Перово. Там провели целый день: говорили речи т.т. Мандельштам, Карпузи, Поляков и др. на темы о необходимости организации рабочего класса, о борьбе за политическую свободу, о 8-часовом рабочем дне; указывалось на громадные успехи рабочего дела в Москве, несмотря на его молодость. Была принята резолюция немедленно приступить к самой широкой массовой организации и завести прочные связи с другими городами.

Настроение рабочих на собрании было очень приподнятое: чувствовались большое воодушевление и вера в свое рабочее дело.

После окончания речей начались песни: пели марсельезу, дубинушку, куплеты одного рабочего поэта, ткача Ц. Потом пошли всей толпой по направлению к станции с песнями.

На следующий день, 1-го мая, на всех гуляньях— в Сокольниках, на Девичьем поле,—рабочие кучками слушали рассказы тех, кто присутствовал на маевке и читали листки, розданные на празднике.

Слух о маевке разошелся по всему рабочему населению Москвы. О том, какое сильное впечатление произвел первый майский праздник, можно судить хотя бы по такому примеру, о котором рассказывает в своей истории т. Лидов. Один старик-рабочий из мастерских Моск.-Курской жел. дор., вернувшись с праздника, созвал у себя соседей и всю свою семью, велел одному из внуков прочесть вслух листок—сам он был неграмотный— и затем со слезами на глазах стал сравнивать этот листок с манифестом 19 февраля. „Тогда царь дал волю крестьянам, но воля та только называлась волей. Ничего мы не получили: землю нашу отняли, а сами мы из крепостных помещика стали крепостными хозяина. Вот сегодня нас зовут воевать за волю, и она уже будет покрепче той: сами мы добудем ее. Я хорошо помню, как читали нам царский манифест. Порадовались мы тогда: не понимали; только такой радости, как сегодня, я не упомню. Великое дело, когда понимаешь, что тебе делать нужно, чего добиваться. А мы сегодня все поняли. Наше это дело! Будем стойко бороться! Пусть каждый, кто понял, скажет всем... пояснит, и другие поймут. Наше, кровное это дело!"

После маевки дело пошло у нас еще живее. В это время возникла мысль об устройстве съезда представителей организаций разных городов. Из Москвы для переговоров по этому поводу были посланы товарищи в Екатеринослав, Киев, Ярославль. Были связи с Нижним-Новгородом, Саратовом, Петербургом и пек. другими городами.

Рабочие собрания устраивались в мае очень часто. В это время началась за несколькими лицами упорная слежка: они сопровождались целыми стаями шпионов: но они дела не оставляли и продолжали ходить по собраниям. Да и как было бросить, кому передать? Слишком еще мало было соц.-демократической интел

лигенции, способной и желавшей работать в рабочей среде.

В начале июня было в Сокольниках собрание представителей от заводских кружков. Всего было человек 80 от 29 фабрик и заводов. На этом собрании было решено через неделю собрать большое собрание из всех более или менее сознательных рабочих; ожидалось до 2000 человек. Но этому собранию не суждено было состояться. Уже описанное собрание из 80 человек было прослежено, со многих были сделаны шпионами снимки, и 10 июня были арестованы все интеллигенты, принадлежащие к организации. Был взят мимеограф и типографский станок. Из рабочих опять-таки никто не был арестован, хотя полиция многих из них проследила. Очевидно, полиция решила выловить всех сразу и с этой целью продолжала слежку. Оставшиеся рабочие продолжали дело: писали листки, типографщик Наумов в большом числе печатал их в легальной типографии.

В августе был арестован почти весь центральный рабочий кружок и много рабочих из организации. Всего было арестовано несколько сот человек. Часть из них была выпущена через несколько недель, часть просидела в тюрьме 7 месяцев, а 17 человек просидели до приговора 1 г. 8 месяцев. Приговор получили 49 человек в административном порядке, „по высочайшему повелению". Самое меньшее наказание было—гласный надзор 2—3 года с запрещением жить в столицах и некоторых городах, 13 человек были сосланы в Архангельскую губернию на 3 года, 1—на 3 года в Восточную Сибирь, а 4—на 5 лет в Якутскую область. Двое сошли с ума в тюрьме: студ. Кирпичников и Григорий Мандельштам; последний умер вскоре после приговора в больнице для душевнобольных.

4. 1896—99 годы Массовый характер движения Начало зубатовщины.

После провала нашей организации в августе 1895 г. осталось на свободе еще много сознательных рабочих: их начали собирать другие интеллигентские кружки, а также и сами рабочие организовывались и искали связей с интеллигенцией.

Надо сказать, что еще в 1894 году нам приходилось наталкиваться на отдельных одиночек-интеллигентов, поддерживающих связи с рабочими, устраивающими пропагандистские кружки. Особенно надо отметить работу тов. А. Н. Орлова; он начал работать в 1893 или 1894 году и провалился только в 1897 году. Число таких одиночек и целых кружков увеличилось в 1896 году.—Студенчество в это время ищет связей с рабочими,—рабочие жадно ищут связи с революционной интеллигенцией. При этих условиях работа и организации быстро налаживаются.

В январе организуется „Московский рабочий союз", который вскоре объединяет около 1.000 рабочих; он проявляет большую энергию и широко ставит дело: заводит типографию, выпускает ряд прокламаций. В январе к празднованию 25-летия Парижской Коммуны посылается адрес к французским социалистам с 600 подписей рабочих. На Лондонский международный социалистический конгресс, бывший в том же году, Московский союз передает свое представительство Вере Засулич. Русская делегация на этом конгрессе докладывает о только-что проведенной в Петербурге 3-недельной стачке 30.000 ткачей, о росте социалдемократического движения в царской России. В Москве весной и летом тоже проводится ряд стачек на механических заводах и в железнодорожных мастерских. Рабочие добиваются значительных уступок,—10-часового рабочего дня на многих заводах и повышения заработной платы.

Видным деятелем рабочего движения в это время в Москве был некто Рума; он еще в 1895 году устран-

вал кружки среди интеллигенции, выставлял свою кандидатуру в наш кружок, но нам не внушал особого доверия и не был принят. После провала нашей организации он принялся деятельно за работу среди рабочих, но, как оказалось потом, он вступил в связь с Охранным Отделением и вскоре провалил всю организацию. В июле 1896 года было опять арестовано несколько сот рабочих. С этой публикой начальник Моск. Охранного Отделения, Зубатов, во время их сидения, вел большие разговоры: он их убеждал отказаться пока от политической агитации, а вести только экономическую, обещал за это легализацию рабочего движения. И, повидимому, некоторые даже вполне честные люди попали на удочку хитрого шпиона и вступили с ним в какие-то переговоры. История эта темная и не вполне разъясненная до сих пор. Но, как бы то ни было, через месяц большая часть арестованных была выпущена и многие оставлены в Москве. С тех пор была, очевидно, широко поставлена и организована провокация, как в рабочей, так и в интеллигентской среде. Рума жил и „работал" еще некоторое время в Москве, но потом, когда его деятельность была разоблачена, уехал.

С этого времени деятельность среди рабочих в Москве стала крайне затруднительной. Провалы следовали за провалами: ни одной группе не удавалось укрепиться хоть сколько-нибудь прочно, 6 месяцев считалось уж большим сроком для существования группы. Так, в ноябре 1896 г. провалился только-что образовавшийся „Рабочий Союз", в апреле 1897 года тоже были большие аресты среди рабочих. Прав был покойный Бауман, много работавший в Москве, когда говорил, что история рабочего движения в Москве есть история провалов. Рабочие в это время отказываются вступать в кружки, зная, что такие кружки тотчас проваливаются,—организации боятся очень расширять свои связи из опасения наскочить на провокатора.

В рабочем движении Москва отстает в эти годы от других второстепенных центров, но нелегальная

работа, хотя и ведется не так широко и организованно, но все же никогда не глохнет.

Так, уже в 1898 году в Москве работает „Московский Союз борьбы за освобождение рабочего класса" и принимает участие на первом всероссийском соц.-демократическом съезде в Минске (делегат Перазич). На этом съезде основывается официально „Российская соц.-демократическая рабочая партия". Выпускается манифест партии. К 1-му мая 1898 г. партия выпускает первую общероссийскую прокламацию. Вскоре после съезда начинаются массовые аресты по всей России, сильно ослабившие неокрепшие еще партийные организации.

1899 и 1900 годы промышленного подъема характеризуются в рабочем движении развитием, так-называемого, „экономизма", когда политические мотивы агитации и борьбы отходят на задний план, и на первый план выдвигается борьба на почве ближайших экономических нужд. В это время организации ведутся часто самими рабочими, и в них втягивается серая масса.

Органом „экономистов" заграницей были в это время журнал „Рабочее Дело", издававшийся „Союзом русской соц.-демократии", в России — петербургская „Рабочая Мысль". Небольшая часть эмигрантов вместе с группой „Освобождение Труда" вела борьбу с „экономистами": в России органом „политиков" было „Рабочее Знамя" (В. П. Ногин, М. Лурье и др.), имевшее ярко-политический характер. История московского рабочего движения за эти годы является мало освещенной. В Москве работали в это время П. В. и А. В. Луначарские, С. Н. Луначарская-Смидович, А. И. Ульянова (сестра Ленина), М. Ф. Владимирский,—имена, все хорошо знакомые москвичам.

5 Начало нового столетия (1901—1904 гг.) Канун первой революции.

Начало нового столетия ознаменовалось в России новым подъемом политической борьбы.

Заграницей в это время (декабрь 1900 г.) основывается газета „Искра" возвратившимися из ссылки основателями первого „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса" Лениным, Мартовым и Потресовым. „Искра" призывает к политической борьбе и к общероссийской крепкой партийной организации, борется с „экономизмом", с „кустарничеством" и разбродом, и вокруг „Искры" сплачиваются лучшие соц.-демократические силы; ее агенты едут в Россию, и общепартийная организация делает крупные шаги, как в смысле широты размаха и революционности, так и в техническом отношении: появляется в большом количестве литература, как заграничного, так и местного происхождения.

1901-й год отмечается распространением новой формы массовой борьбы—политических демонстраций. В начале года происходят студенческие волнения с требованиями „политической свободы": к ним примыкают рабочие; происходят демонстрации в Петербурге, Харькове, Киеве, Казани, Томске. В Москве демонстрирующие студенты были арестованы и заперты в манеже; вокруг манежа собрались громадные толпы рабочих и интеллигенции, выражая им сочувствие. Разгоняемая полицией и казаками, толпа рассеивается по городу, устраивает из фонарей и бульварных скамеек баррикады, выбивает стекла во дворце генерал-губернатора. „Уличные беспорядки" продолжаются в Москве в течение 3 дней (23—26 февраля).

Маевки этого года ознаменовываются волнениями, принявшими большие размеры в Петербурге, на Выборгской стороне и на Обуховском заводе.

В Москву приезжают в это время „искровцы" — Бауман и др.—ставят „искровскую" организацию, широко распространяется „искровская" литература.

Полиция, напуганная широким размахом рабочего движения, усиливает свою энергию в борьбе с ним. Зубатов в противовес революционному движению старается усилить свои организации и овладеть рабочим движением. В 1901 г. московская администрация утвердила устав „Совета рабочих механического производства", а затем—и „Совета ткачей". На устав этих обществ полиция, конечно, наложила свою яркую печать. В эти советы члены общества выбирали лишь кандидатов, из которых полиция назначала членов совета; не могли быть членами общества поднадзорные: пособий лишались также лица, подвергавшиеся административным наказаниям. Эти советы должны были намечать желательные для рабочих изменения в расценках, таксах, распределении рабочего времени, и вообще—в правилах внутреннего фабричного распорядка.

Во главе советов стояли убежденные рабочие-зубатовцы (Слепов, Афанасьев, Жилкин, Красовский, Янченков и др.). Вскоре советы стали играть большую роль в московском рабочем движении: они вмешивались в конфликты рабочих с фабрикантами, вынуждали у них уступки рабочим, пользуясь давлением полиции на фабрикантов, а когда фабрикант Гужон выгнал из своей фабрики членов совета, то был, как французский подданный, приговорен к высылке из России, и только могущественное заступничество капиталистических организаций пред высшей администрацией спасло его от этого. Был организован в Москве ряд стачек, пользовавшихся полицейской поддержкой и даже субсидиями из охранки.

С целью отвлечь рабочих от политики и привить им свои взгляды на нее, Зубатов организовал в московских народных домах беседы и лекции для рабочих, привлекая к ведению их благонамеренных профессоров (Озеров, Ден и др.), а также и попов. Рабочих, выступавших на этих беседах с критикой зубатовщины, арестовывали и высылали из Москвы.

Апогеем этого движения была манифестация не-

скольких тысяч московских рабочих 19 февраля 1902 г. с возложением венка на памятник Александра II.

Как отражалась вся эта тактика в умах серых рабочих, показывает история с рабочим-зубатовцем Янченковым, который при аресте заявил: „рабочие об отводе им помещений для собраний не станут спрашивать разрешения, ни в конторе, ни у хозяев, ни у станового пристава, а сами выберут подходящее место и будут там собираться. Прошло время, когда были рабовладельцы и рабы, и когда рабы уподоблялись пчелам и кормили своих господ задарма; теперь и рабы будут жить, как господа".

„А некоторые фабричные хулиганы, как пишет чиновник Морской в своей книге о зубатовщине, открыто проповедывали, что скоро, мол, хозяев скрутят в веревочку, и тогда надо будет посмотреть, как они станут выколачивать с рабочих дивиденды, а потом и фабрики у хозяев отберут в казну, — чтобы народу тесноты не было, а была воля во всем".

Но царское самодержавие изменило бы своей классовой сущности, если бы оно далеко пошло по этому пути.

Против опытов Зубатова был двинут весь аппарат классовых московских капиталистических организаций и ведомства, наиболее тонко отражавшего их интересы—министерства финансов, которое все время вело борьбу против Зубатова, и добилось, наконец, в августе 1902 года перевода его из Москвы.

После его отъезда из Москвы, его организации стали хиреть, экономические завоевания рабочих бражались назад, агитаторы стали высылаться из Москвы. Рабочие увидели себя и здесь обманутыми, загнанными в ловушку.

„Эти факты революционизировали умы более, чем сотни агитаторов, взятых вместе, пишет проф. Озеров. Я никак не думал,—продолжает он,—что правительственная власть будет столь близорука, чтобы допустить такой опыт. Но по пословице: „бог лишает разума того, кого хочет погубить".

Итак, несмотря на все усилия полиции подавить

революционное движение, оно растет и в следующем 1902 году принимает все более революционный темп и значительно расширяется: в него втягиваются крестьянство и либеральная буржуазия. Среди крестьянства, кроме социалдемократов, развивает работу партия социалистов-революционеров. Либералы-земцы и городские деятели организуются в „Союз освобождения", во главе которого становится перебежчик от марксизма—Струве.

В 1903 г. по всему югу России разливается широким потоком стачечное движение, начатое на экономической почве одесскими зубатовцами (Шаевич), но быстро принявшее ярко-политический характер с демонстрациями, митингами, разгоняемыми нагайками и пулями. Число бастовавших на юге России дошло до 230 тысяч. В Москве отголоском этих событий явилась всеобщая стачка типографов; во время нее был образован полулегальный профессиональный союз типографских рабочих и стала издаваться нелегальная газета.

В это время, летом 1903 г., происходит заграницей 2-й съезд Российской соц.-демократической рабочей партии (от Москвы едут на него Бауман и Цейтлин). На съезде принимается партийная программа. Партийные организации после съезда растут и крепнут.

Но работа после 2-го съезда проявила и организационно оформила те разногласия в единой, как казалось, партии, корни которых с конца 90-х и начала 900-х г.г. шли от борьбы между экономистами и „искровцами", затем раскололи редакцию „Искры" и группу основателей этой газеты на 2 лагеря (в одном—Ленин, в другом—Потресов и Мартов), затем, углубляясь с каждым последующим этапом в развитии рабочего движения в России, выросли в наши дни в целую пропасть и поставили противников по обе стороны октябрьской баррикады. Именно, борьбой между большевиками и меньшевиками, борьбой литературной и организационной, знаменуется период внутрипартийной жизни после 2-го съезда. Острый спор прежде всего разгорается вокруг *организационных* вопросов.

Большевики видят в каждом новом выступлении, крупной стачке или политической демонстрации нарастание революционной энергии рабочего класса в России, нарастание, которое неизбежно приведет в ближайшем будущем к революционному взрыву, и весь организационный план приспособляют к тому, чтобы внести в эту революционность и широкий размах, и твердое революционное направление (см. об этом в брошюре Ленина „Что делать“ и „Шаг вперед, два шага назад“). Большевики настаивают на централистической (и потому строго конспиративной) организации, в значительной части состоящей из кадра профессиональных партийных работников, которая и должна руководить борьбой рабочих масс. По этому плану Центральн. Комитет, получивший полномочия от партийного съезда, располагал большой властью над местными организациями. Меньшевики отстаивают противоположный план: последовательно полная выборность всех организаций, стоящих между партийными ячейками и Центр. Комитетом, и значительная независимость их от Ц. К., а при тогдашних условиях это неизбежно вызывало расплывчатый и неоформленный характер организации. Разногласия разрастались. Большевики призывали к организованной подготовке вооруженного восстания, к союзу с революционным крестьянством, к борьбе с якобы либеральной, а на деле контр-революционной буржуазией. Меньшевики решительно боролись с этими лозунгами, приглашали к поддержке и подталкиванию либералов („соглашательство“). Разногласия между большевиками и меньшевиками (в 1904 и 1905 г.г.) зашли далеко. „Искра“ была захвачена меньшевиками и изменила свой боевой характер. Большевики стали издавать „Вперед“, потом „Пролетарий“. Во всех городах организации большевиков и меньшевиков разделяются и образуют свои фракционные центры. В 1905 г. съезды обоих направлений собираются отдельно. Были затем попытки работать вместе, соединиться на съездах в 1906 и 1907 годах (Стокгольмском и Лондонском), но успеха

не имели. Организации фактически всегда существовали отдельно.

Москва неизменно была цитаделью большевизма. меньшевистские организации здесь всегда были значительно слабее большевистских. Однако, возвратимся к последовательному изложению событий.

В 1904 году русское правительство, чувствуя приближение революции, с целью отвлечь внимание народа от вопросов внутренней политики, затевает войну с Японией. В начале, действительно, патриотический подъем захватывает часть общества и даже часть рабочих масс. В Москве и других городах происходят патриотические манифестации с иконами и царскими портретами. Но этот патриотический угар быстро идет на убыль. Соц.-демократическая партия энергично и единодушно становится на путь агитации против войны. Выпускаются тучи прокламаций к рабочим и солдатам. Поражения русских войск только усиливают протесты против войны. Возбуждение в массах растет. Правительство, после убийства всемогущего министра вн. дел Плеве, делает некоторые послабления. Наступает "политическая весна, – эра банкетов, выступлений соц.-демократов на земских собраниях и в городских думах. Партия развивает большую организационную работу.

6. Три революции: 1905 года. Февральская и Октябрьская 1917 г.

Великий 1905 год открывается всеобщей стачкой в Петрограде и шествием рабочих масс 9-го января к Зимнему дворцу, во главе с попом Гапоном, с требованием мира и всенародного учредительного собрания. Расстрел мирных манифестантов служит сигналом ко всеобщим забастовкам почти во всех городах России. В Москве забастовки охватывают также большинство фабрик и заводов Движение становится

все более широким и открытым. В феврале в Москве идут собрания рабочих во всех народных домах. Зубатовцы пытаются провести петицию к министру внутренних дел об улучшении положения рабочих; социалдемократы пользуются этими собраниями, проваливают петицию и проводят везде резолюции с требованием учредительного собрания. 1-е мая в Москве празднуется широко в виде „массовок" с сотнями участников. Непрерывные „массовки" идут в течение всего лета в окрестностях Москвы, и вся Россия в это время бурлит и клокочет: происходят грандиозные стачки в Иванове Вознесенске и Лодзи с манифестациями и баррикадами. Восстает черноморский флот, волнуются солдаты на фронте и в лагерях, и происходят крестьянские волнения. Правительство обещает созвать законносовещательную Думу, но его обещания никого не удовлетворяют. Движение идет под лозунгами: бойкот законносовещательной Думы, всенародное учредительное собрание, демократическая республика, 8-ми часовой рабочий день и вся земля народу.

Осенью в Москве начинается стачка типографщиков. Университетские аудитории открываются для митингов, и многие тысячи рабочих заполняют аудитории, где раздаются революционные речи социалдемократических агитаторов. Начинается знаменитая всеобщая забастовка в России: все железные дороги останавливаются. Москва также вся замирает: останавливаются фабрики, заводы, трамваи, освещение, почта, на два дня останавливается водопровод. Правительство идет на уступки: издает манифест 17-го октября, в котором обещается законодательная Дума и политические свободы. Наступают знаменитые „дни свобод". Появляются легальные социалдемократические газеты: в Москве издаются большевистская „Борьба", под редакцией М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова и Строева, затем газета „Вперед", издаваемая московским комитетом (ред. М. И. Васильев) и меньшевистская „Московская газета" под редакцией П. П. Маслова.

На книжном рынке появляются миллионы политических брошюр. Идут бесконечные митинги и энергичное партийное строительство: партийные организации насчитывают тысячи членов и десятки тысяч рублей оборота в месяц. (за октябрь приход московского комитета достиг 35 тысяч рублей). Профессиональные организации растут в числе и количестве членов (уже в сентябре 1905 года в Москве было 26 профессиональных союзов). Образуются в Петрограде, Москве и других городах Советы Рабочих Депутатов.

Первые дни свобод омрачились в Москве убийством во время демонстрации черносотенцем популярного вождя московских рабочих Н. Э. Баумана. Похороны его вылились в грандиозную, стройно-организованную манифестацию с 150 тысяч участников, с тучей красных знамен. Москва со своего основания не видала ничего подобного. Мы, некоторые участники первых слабых организационных попыток среди московских рабочих, встретились во время этой манифестации со слезами радости и восторга перед грандиозностью развернувшегося движения... Но недолго продолжались „дни свобод". Уже в конце ноября правительство, заручившись поддержкой французских банкиров *), вступило на путь реакции и репрессий: арестовало в Петрограде Совет Рабочих Депутатов, закрыло социалдемократические газеты. Вооруженным восстанием ответила Москва на эти шаги правительства. Вся Москва покрывается баррикадами. Войск в Москве мало, и они ненадежны, колеблются. Были попытки перехода некоторых частей на сторону народа (инженерные батальоны, Ростовский полк), но части заблаговременно разоружаются в казармах. Сражаются против народа только отряды драгун, казаков и небольшая часть артиллерии, прибывшая из провин-

*) „Доблестная" наша союзница, „свободная" Франция, с 1891 года всегда усердно своим золотом поддерживала царское самодержавие и приходила ему на помощь в тяжелых случаях. Особенно ценную помощь оказала ему перед открытием 1-й Государственной Думы, дав ему в долг 2½ миллиарда франков. Правительство, благодаря этой поддержке, могло не считаться с Думой и скоро ее разогнало.

ции. Проходит 7 дней (с 7 по 14 декабря,) и борьба на улицах идет вничью. Но вот из Петрограда прибывает гвардейский Семеновский полк верных царевых холопов, под командой генерала Мина. Полк, поддержанный артиллерией, ведет сильную атаку против занявших район Пресни и уже утомленных 7-дневным боем революционных отрядов, громит Пресню из пушек, (разгром Прохоровской и Шмитовской фабрик), зажигает ее со всех сторон и в течение 2—3-х дней ликвидирует восстание. Затем отряды семеновцев разъезжают по дорогам московского узла и везде расстреливают десятками „забастовщиков“. Восстание было подавлено... С его подавлением пошло на убыль с некоторыми колебаниями и массовое революционное движение в России. Новый удар революции был нанесен разгоном 1-й, а потом и 2-й Думы (3-го июня 1907 г.) и последовавшим за ним столыпинским террором. Но то, что было добыто в 1905—07 гг., плоды массовых революционных действий, широкой агитации и массовых организаций партийных, советских и профессиональных,—не пропало даром,—оставило глубокий след и дало богатые всходы через 10 лет, во время февральской и октябрьской революций.

После временной реакции новый подъем рабочего движения начался в 1911 г. и особенно с ленского расстрела в 1912 г. Возрождается рабочая печать, и начинается славная борьба петербургских рабочих под старым знаменем большевизма, на котором, по условиям той эпохи, стояли лозунги: „за демократическую республику, за 8-часовой рабочий день, за землю“. Газета „Правда“, гонимая и преследуемая, возрождается вновь под новым названием, и вновь зовет рабочих на решительную борьбу *).

Волна растет все выше и выше...

Новая революция надвигается.

---

*) Меньшевики в это время ведут борьбу под „урезанными лозунгами“: „За свободу рабочих организаций“. Они высказываются также за роспуск нелегальных партийных организаций („ликвидаторство“), они протестуют против большевистского „стачечного азарта“. Большим влиянием в рабочей среде они в это время не пользуются

В этот период московское рабочее движение не было так ярко, как петербургское, но попытки ставить партийные организации и издания легальных („Наш Путь“ и др.) и нелегальных газет все время делаются, но все эти попытки скоро проваливаются. Недаром в Москве поработала за это время целая группа провокаторов, в том числе такие видные, как чл. 4-й Государственной Думы Р. В. Малиновский, М. И. Бряндинский, А. И. Лобов (недавно расстрелян), А. С. Романов и мн. др. (см. об этом в книге: „Большевики“. Документы по истории большевизма с 1903 по 1906 гг.“ бывшего московского Охранного Отделения, изд. 2-е, Москва, 1918 г.).

За это время следует отметить большую литературно-организаторскую работу П. И. Скворцова, П. Г. Смидовича и Н. И. Бухарина.

Но вот разражается мировая война. Закрываются вся рабочая печать, все остатки профессиональных и культурных рабочих организаций, многие тысячи сознательных рабочих посылаются на фронт, социалдемократическая рабочая фракция Государственной Думы (большевистская) арестуется и ссылается на поселение. Часть рабочих захватывает меньшевистское оборонческое течение. В Москве происходит грандиозный погром иностранцев, организованный полицией. Казалось, реакция торжествует по всей линии. Но тут против реакционного патриотического угара, охватившего не только у нас, но и во всем мире широкие рабочие массы, опять поднимают большевики старое знамя интернационального социализма. Они провозглашают лозунг: „превратить империалистическую бойню в международную социалистическую революцию“. (См. знаменитые статьи в заграничном „Социал-Демократе“ Ленина и Зиновьева, собранные и изданные теперь в сборнике „Против течения“).

За время войны большевики развивают громадную агитацию против войны и за революцию, выпуская прокламации, организуя стачки, протесты, выступления на почве борьбы с меньшевиками-оборонцами, которые звали рабочих итти работать вместе с буржуазией

в военно-промышленные комитеты.—Особенно большую работу провели большевики за время войны среди петербургского пролетариата и гарнизона.

Поражения русских войск, общая разруха хозяйства и утомление, вызванные войной, восстановили против самодержавия все слои народа и подготовили революцию, которая и разразилась, наконец, в феврале 1917 года.

Революция начинается с того момента, на котором кончилось московское декабрьское восстание 1905 г.: вооруженное восстание за демократическую республику, за землю, за 8-мичасовый рабочий день, за советы рабочих и крестьянских депутатов. Революция в 2—3 дня охватывает всю Россию, которая, как по мановению волшебного жезла, покрывается Советами. Образовавшийся Петербургский Совет издает свое знаменитое обращение к народам воюющих стран и зовет их заключить братский демократический мир на основах самоопределения народов.

Буржуазия, стоявшая за ограничение царской власти, с целью более энергичного ведения войны, с первых же дней революции увидала, что народное движение далеко перешло те границы, которые она хотела бы ему поставить, и начала принимать с помощью эсеров и меньшевиков меры, чтобы овладеть движением путем компромисса, путем коалиционного министерства, которое, прикрываясь громкими революционными фразами, творило бы, в сущности, дело буржуазии. Но тут встретилась она с могучей агитационной работой большевиков. Уже в апреле только-что возвратившийся из-за границы тов. Ленин дает лозунги: „Вся власть Советам", „Борьба за республику Советов", „Борьба за мир", „Борьба за социализм".

С этого времени обстановка борьбы между партией пролетариата, осознавшей свои великие цели, и между буржуазией и ее союзниками—„социалсоглашателями" меньшевиками и эсерами—меняется. Широкие массы, шедшие первые месяцы за соглашателями, вскоре, особенно после июньского наступления, про-

зревают, и все свои симпатии отдают большевикам. Особенно быстро и ярко проявилось это прозрение среди рабочих масс Москвы. Еще на июльских выборах в городскую думу масса идет за эсерами и меньшевиками, но уже в августе, во время государственного совещания, на котором меньшевик Церетели предательски-демонстративно протянул руку кадету Кубликову, московский пролетариат всеобщей стачкой демонстрирует свое отношение к соглашателям, а в сентябре на выборах в районные думы большинство получают большевики.

В октябре происходит великая социалистическая революция,—предтеча Мировой Революции! В Петербурге переворот бескровный и почти моментальный. В Москве право-эсеровская дума, в союзе с буржуазией, офицерством и юнкерством, оказывает упорное сопротивление рабочей революции. 7 дней на улицах Москвы идет горячий бой. В результате—полная победа рабочей революции. Победа в Москве явилась залогом победы рабоче-крестьянской революции во всей России. Побежденная временно на окраинах *), она высоко держит знамя и факел в центре России и в ее красной столице—Москве. Москва является теперь маяком мировой революции, пламя которой все ярче разгорается во всем мире. Все скорее и скорее идет человечество через великую и грозную борьбу в царство социализма, в царство великой свободы и братства людей и народов.

С. Мицкевич.

---

*) Написано въ октябре 1918 г.

Пионеры социалдемократии в Москве.

(По материалам Московского Историко-Революционного Архива).

История зарождения и первых шагов социалдемократического движения в Москве не получила до настоящего времени достаточного освещения. Относящаяся к этому вопросу литература весьма небогата и исчерпывается по преимуществу ограниченным кругом воспоминаний участников московского движения и несколькими попытками историков партии наметить его вехи *).

В настоящее время представляется возможным использовать для освещения вопроса обширный материал, имеющийся в делах Московского Историко-Революционного Архива. Главным образом, этот материал должен быть извлечен из Архива бывшего Моск. Охранного Отделения.

Пополнить его дают возможность хранящиеся в том же Московском Историко-Революционном Архиве секретные дела канцелярии бывшего московского генерал-губернатора. К сожалению, в третьем из архивов, который мог бы быть привлечен к изучению вопроса — в архиве бывшего Губернского Московского Жандармского Управления — большинство дел,

*) Смотр. К. Миронов „Из воспоминаний Рабочего" (к-во „Молодая Россия" М. 1906 г.); М. Лядов—„История Российской Социалдемократической Рабочей Партии" (часть первая, к-во „Колокол", СПБ. 1906 г. стр. 64 слд.); П. Батурин—„Очерк истории социалдемократии в России" (М. 1906 г. стр. 55 слд.); Л. Мартов—„История Российской социалдемократической Рабочей Партии" (М. 1918 г.) и другие.

относящихся к 90-м годам прошлого столетия, отсутствует. Теперь трудно установить, были ли они изъяты из архива ранее, или же были уничтожены жандармами в феврале прошлого года, во время революции. Вероятнее последнее.

Подробное изучение этих материалов, хранящихся в Московском Историко-Революционном Архиве, даст возможность написать достаточно полную *внешнюю* историю первых московских социалдемократических кружков. Это изучение составит одну из ближайших задач Историко-Революционного Архива. В настоящее время Главное Управление Архивным Делом занято разработкой плана издания материалов по истории революционного движения в России. В первую очередь будут намечены работы по истории социалдемократического и рабочего движения в России. Дать читателю такой очерк еще невозможно: слишком обилен требующий своего изучения материал. Поэтому теперь мы вынуждены ограничиться извлечением из Архива ряда наиболее интересных документов, отмечающих важнейшие факты социалдемократического движения 90-х годов в Москве и характеризующих это движение и его участников.

Воспроизводимые здесь портреты участников движения также хранятся в Московском Историко-Революционном Архиве (в числе регистрационных карточек бывшего Московского Губернского Жандармского Управления).

Ввиду того, что приводимые ниже извлечения из дел представляют собою сырой материал, явилось предпочтительным расположить их в хронологическом порядке.

1892 г.

В 1892 г. „охранные сферы" впервые наталкиваются на более или менее организованную группу — преимущественно интеллигенцию, ведущую пропаганду среди рабочих.

По личному составу этой группы нетрудно судить о характере этой пропаганды. Среди арестованных и подвергшихся т. н. „наружному наблюдению“ и „усиленному негласному надзору“ мы видим имена, впоследствии официально примкнувшие к социалдемократической партии. Большинство пропагандистов, несомненно, были марксистами. К сожалению, материала в архивах охранного отделения о деятельности этих лиц очень мало.

В делах охранного отделения (№ 597—90) имеется копия отношения московского обер-полицмейстера от 23 ноября 1892 г. за № 8306 к начальнику моск. губ. жандармского управления следующего содержания:

1) Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что студент Александр Семенов Розанов принадлежал к кружку инженер-технолога Г. М. Круковского и запасного унтер-офицера, из вольноопределяющихся Мартына Львова Мандельштама, которые живут и служат на фабрике Элиозберга за Даниловской заставой, в районе Московского уезда.

Кружок этот имеет на фабрике периодические собрания, на которых происходило чтение по различным вопросам общественных наук. Руководить же сим кружком Круковский стал после ареста Ефима Дмитриева Мягкова, а потому часть членов кружка имеют с ним общих знакомых.

Егупова крайне интересовала личность, но не кружок Круковского, который оказывал ему значительную денежную поддержку в его деятельности.

В виду изложенного, является некоторая разнородность кружка. В него вошли: запасный рядовой Михаил Михайлов Егупов, вольноопределяющийся Виктор Алексеев Вашковский, Александр Васильев Перелетчиков, Мартын Мандельштам, (родной брат ныне освобожденного Григория Львова-Николаева Мандельштама) и студент Московского Университета—вышеупомянутый Розанов, Дмитрий Дмитриев Положенцев, Константин Константинов Чекеруль-Куш и др.

А так как из присланного приложения видно, что

некоторые помеченные там брошюры принадлежат к составу книг, привезенных Егуповым, то является несомненным, что это—состав библиотеки описанного выше кружка. Подлинное за надлежащим подписом".

К этому документу следует только добавить, что вся эта группа была арестована, причем у большинства из арестованных найдена марксистская литература.

1893 и 1894 г.г.

В 1893-м году работа с.-д. групп и отдельных социалдемократов в среде московского пролетариата сделала значительные успехи. Департамент полиции заволновался. Тем более, что о растущем с.-д. движении вести шли изо всех концов России...

В ноябре 1894 г. департамент полиции шлет по этому поводу циркуляр московскому обер-полицмейстеру, в котором констатирует „серьезное значение" „революционной пропаганды социалдемократического характера", особо отмечая успех этой пропаганды в Москве и ее районе. Циркуляр этот настолько характерен, что мы приводим его целиком.

„Из имеющихся в Департаменте Полиции сведений усматривается, что за последнее время революционная пропаганда социалдемократического характера, найдя для своего распространения благодарную почву в среде фабричных рабочих, начинает приобретать внутри Империи серьезное значение и по своей силе едва ли не превышает пропаганду всех остальных революционных фракций.

Так, между прочим, Департаментом получены указания, что речи революционнаго содержания, произнесенные на рабочих сходках в Вильне, воспроизведены посредством гектографа и находятся в обращении отдельными брошюрами между рабочими многих фабрик. В Москве, Владимире, Нижнем-Новгороде, Киеве, Казани, Самаре, Саратове, Харькове и Ростове на Дону имеются уже будто бы вполне организованные революционные рабочие кружки, преследующие чисто социалдемократические цели. Среди этих кружк-

ков возникают уже ныне толки о необходимости объединения и созыва для сего конгресса русских рабочих, на котором, между прочим, могла бы быть выяснена наличность организованных рабочих групп.

Получаемые сведения указывают, что пропаганда, благодаря энергии вожаков социалдемократов и восприимчивости рабочих, действует весьма успешно в смысле привлечения новых членов. До Рождества минувшего года в Москве, будто-бы, было пять человек, сочувствовавших социалдемократическому движению, к апрелю же текущего года число это возросло до 20; В Нижнем-Новгороде одна из социалдемократических групп возросла в течение всего нескольких месяцев с 7 до 40 человек; другая же группа числила в своем составе около 20 организованных рабочих. Вообще, в названном городе, будто-бы нет ни одной сколько-нибудь крупной фабрики, между рабочими которой не велась бы настолько деятельная пропаганда, что по некоторым данным к будущей весне можно ожидать увеличения членов рабочих групп до 200 человек. Независимо сего, на Сормовском заводе, Нижегородской губернии, пропаганда также ведется весьма успешно, и притом даже при участии местной фабричной администрации. Из других фабричных центров обращают на себя внимание Саратов, рабочая группа которого организует особую кассу, и Киев, в коем число вполне организованных рабочих-революционеров достигло к весне текущего года до 100 человек.

Об изложенном Департамент Полиции считает долгом уведомить Ваше Превосходительство для сведения".

Циркуляр произвел должное впечатление.

„Охранка" не заставила себя долго ждать.

6 декабря 1894 г. охранное отделение уже извещает о „ликвидации" кружка „лекаря С. И. Мицкевича", официально именуя названный кружок „социалдемократическим"...

Приводим это извещение, рисующее, как широко была поставлена работа первого официально именовавшегося „социалдемократического" кружка марксистской интеллигенции в Москве.

Лекарь Сергей Иванов Мицкевич стоял во главе деятельного социалдемократического кружка, который, помимо изданий на мимеографе и других копировальных аппаратах, вел правильную пропаганду и агитацию среди рабочих, сплачивая их в самостоятельную организацию, имевшую связи с иногородними рабочими центрами, находившимися между собою в оживленных сношениях и помогавшими друг другу материальными и иными средствами, а в случае арестов собиравшими по подписке деньги в пользу пострадавших.

Замечая, что рабочие затрудняются пользованием их брошюрами, сработанными на указанных аппаратах, а также циркулировавшими в рукописях, Мицкевич с близкими ему по делу людьми вступил в сношения с польской организацией и с заграничными деятелями и получал от них транспорты социалдемократических и др. групп изданий, как то, например, имело место весной текущего года, когда только что полученный нераспакованный транспорт революционных изданий был взят по обыску у Надежды Николаевой Лебедевой, которая ныне арестована и находится под следствием в Петербурге и арестованный жених которой Владимир *Жданов* все время жил ранее до ареста совместно с Мицкевичем.

Ближайшими сотрудниками Мицкевича были лекарь Александр Николаев Винокуров, студент Московскаго Университета Дмитрий Павлов Калафати, бывший студент Московскаго Университета Иван Васильев Денисов и другие члены Рязанского кружка, по преимуществу социалдемократического.

Из числа его знакомых известны студент Московского Университета Борис Александров Келлер (Сергей Иванов Потехин).

В настоящее время все означенные выше лица по распоряжению г. Министра Внутренних Дел удалены из Москвы с воспрещением им на некоторое время жительства в столицах и столичных губерниях и университетских городах. Причем Винокуров выбыл в Екатеринославскую, Калафати — в Николаев, Херсон-

ской губ., Денисов—в Орел. Келлер—в слободу Екатерининскую Самарской г. и Потехин—в Арзамас Нижег. губ.

В виду проявленных Мицкевичем в последнее время приемов особой конспирации в своей деятельности приступлено было на основании № 21 Высочайше утвержденного Положения о мерах к охране государственного порядка и спокойствия к обыску в его квартире, причем у него отобраны: мимеограф со всеми принадлежностями, отчет Красного Креста и сработанные на мимеографе: 1) Сочинение гр. Л. Н. Толстого „Царствие Божие", 2) Статья „Что такое друзья народа и как они воюют против социалдемократов". СПБ. 94 г., 3) Воззвание к рабочим и др. записки, заметки предосудительного характера. В виду таких результатов обыска, Мицкевич арестован и заключен под стражу в Сретенско-Полицейский дом, и согласно распоряжения Г. Директора Департамента Полиции, изложенного в телеграмме от 5 с. декабря за № 8536, он должен быть передан в Жандармское Управление для возбуждения о нем формального дознания".

1895—1896 г.г.

С 1895 г. социалдемократическая работа в Москве приобретает более организованные формы. Марксисты - одиночки, ведшие до сих пор пропаганду на фабриках и заводах самостоятельно, стремятся к объединению друг с другом, к созданию руководящего центра и центрального технического аппарата.

В самом начале 1895 года заявляет о своем существовании „Рабочий Союз", как центральная организация, объединяющая всех социалдемократов - практиков. В распоряжении „Рабочего Союза" были технические средства для печатания и распространения воззваний, склады нелегальной литературы, паспортное бюро для активных работников и т. д.

К сожалению, частые провалы соц.-дем. работников — с одной стороны, и взаимное недоверие, как результат этих частых провалов—с другой, создавали

подчас положение, при котором работа только тормазилась. В конце 1895 г., напр., судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, две социалдемократические группы, несвязанные организационно между собой, одновременно именовали себя „Рабочим Союзом"—центром, уже пользовавшимся в то время авторитетом в глазах московских рабочих. Та и другая организация имела технический аппарат, средства, и действовала совершенно самостоятельно.

Тем не менее, работа росла и ширилась, влияние „Рабочего Союза" в эти годы крепло, не взирая на героические усилия жандармерии парализовать это влияние.

Перед 1-м мая на фабриках и заводах получило широкое распространение прокламация по поводу первомайского праздника. Копия этой прокламации сохранилась в делах Охранного Отделения.

Приводим некоторые выдержки из нее. Подробно разъясняя значение первомайского праздника, прокламация призывает этот день „посвятить рабочему вопросу".

„Товарищи-Рабочие. Наступил день 1-го мая „Праздника рабочих". Многие из вас, конечно, никакого понятия не имеют об этом празднике. Не знают, какое значение он имеет для рабочего люда. А знать это необходимо... Пусть и у нас этот день будет днем „рабочего праздника"—говорится в прокламации. С каждым годом нас, сознавших свое положение, все будет больше и больше, и недалеко то время, когда и мы сообща, открыто будем праздновать день 1-го мая, как свой „Рабочий праздник", и мы дружно потребуем 8-часового рабочего дня и большей заработной платы. Поймем же, товарищи, что это не пустые слова, не фразы—мы люди, и должны добиваться человеческой жизни. Итак, дорогие товарищи, присоединимся и мы к заграничным рабочим, отпразднуем и мы, пока, как сможем, день 1-го мая, день „всемирного праздника" рабочих. Дружно же вперед на общее дело, да здравствует 1-е мая, да здравствует праздник рабочих".

Как известно, 1-е мая 1895 г., действительно, был

днем „рабочего праздника" для пролетариата Москвы. Прокламация вызвала массу толков среди широких рабочих слоев и небывалое волнение „охранки".

„Охранка" энергично принялась за дело.

10-го июня 1895 г. Охранное Отделение „совершенно секретно" доносит Департаменту Полиции о своих новых „подвигах".

„1-е мая рабочие кружки праздновали в Сокольниках так называемую „маевку", причем, к этому времени были выпущены литографированные прокламации, в коих изъяснялось социалдемократами значение этого дня для рабочего класса.

28 мая в Сокольниках происходило собрание представителей рабочих кружков, на котором говорилось о значении и необходимости организации „Рабочего Союза", причем был подвергнут обсуждению устав Рабочей Центральной Кассы.

4 июня обсуждался на собрании в Сокольниках же вопрос об организации в Люблине 11 сего июня большой рабочей сходки, человек на 200, причем на сходке предполагалось присутствие иногородних рабочих. К этому времени должен быть отпечатан устав рабочей кассы и воззвание к рабочим „Рабочего Союза".

Усиленным наблюдением за вожаками сходок — Андреем Карпузи и Григорием Мандельштам, а также за охранителями собраний рабочих—Ганьшиным, Кирпичниковым, Масленниковым и др. было установлено, что Андрей Карпузи принес к Кирпичникову не то большую склянку, не то вал для прокатывания по бумаге, который был затем отнесен к Дурново.

Дальнейшим наблюдением было установлено, что 9 сего июня вечером Дурново и Кирпичников, имея в руках узел и какую-то небольшую, но очень тяжелую коробку, отвезли ее в Мытищи к братьям Масленниковым. Совпадение этого перемещения с близостью сходки на которой должна была происходить раздача воззваний — сделало необходимым ликвидацию кружка арестованного Мицкевича, которая была произведена с 9 на 10 число сего месяца.

В состав главнейших агитаторов входили следую-

щие лица: запасный унтер-офицер, из московских мещан Мартын Николаев Мандельштам, Турецкий подданный Андрей Дмитриев Карпузи. Окончивший в мае сего года курс С.-Петербургского Технологического Института Алексей Александров Гаршин (свидетельство об окончании курса, заменяющее вид на жительство, выдано в С-Петербурге). Сын статского советника Николай Константинов Чекеруль-Куш. Кандидат на судебную должность Аркадий Иванов Рязанов. Крестьянка села Кладбищ. Сергачского уезда, Нижегородской губ. Евдокия Александрова Петрова. Студенты Московского Университета: Петр Дмитриев Дурново и Александр Васильев Кирпичников и студенты Московского Технического училища: Александр и Владимир Николаевы Масленниковы.

По обыскам у названных лиц найдено: у братьев Александра и Владимира Масленниковых шрифт и все необходимые типографские принадлежности, печатные брошюры женевского издания: „Рабочее движение Аксельрода и „Чего хотят социалдемократы" Плеханова, часть номера печатного журнала „Социал-Демократ", черняк рукописного письма к рабочим, начинающегося словами: „Товарищи-Рабочие" и составляющего популярное изложение социализма и сочинение Лассаля т. I, русское издание.

У студента Александра Кирпичникова — 1 экземпляр № 3 „Летучего Листка", издание группы народовольцев 1 апреля 1895 года, 2 экземпляра — „Речь П. Л. Лаврова", издание группы народовольцев 5 марта 1895 года, печатная брошюра. „Наши разногласия" Плеханова, Женева 1895 г., сработанная на пишущей машине и отгектографированная статья социалдемократического направления, оканчивающаяся словами: „тайная организация пролетариата для достижения политической свободы; политическая свобода для беспрепятственной, открытой организации пролетариата", копировальный аппарат мимеограф, со всеми к нему принадлежностями, как-то: чернилами, вощеной бумагой и пр.

У Алексея Гаршина — корзина до 140 запрещенных революционных изданий, в числе коих между прочим 35 номеров газеты „Прогресс" Лондонского издания 1892 года: 13 экземпляров брошюры „По поводу речи царя", издание группы народовольцев; 28 экземпляров № 3 „Летучий Листок", издание группы народовольцев 1 апреля 1895 года, визитная карточка „Иван Леонидович Выходцев", 2 телеграммы из Азова в Технологический Институт 18 января № 189 „отпуска не дают, приедем сами, можем встретить Москве-Рязани. Отвечай немедленно", 2-я от 20 января за № 217 § " скажи ближайшую станцию от Москвы, где и какого числа можешь встретить—тогда выедем, бумаги получены. Отвечайте. Обе телеграммы без подписи.

У турецкого подданного Карпузи—Предисловие к истории рабочего движения „Рабочий день", издание социалдемократического союза, брошюра „Карл Маркс Введение к критике философии права Гегеля".

Типография, обнаруженная „охранкой" 10 июня 1895 г. у бр. Масленниковых, была приспособлена для печатания прокламаций „Рабочего Союза", от имени которого к этому времени уже было выпущено несколько воззваний к рабочим г. Москвы.

Одним из первых изданий „Рабочего Союза", отпечатанным в нелегальной типографии, была прокламация, начинающаяся словами: „Товарищи - рабочие, наше положение с каждым днем все ухудшается и ухудшается"...

Несколько экземпляров этой прокламации было найдено при обыске у М. Н. Мандельштама. Текст ее приводится в „Обзоре дознаний по важнейшим Государственным преступлениям за 1895—96 гг.", изданном департаментом полиции.

Приводим эту прокламацию:

„Товарищи-Рабочие. Наше положение с каждым годом все ухудшается и ухудшается. Надеясь увеличить свои заработки, мы удлиняем рабочее время, работая ночи и праздники. Но что же из этого выходит? Улучшается ли наше положение? Там, где прежде

работало 150 человек при усиленной работе, хозяин обходится с сотнею; остальные пятьдесят, лишенные работы, ходят с фабрики на фабрику, и волей-неволей вынужденные соглашаться работать за самую низкую плату, понижают и наши заработки. Если кто из нас заикнется о низкой плате, то хозяин в ответ на это указывает на безработных, дескать, не желаешь — на твое место десяток у ворот. Товарищи, что же нам делать, как нам бороться? Мы видим, что в одиночку ничего не поделаешь. Еще можно, пожалуй, вести борьбу целыми фабриками и заводами, но и это крайне трудно и редко кончается успехом. Только, когда рабочие всех фабрик и заводов соединятся вместе, возьмутся сообща за свое рабочее дело, только тогда можно быть уверенным в успехе. Поэтому рабочие, понявшие необходимость бороться сообща, соединились в „Рабочий Союз" и приглашают рабочих всех фабрик и заводов присоединиться к ним для общей борьбы за общее рабочее дело. Соединимся, товарищи, и станем дружно бороться за право свободно собираться для обсуждения своих дел, будем бороться до тех пор пока не свергнем иго капиталистов, пока вся земля, все фабрики и заводы не сделаются общественной собственностью.

Рабочий Союз".

В том же „Обзоре" имеется довольно подробное описание деятельности „Рабочего Союза" этого периода, как она рисовалась охранному отделению по данным наружного наблюдения, секретной агентуры и обстоятельным показаниям многих привлеченных в то время к ответственности.

Для читателя, конечно, должно быть ясным, что авторы этого описания не могли говорить всего „по агентурным соображениям". Департамент полиции и местные охранные учреждения даже в сношениях друг с другом многое конспирировали. Несмотря на это, все-таки сведения „Обзора" являются несомненным документом в той части, где авторы его опираются хотя бы на показания привлеченных к дознанию или результаты обысков.

Анатолий Васильевич
ЛУНАЧАРСКИЙ.

Платон Васильевич
ЛУНАЧАРСКИЙ.

Софья Николаевна
ЛУНАЧАРСКАЯ—СМИДОВИЧ.

Пелагея Ивановна
ВИНОКУРОВА.

Авторы „Обзора“ приписывают руководящую роль в этом кружке, именовавшемся впоследствии „Рабочим Союзом“, М. Н. Мандельштаму, который „по его собственному сознанию“ давно задумал вести пропаганду в рабочей среде с целью развития среди рабочих классового самосознания и необходимости рабочей организации.

В этих видах он в течение минувшей зимы занимался лично и через посредство рабочих *Карпузи*, Константина *Бойе*, Александра *Ховецкого* и *Полякова* раздачей рабочим различных произведений социалистической литературы.

Опасаясь, однако, что, в случае ареста, предприятое им дело не осуществится, он весной 1895 г. привлек к нему *Кирпичникова*, братьев *Масленниковых* и *Дурново*, и 30-го апреля пригласил этих лиц на устроенную им близ станции Вишняки, Московско-Казанской железной дороги, рабочую сходку, на которой произнес речь о необходимости союзной организации для рабочих, рабочей кассы и библиотеки, и затем роздал рабочим около шестидесяти экземпляров составленного им на первое мая воззвания, разъясняющего значение этого дня для рабочих.

После этой сходки Мандельштам и Кирпичников решили образовать правильную рабочую организацию и выработали устав союза рабочих, коим последние приглашались к устройству касс и библиотек.

Затем в течение мая собирались несколько раз для обсуждения дальнейших действий: Кирпичников, супруги Карпузи, Мартын Мандельштам, братья Масленниковы и Дурново, сначала в Сокольниках, а затем на Воробьевых горах; они предполагали собрать рабочую сходку по поводу стачки, происходившей весной 1895 года на Ярославской Карзинкинской фабрике.

В этих видах и было прислано из Ярославля бывшим студентом Московского Университета Василием Кавериным отобранное по обыску у Масленникова письмо за подписью „Борис Константинов“ с описанием означенной стачки, и с этой же целью Влади-

мир Масленников вместе с Алексеем Гаршиным ездил в Ярославль для собрания сведений на месяц, причем Масленников доставил Каверину двадцать экземпляров брошюры, „Как люди на белом свете живут".

28-го мая на берегу реки Яузы была созвана Мандельштамом рабочая сходка, на которую явилось до двадцати человек рабочих. На этой сходке Мандельштам прочел в первый раз проект „Устава Союза Рабочих".

4-го июня, на том же месте, Мандельштам, при посредстве Карпузи, собрал опять сходку для обсуждения вопроса об устройстве 11-го июня в местности близ Николы Угреши, многолюдного собрания, на котором Мандельштам предполагал вновь прочесть тот же устав и окончательно убедить рабочих в необходимости организации.

Для этой сходки и было составлено сообща Мандельштамом, Кирпичниковым, Дурново, Петровой и супругами Карпузи, воззвание об организации рабочего Союза, отобранное затем у Мандельштама в количестве пяти экземпляров.

Содержание его обсуждалось на собрании, происходившем 7-го июня в квартире Кирпичникова, в присутствии его, супругов Карпузи, Дурново и Евдокии Петровой, а на следующий день набрано Кирпичниковым и отпечатано в количестве 400 экземпляров в квартире Дурново, сим последним, Петровой и Мандельштамом, которые 9-го июня передали таковые Полякову, с тем, чтобы последний доставил их на предполагавшуюся 11-го июня сходку.

После этого 9-го июня Кирпичников и Дурново перевезли типографию в с. Большие Мытищи, где и оставили Масленниковых.

Типография, по словам Мандельштама, приобретена им в Риге, куда он с этой целью ездил в августе 1894 г.

Прожив там трое суток без прописки, он, чрез посредство одного маклера, фамилии которого не помнит, заказал типографский станок, не объясняя цели заказа, затем купил два каучуковых валика и у разных рабочих, служивших в типографии, приобрел шрифт:

последний, а также валики, он привез в Москву лично; станок же ему выслал маклер.

После сего все типографские принадлежности он перевез в Клинический городок, в помещение опытной городской станции канализационных работ, куда ходил на дежурство, преимущественно в вечернее время, и спрятал их в полузасыпанный канализационный колодезь, выход которого был в будке, обнесенной забором, - ключи же от калитки забора и от будки находились у него, как у дежурного.

Приходя на дежурство и оставаясь всегда один, он отпечатывал на этом станке воззвания на первое мая и воззвания, найденные по обыску у Мицкевича, начинающиеся словами: „Мы живем в такое время“...

Окончив в феврале 1895 г. работы на опытной станции, он по частям перенес типографию за Девичий монастырь и зарыл ее на берегу Москвы-реки, в начале июня перенес ее к себе, и, наконец,—к Дурново.

Кроме сходок, преступная пропаганда велась путем отдельного свидания с рабочими, на которые являлись Винокуров, Мицкевич и Спонти, бывший студент Московского Технического училища Евгений Лакур или Левит, а также путем распространения среди рабочих приведенных воззваний и социал-демократических сочинений, из коих некоторые были составлены специально для этой цели, между прочим, Мартыном Мандельштамом.

Таковы статьи: „Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратились“, „Кое-что о женщине-работнице“, „Много ли мы зарабатываем и много ли мы живем“ и т. п.

Впоследствии предполагалось составить ряд таких статей, и список таковых был обнаружен при обыске у Кирпичникова.

Кроме оригинальных, составлялись, как изложено выше, статьи переводные Григорием Мандельштамом, помянутым Спонтием, супругами Винокуровыми, Аркадием Рязановым, Смирновой. В распространении воззваний участвовали Пелагея Карпузи, дочь подесаула Мария Горбачева и крестьянин Дмитрий Бу-

канов, переписавшие Горбачева для Кирпичникова — экземпляр программы русских социал-демократов и Буканов — для Мицкевича часть той же программы.

Для издания этих сочинений, кроме типографии, имелись мимеографы, которые хранились у Мицкевича и супругов Карпузи.

Самое издание передавалось на хранение Масленниковыми, Мартыном Мандельштамом и Мицкевичем, обвиняемым Бирон, Желваковой, Смирновой, Пелагеей Карпузи и Ивану Денисову. Квартира Рязанова являлась, повидимому, местом, из которого такие издания расходились.

До августа 1895 г. „охранка" проявляла свою бдительность почти исключительно в отношении соц.-дем. работников-интеллигентов. Скоро, однако, она убедилась, что в рабочей среде появилась своя пролетарская интеллигенция, ведущая с.-д. работу частью совместно с марксистами-интеллигентами, частью совершенно самостоятельно.

Из последующих документов мы увидим, что некоторые рабочие вели кружки численностью до 100 чел. (Поляков)...

Естественно, что эти рабочие удостоились сугубого внимания со стороны жандармских властей. В списках облеченных и арестованных начинают фигурировать имена рабочих.

12 августа были „ликвидированы" исключительно рабочие.

Вот сохранившийся по этому поводу документ в делах охранного отделения.

„Начальник Московского Губ. Жанд. Управления 12 авг. 1895 г. № 6331 г. Москва. *Секретно*. Г. и. д. московского обер-полицеймейстера. По роду производимого при вверенном мне Управлении дознания о лекаре Сергее Иванове *Мицкевиче* и других (250 ст. Улож. о Нак.) признано необходимым произвести обыски у следующих, упоминаемых в отношениях Вашего Превосходительства от 13 Апреля, 16 Июня и 4-го июля сего года за №№ 2340, 5230, и 5794, лиц: 1) Константин Федоров Бойе. 2) Федор Федоров

Бойе. 3) Федор Иванов Поляков. 4) Сергей Иванов Прокофьев. 5) Мария Федорова Бойе. 6) Александр Иванов Хазецкий. 7) Дмитрий Михайлов Гаврилов. 8) Давид Яковлев Малинов. 9) Сергей Захаров. 10) Гавриил Форпленский. 11) Рудольф Мейер.

Вследствие изложенного имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства о производстве, в возможно скором времени, одновременных обысков у названных лиц, после чего Константина и Федора Бойе, Полякова, и Прокофьева надлежит безусловно арестовать. С остальными же поступить согласно результатов обысков, арестовав их в случае обнаружения предметов явно преступных, запрещенных или подозрительных, или обязав подпискою о невыезде из г. Москвы, если таковых предметов не окажется.

Протоколы обысков, а равно вещественные доказательства, не оставьте Ваше Превосходительство препроводить своевременно ко мне".

Внимательно следившие за весьма интересными очерками С. И. Мицкевича в „Известиях" в приводимом списке увидят наиболее яркие имена первых рабочих социал-демократов: „Сашу Хазецкого, Ф. И. Полякова, К. Ф. Бойе... „Охранка" знала кого бить.

Из приводимого ниже донесения начальника охранного отделения в департамент полиции видно, какую действительно роль играл Ф. И. Поляков.

„В местечке „Ключики" Московского уезда за последнее время имели место две рабочих сходки, повторившиеся и 15-го сего августа. На последнюю сходку под руководством ныне арестованного Бронницкого мещанина Федора Иванова Полякова собралось до 70 человек, которым раздавались прокламации".

В вышеупомянутом „Обзоре" деятельность первых социал-демократов рабочих, арестованных в августе рисуется следующим образом:

Рабочие Константин Бойе, Андрей Карпузи, Федор Поляков, Василий Ананиев, Александр Хозецкий и Михаил Петров были ближайшими пособниками Мандельштама, Масленникова и др.

Наибольшую деятельность в кружке проявляли первые трое. Константин Бойе свел рабочего Карпузи с Мицкевичем и Мандельштамом, которые и стали навещать его.

Через посредство Константина Бойе Мицкевич и Мандельштам распространяли социал-демократические издания в рабочей среде.

В квартире Константина Бойе происходили сходки и на эти сходки собирались рабочие с тех заводов где работали Хозецкий, Бойе и Поляков.

Карпузи, по собственному сознанию, составил владельцу завода Вейхельту угрожающее письмо, которое и было отправлено по назначению. Затем он снабжал, по указанию Мандельштама, революционными изданиями рабочего Дмитрия Колчина, по прозванию Барбасон, и водил его на сходки; ему же Карпузи передал хранившийся у жены его мимиограф, который Колчин доставил затем Кирпичникову.

Ф. И. Поляков не только распространял преступные сочинения, снабдив, между прочим, рабочего Федора Бойе воззваниями на 1 мая, а также воззваниями об организации „Рабочего Союза", но и издавал таковые.

На Даниловской мануфактуре были обнаружены стихотворение „Награда" и воззвания к рабочим, отпечатанные по инициативе Ф. И. Полякова.

Происходившими после арестов интеллигентов в течение июня, июля и августа на Даниловском кладбище в Ключиках сходками руководил Поляков, проповедуя необходимость борьбы против правительства, поддерживающего капиталистов.

Признавая себя также марксистом по убеждениям и сознаваясь в привлечении рабочих на сходки, раздаче рабочим нелегальных сочинений, которые в свою очередь он получал от Константина Бойе, Поляков во время допросов объяснил, что лично составлял некоторые из приведенных воззваний и, печатая их, распространял затем в рабочей среде.

В декабре 1895 г. жандармерия решила ликвидировать последние остатки разгромленных кружков, как

Мицкевича, так и Мандельштама. На этот раз за исключением интеллигента Е. И. Спонти, игравшего, судя по воспоминаниям тов. С. И. Мицкевича, выдающуюся роль в с.-д. движении начала 90 годов, обыски произведены почти исключительно среди рабочих.

В записке по поводу этих обысков, сохранившейся в архиве б. генерал-губернатора говорится:

„Утром 12-го декабря, вследствие требований Начальника Московского Губернского Жандармского Управления были произведены обыски по делу о кружке социал-демократов у московского мещанина Сергея Федотова, мещанина посада Больших Солей, Костромск. губ., Александра Никанорова Кудрина, кр. Смоленск. губ., Вяземского уезда, Волжинской волости, дер. Иваникова, Романа Григорьева Наумова и у отставного подпоручика Евгения Игнатьева Спонти. Двое последних арестованы, так как Наумов подлежал по требованию названного начальника безусловному аресту, хотя у него ничего явно преступного и не обнаружено, а Спонти арестован по результатам обыска в виду обнаружения у него нелегальных изданий, каковы: 1) гектографированная тетрадь под заглавием: „Рабочий День", издание русских социал-демократов 1895 г., цена 35 коп. 2) такая же тетрадь под заглавием: „Речь на 1-е Мая 1895 года",—цена 25 коп., 3) литографированная тетрадь под заглавием: „Стачки и их значение для рабочих" (с описанием 5-ти стачек, бывших весной и летом 1895 года) и 4) рукописная тетрадь в 5-ть листов, под заглавием: „Положение рабочих у нас по сравнению с положением их в Англии и Америке". У остальных же ничего явно преступного не обнаружено.

Рабочий союз, однако, не умер. Идея создания рабочего социал-демократического центра, могущего руководить работой, как „кустарей"—одиночек, так и отдельных марксистских групп, была настолько жизненна, что не могла, конечно, быть отброшена при первых неудачах.

Как мы говорили уже выше, почти одновременно в Москве существовали две организации, именовавшие

себя „Рабочим Союзом". Об одной, ликвидированной в конце 1895 г., мы только что говорили, приведя о ее деятельности сохранившиеся документы.

Вторая организация, присвоившая себе тоже наименование, возникла почти одновременно с первой, но проявила себя более энергично после разгрома кружка Мандельштама, Полякова и др. в 1896 году.

В упоминавшемся нами уже несколько раз „Обзоре важнейших дознаний" кружку Кварцева, Колокольникова, Величкина и др., именовавшемуся „Московским Рабочим Союзом", уделено большое внимание.

Организаторами этого Московского Рабочего Союза автор „обзора"—московская охранка—называет дворянина Бориса Алексеева Кварцева, служившего тогда практикантом в качестве помощника машиниста на Московско-Брестской железной дороге, бывшего студента Московского Университета, пот. поч. гражд. Павла Николаева Колокольникова, сына священника Николая Михайлова Величкина, бывшего студента Ярославского Демидовского Лицея Леопольда Николаева Румы[1].

Задавшись целью развивать классовое сознание среди рабочих местных фабрик и вызвать их на активную борьбу против существующего общественного и экономического строя России, названные лица, как говорит „Обзор", в начале Ноября 1895 г., собрались в квартире бывшего студента Московского Университета Дмитрия Солодовникова, у которого на складе находилась уже соответственная нелегальная и легальная литература, доставлявшаяся, для означенной про-

---

[1]) Упоминающийся здесь Леопольд Румa, пытавшийся в то время играть роль в „Рабочем Союзе", впоследствии был заподозрен товарищами в провокации.

В деле 6. охранного отделения „О переписке неблагонадежных лиц" за 1897 г. имеется письмо неизвестного автора, перехваченное „охранкой", в котором определенно говорится, что Румa обвиняется в прикосновенности к охранке.

Документальных данных по этому поводу в делах охранки нам найти не удалось за исключением некоторых косвенных указаний, которых, разумеется, недостаточно для категорического утверждения, что Румa—провокатор.

Дальнейшая работа по разборке дел охранного отделения за этот период времени быть может даст нам возможность приоткрыть завесу на это темное дело..

В. М.

таганды, сыном надворного советника Владимиром Дмитриевым Бонч-Бруевичем. (Бонч-Бруевич незадолго до возбуждения дела выехал заграницу).

Разделив между собой имевшиеся в то время у Солодовникова издания для распространения среди рабочих, они сначала стали действовать порознь, сближаясь в трактирах, пивных и других торговых заведениях, с рабочими разных фабрик и заводов, и путем личных бесед и широкого распространения революционных изданий, каковы: „Рабочая революция", „Что нужно знать и помнить каждому рабочему", „Рабочий день", Объяснение закона о штрафах", „Объяснение новых правил для рабочих" и т. п., развивали у рабочих чувство неудовлетворенности их положения и возбуждали в них стремление к насильственному изменению настоящих условий рабочего труда, указывая на необходимость—для улучшения их быта, объединения в общий союз и устройство стачек и боевой кассы для поддержки стачечников и отдельных безработных лиц.

Колокольников вел пропаганду преимущественно среди рабочих Прохоровской и Измайловской мануфактур, завода Гоппера и фабрики Филиппова, знакомясь с рабочими, между прочим, и при посредстве мещанки Марии Бойе; Кварцев пропагандировал среди рабочих завода Бромлей и мастерских Московско-Брестской железной дороги, Величкин—среди рабочих железно-делательного завода Вейхельта и Рума, между рабочими Замоскворецкой части города и фабрики Мещерина, как лично, так и при содействии сестры Величкина,—Клавдии Величкиной.

К началу 1896 года деятели „Московского Рабочего Союза", по словам авторов „Обзора", успели завязать довольно прочные сношения с рабочими, приобрести в их среде близкие знакомства и, пользуясь подготовленным настроением недовольства, решили сплотить их в общую организацию и при их содействии перейти к активной борьбе против предпринимателей.

В ноябре в квартире модельщика завода Гоппера

Павла Егорова состоялось первое собрание, на которое явились рабочие того же завода Федор Ремизов, Гавриил Гаврилов, завода Бромлея Александр Танаин и столяр Сергей Федотов.

На собрании один из интеллигентов прочел популярную лекцию о „Первобытных и современных условиях жизни трудящегося человека, настоящих отношениях между хозяевами и рабочими и о необходимости их изменения".

Желая убедиться, насколько созрело в рабочих чувство солидарности, Колокольников, Кварцев и другие руководители стали пропагандировать предложение послать в Париж приветствие французским рабочим от имени московских по поводу 25-тилетия Парижской коммуны и венок на могилу убитых в 1871 г. коммунаров.

С этой целью Кварцев составил упомянутое приветствие, после чего между рабочими собирались подписи и деньги на венок.

В марте Колокольников, Кварцев, Величкин, и Рума собрались в квартире конторщика журнала „Русская Мысль" гравера по металлу Василия Мягкова и пригласили на это собрание своих знакомых рабочих-модельщиков фабрики Гоппера Григория Малахова и Ивана Гаврилова, слесаря завода Пальма Алексея Мешкова, ткача завода Бромлея Павла Емелина и нескольких других рабочих.

В присутствии всех этих лиц Кварцев сначала прочел составленную им заметку о Парижской коммуне, затем обсуждал вопрос об устройстве общей кассы для заводских рабочих.

Вскоре после этого они собрали второе собрание, происходившее в квартире слесаря завода Гужон Николая Федорова, на котором в числе других были также рабочие Измайловской мануфактуры Николай Смирнов, фабрики Филиппова Осип Васильев и фабрики Бахрушина Виктор Цыпляев.

Собрание это вел также Кварцев, обсуждая с этими рабочими вопрос об устройстве кассы для фабричных рабочих.

Так постепенно, до конца мая 1896 г., распространялась названными организаторами революционная пропаганда на московских фабриках и заводах при посредстве поименованных рабочих.

В конце мая руководители сообщества решили перейти от пропаганды к агитационной деятельности и прибегнуть к массовым сходкам.

2 и 9 июня, в загородной местности под названием „Тюфелева роща", близ Симонова монастыря, состоялись, под руководством Кварцева, первые рабочие сходки, на которых обсуждался вопрос об учреждении общей боевой кассы на случай забастовок.

Затем, пользуясь происходившими в это время стачками среди петербургских рабочих, Кварцев и Колокольников составили воззвание к московским рабочим, в котором призывали последних присоединиться к петербургским рабочим и тем облегчить им борьбу.

Воззвание это они отгектографировали и в многочисленных экземплярах распространили на фабриках и заводах, выпустив таковое от имени „Московского Рабочего Союза".

16 июня для поверки впечатления, произведенного этим воззванием, была назначена сходка близ ст. Московско-Курской жел. дор. Люблино, у Николо-Угрешского монастыря.

В условленное время в названной местности собралось большое число рабочих, в числе коих, кроме поименованных, находились рабочие фабрики Гоппера Изот Михалевский, мастерских Московско-Брестской жел. дор. Якуб Бугров и Михаил Белогуров, слесарь Зиновий Лавров и литейщик завода Перепуд Василий Дешевой.

Прибыв на сходку, Кварцев вручил названным рабочим Лаврову и Дешевому по красному знамени с надписью белыми буквами „Московский Рабочий Союз" и, став под эти знамена, объявил присутствовавшим об открытии помянутого „Союза", затем после передачи рабочим Белогуровым Колокольникову в фонд общей кассы 31 рубль, собранных им среди рабочих Московско-Брестской железной дороги, на-

палось чтение распространявшихся тогда в С.-Петербурге воззваний; читали сначала Кварцев, а потом рабочий Лавров, после чего стал говорить Колокольников, указывая на необходимость поддержать петербургских забастовщиков тоже стачкою.

После этой сходки была составлена и распространена вторая гектографированная прокламация от имени „Союза" с тем же призывом: „прекратить работы и вместе с петербургскими рабочими требовать закона о десятичасовом рабочем дне для фабрик и восьмичасовом для заводов".

Кроме этих двух воззваний, названные лица пустили в обращение около 40 гектографированных листов с перечнем требований петербургских рабочих и, наконец, издали воззвание, отпечатанное на машине „Ремингтон", по поводу правительственного сообщения от 15 июня 1896 г., вызванного петербургскими стачками, в коем рекомендовали рабочим „Искать силы в себе самих и продолжать дружно борьбу за свое освобождение".

Во второй половине июня в окрестностях Москвы состоялось несколько новых сходок, из коих одна, более крупная, происходила близ с. Останкина.

Собрав на этих сходках сведения о случаях злоупотребления администрации некоторых фабрик и заводов и о требованиях рабочих, они выпустили вновь три воззвания от имени „Московского Рабочего Союза" к рабочим Измайловской мануфактуры, мастерских Московско-Брестской железной дороги и к рабочим Михайловской фабрики, призывая рабочих всех этих производств к стачке.

Помимо упоминавшихся выше рабочих, в деятельности Московского Рабочего Союза принимали участие: Мягков, который не только раздавал другим рабочим преступные издания, но и сам переписывал и гектографировал некоторые воззвания, причем в переписке одного воззвания ему помогала дворянка Виктория Суходольская, Иван Гаврилов, являвшиеся посредником по сношению Рума с рабочими, Михаил Белогуров, Малахов, Николай и Владимир Смирновы,

Мешков, имевший издания на складе, и рабочий Измайловской мануфактуры Петр Серов. Они собирали деньги на общую кассу, разбрасывали на фабриках и снабжали брошюрами и воззваниями названных выше рабочих Тананина, Ремизова, а также рабочих Измайловской мануфактуры Егора Бочарова и Николая Трусова и Прохоровской мануфактуры Григория Лапшина и Тихона Евстигнеева, приводя их на собрание и сходки.

6 июля все эти лица были арестованы и привлечены к дознанию в качестве обвиняемых.

Хотя по обыскам у организаторов союза не было обнаружено ничего преступного и лишь у Рума найдено несколько запрещенных сочинений, но весь склад изданий этого сообщества оказался у рыбинского мещанина Владимира Гуревича, у которого обнаружены в большом числе экземпляров все приведенные издания „Московского Рабочего Союза", а также разные сочинения, изданные за-границею и в России, социал-демократического и революционного направлений, причем дознанием установлено, что все найденное у Гуревича было передано ему на хранение, за несколько дней до обыска, Дмитрием Солодовниковым.

У рабочего Мягкова найдены гектографические принадлежности, переданные ему на хранение Колокольниковым, и как у Мягкова, так и у рабочих Евстигнеева, Васильева, Тананина и Белогурова и рабочего завода Бромлея Звулона Литвина оказались означенные выше и другие революционные издания.

Арестами виднейших деятелей „Московского Рабочего Союза" в июле 1896 г. был нанесен большой ущерб социал-демократической работе, но надолго приостановить эту работу „охранке" не удалось.

Поредевшие ряды были вскоре заполнены и деятельность союза возобновилась. „Обзор" называет новую группу деятелей союза „Новым Московским Рабочим Союзом".

Ядром нового „Рабочего Союза" „Обзор" считает врача Орлова, Радина, Корчагина, Семенова, Синицына и Калачевскую.

Отправляясь от литературного учения экономического материализма, Орлов, Радин, Синицын, Семенов и Корчагин, по их объяснениям, пришли к необходимости поднять умственный уровень рабочих, ввести его в круг идей, определяющих положение его, как рабочего класса, и помочь ему в мирной борьбе с эксплоататорами капиталистами.

С этой целью они занялись: а) изданием от имени „Рабочего Союза", при помощи мимеографа, оригинальных произведений социал-демократического направления, а также переводных сочинений социально-революционного характера и распространением этой литературы между интеллигенцией и рабочими, б) приобретением из-за границы и распространением нелегальных сочинений и в) личною пропагандою путем посещения рабочих и собеседования с ними в направлении социал-демократическом, без отношения к вопросам государственного строя.

Первым по времени появления, изданием нового „Рабочего Союза" была брошюра „Стачка рабочих на Московско-Курской железной дороге" представляющая описание этой стачки, происшедшей 3 июля 1896 г. и окончившейся удовлетворением всех требований рабочих.

За нею следовали выпущенные в сентябре того же года две брошюры: а) „Касса, для чего она нужна рабочим и как ее устроить", в которой указывалось на необходимость, для успеха борьбы с фабрикантами, устройства боевой нелегальной кассы для поддержки забастовщиков, помощи заключенным товарищам и для приобретения нелегальной литературы и б) „Отчет делегатов русской социалдемократии", читанный на международном социалдемократическом конгрессе в Лондоне 1896 г.

14 октября кружком было воспроизведено и распространено воззвание, составленное Орловым.

Воззвание это обращено ко всем московским рабочим, и в нем после перечисления случаев столкновений между рабочими и капиталистами, окончившихся „торжеством трудящихся масс", сказано: „в борьбе с

ненасытными эксплоататорами — вся ваша сила... Будем же откликаться посильной помощью на всякую попытку рабочих других городов. Их интересы — наши интересы, и каждая их победа ведет к победе всего русского пролетариата".

3 ноября того же года, в виду слухов о возникшем брожении среди учащейся молодежи, было выпущено и распространено среди студентов Московского Университета воззвание от имени „Центрального Комитета Рабочего Союза" к Московским студентам, приглашавшее студентов „бросить бесцельную борьбу на академической почве и посвятить силы рабочему делу". Воззвание это вызвало гектографированный ответ „нескольких лиц, участвующих в студенческой организации", в сочувственном тоне.

Прокламация эта чрезвычайно характерна и заслуживает большого внимания в наши дни. Почти четверть века назад первые социал-демократы проникновенно наметили путь, по которому должна пойти российская интеллигенция, если она считает себя спаянной с истинной революционной демократией — рабочим классом.

„Капитализм в последние 30 лет быстро идет вперед, подчиняя все своим неумолимым законам. Развивается и крепнет у нас буржуазия, но рядом с ней растет и концентрируется ее антипод — пролетариат. Для того, чтобы интеллигенция могла влиять на экономическую, политическую и духовную эволюцию страны, она должна раз навсегда стать на сторону того или другого класса...

.....Городской пролетариат призывает к себе интеллигенцию, и было бы иронией судьбы, если бы она, так самоотверженно боровшаяся в недавнем прошлом за свободу, в настоящее время повернулась спиной к тем, опираясь на мощную руку которых она только и может достигнуть ее. Студенчество за последние годы совершенно отрывалось от общественной жизни, замкнулось в узкий круг своих университетских интересов и главною своей задачей поставило бесцельное объединение студенчества. Что общего между студентом-социалистом и студентом-буржуа? Что общего

между умственным пролетариатом и умственной буржуазией? Пусть те, которые тратят все свои силы на бесплодную борьбу за студенческие интересы, отдадут хотя часть их на рабочее дело. Пусть они смело идут рука об руку с нами в борьбу. Ведь, только в единении с нами они достигнут осуществления своих идеалов, они добьются и свободы науки, к которой тщетно стремились до сих пор.

Центральный Комитет Рабочего Союза".

Последнее воззвание „Рабочего Союза" появилось 4 ноября и было обращено к рабочим завода Даингауер в Москве, с призывом предъявить хозяевам ряд требований (главное сокращение рабочего дня до 10 часов) и, в случае неисполнения, бросить работу.

Кроме приведенных сочинений кружок предпринял перепечатание на мимиографе двух заграничных изданий: „Манифеста коммунистической партии" Маркса и Энгельса и биографического очерка „Фридрих Энгельс", но работы эти не были окончены за арестом членов кружка.

Наконец, не довольствуясь распространением перечисленных собственных изданий, кружок озаботился приобретением из-за границы значительного количества нелегальной литературы. Участие в этом принимал Синицин, который выписал транспорт чрез Д. Бонч-Бруевича.

Знаменитый Трепов и. д. обер-полицмейстера Москвы срочно телеграфирует департаменту полиции о необходимости „ликвидации", т.-е., ареста „кружка" (Рабочего Союза).

Телеграмма эта гласит:

„В виду перехода Орлова к агитации подготовленной на завтра забастовки мастерских Казанской дороги, имеющей осложниться забастовками мастерских других дорог, приступаю ночью ликвидации всего кружка. Трепов".

11 ноября Трепов строчит директору департамента полиции победную реляцию:

„Результаты ликвидации блестящи: взято несколько мимиографов и гектографов, два пуда манифеста ком-

Софья Ивановна
МУРАЛОВА.

Михаил Федорович
ВЛАДИМИРСКИЙ.

Александр Александрович
МАЛИНОВСКИЙ (А. БОГДАНОВ).

Вацлав Вацлавович
ВОРОВСКИЙ (П. ОРЛОВСКИЙ).

мунистической партии, две пишущих машины, масса краски, желатина, множество нелегальных печатных изданий. Особенно изобличаются означенным Калачевская, рабочий Федоров, Полянский, Корчагин, Синицын, Орлов, Радин, Горячева, Семенов. Кроме того, обыск дал множество улик против второстепенных интеллигентных членов, а также против рабочих. Находятся под стражей 51 чел., обыскано 59. Подробности курьерским поездом. Трепов".

„Обзор" сообщает любопытные сведения о распределении работы среди деятелей Рабочего Союза этого периода, дающие полную картину характера подпольной работы 90-х годов. „Радин взял на себя исключительно постановку печатания, приобретение необходимых для этого материалов и наблюдение за самой работой. Все отпечатанное передавалось ему. Хотя в этой деятельности Радину помогал отчасти Корчагин, но последний, главным образом, занимался редакцией воззваний и выбором, с общего одобрения, нелегальных произведений для перепечатания.

Семенов служил посредником между членами „Рабочего Союза" и лицами, занимавшимися печатанием за плату или по знакомству; Орлов преимущественно вел пропаганду, постоянно расширяя круг знакомства между рабочими и вводя в него Корчагина и Синицина, которые и продолжали начатое Орловым дело.

Синицин, кроме того, принял на себя заботу о доставлении из-заграницы транспорта нелегальных сочинений.

Наконец, Калачевская (ныне Орлова) содержала квартиру, где был устроен склад предметов, необходимых для печатания.

В эту квартиру почти ежедневно по утру являлись один за другим Орлов, Радин, Семенов, Корчагин, виделись, сообщались друг с другом по делу „Рабочего Союза", брали нужные для печатания предметы; здесь же хранилась довольно значительная, принадлежавшая Орлову, библиотека нелегальных сочинений, печатных, гектографированных и рукописных, преимущественно, по рабочему вопросу, отобранная, как выше

изложено, у Калачевской по обыску. Самое печатание на мимиографе производилось одновременно в трех местах.

В начале августа 1896 г. Синицин пригласил своего знакомого, рабочего Тимофея Филиппова (он же Орлов) снять удобное помещение и за плату в 25 рублей в месяц работать на мимиографе, после чего Радин доставил Тимофею Орлову мимиограф, научил его печатанию и наблюдал затем в течение месяца за его работою.

В половине сентября, также по рекомендации Синицина, Радин устроил печатание на мимиографе при участии студентов, Михаила Горюшина и Александра Сославинского, работавших также за плату. Как только дело было поставлено, Семенов заменил Радина в сношениях с этими лицами.

Наконец в половине октября лекарь Орлов уговорил студента Университета, Евгения Полянского заняться работою на мимиографе, который и был доставлен последнему Семеновым.

Во всех перечисленных местах работа производилась до 11 ноября, когда названные лица были арестованы.

Для воспроизведения при помощи мимиографа, необходимо сначала изготовить так-называемые трафаретки, т.-е. пробить пишущею машинкою на парафинированной бумаге текст, подлежащий воспроизведению. Эту работу исполняла знакомая Семенова, домашняя учительница Варвара Лукьянчикова (по обыску обнаружено большое количество преступных сочинений социал-демократического направления).

И на этот раз „Охранке" пришлось разочароваться. Рабочий Союз не умер.

В этом с душевным прискорбием вынуждено признаться охранное отделение, получившее через несколько дней найденную на заводе Вейхеля прокламацию, за подписью „Рабочий Союз", 24 ноября 1896 г.

В этой прокламации Рабочий Союз призывает товарищей не смущаться обысками и арестами.

„Наш союз, насчитывающий своих членов почти

на всех фабриках и заводах Москвы, не может быть разрушен никакими преследованиями и разгромами... Будем попрежнему бороться под знаменем и руководством Рабочего Союза, уверенные, что он приведет нас к победе".

Охранное отделение установило, что осенью 1896 г. возвратился из Нижнего-Новгорода в Москву студент Московского Университета Алексей Никитин, который, привезя с собой около 30 брошюр социалдемократического направления, завел знакомство с модельщиком завода Перепуд, Василием Шашкиным, в квартире которого и стал устраивать собрания и распространять издания „Рабочего Союза". Вслед затем он передал Шашкина студенту того же Университета Сергею Озерову, к которому затем присоединились студенты Московского Технического Училища, Константин Батурин и А. Фин.

Все эти лица восстановили деятельность „Рабочего Союза" при участии Николая Чичкина, Георгия Масленникова, слесаря Маринина, Федора Балакирева и др.

Дознанием было установлено, что Никитин, Озеров, Батурин и Фин вели непосредственно пропаганду и агитацию в рабочей среде, лично посещая рабочих Григория Жарова, Николая Авдеева, Василия Шашкина, Михаила Маринина и Звулона Литвина, и снабжая их, для распространения между товарищами, изданиями „Рабочего Союза" и другими сочинениями социалдемократического направления.

Хранителем этих сочинений являлся Чичкин, он же устраивал названным агитаторам связи в рабочей среде, доставляя им для сей цели адреса рабочих.

Из числа поименованных рабочих Шашкин не только предоставил квартиру свою для собраний рабочих, на которые являлись для пропаганды сначала Никитин, а затем Озеров, но и лично излагал на этих собраниях перед рабочими взгляды свои о необходимости борьбы с притеснителями капиталистами и организации стачек; в то же время Шашкин, а также Жаров и Маринин снабжали нелегальными изданиями товарищей своих рабочих: Василия Горячева

(он же Григорьев), Алексея Шухалева, Ивана Крутицкого, Александра Грачева и Федора Балакирева.

Все поименованные лица, а также студент Московского Университета Антон Войткевич, замеченный в сношении с Озеровым, и рабочие Алексей Пирогов, проживающий совместно с Жаровым, Григорий Ильин и Григорий Апрельков, жившие совместно с Литвиным, были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых.

Большинство из них были арестованы 12 декабря 1896 г.

1897 г.

Дальнейшие сведения о характере с.-д. работы в Москве черпаем из упоминавшегося нами несколько раз „Обзора важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях за 1897 г.“

Осенью 1896 года имелись агентурныя указания, что по инициативе окончившего курс Моск. технического училища Николая Вашкова образовался социал-демократический кружок, в состав которого вошли студенты училища: Илья Бабаджан, Вацлав Воровский, окончивший курс того же училища Владимир Хитунцев, сын чиновника Николай Малинин и некоторые другие лица.

Вследствие сего в течение Апреля и Мая 1897 г., у намеченных розыском лиц были произведены обыски, по которым обнаружено в квартире Каммера в Москве, главным же образом, в квартире его ученика, потомственного почетного гражданина Бориса Арманда в с. Пушкине: 1) аппараты для печатания, а именно: 4 мимиографа, из них на двух оказались следы производившихся работ; машина ремингтона; два гектографа и большое количество трафареток, изготовленных для воспроизведения на мимиографе следующих изданий: „Как министр заботится о рабочих“, воззвание Центральнаго Комитета Рабочего Союза к Московскому Студенчеству от 3 ноября 1896 года, воззвание Рабочего Союза по поводу ноябрьских арестов в Москве от 14 ноября 1896 г.,

„Развитие научного Социализма", Энгельса, „В защиту правды" — речь Либкнхта; 2) издания, только что воспроизведенные на этих аппаратах полностью или в части, или заготовленные к печатанию брошюры: „Хитрая механика" „Кто чем живет", „Голос за русский народ", „Первые шаги молодого монарха", 174 экземпляра отчета денежных сумм Рабочего Союза от 15 октября 1896 года, более 200 экземпляров трех первых страниц брошюры „Развитие научного социализма" Энгельса, около 200 экземпляров примечаний и несколько первых страниц брошюры Плеханова „Чего хотят социал демократы", 7 экземпляров сброшюрованных и около 40 несброшюрованных статьи Геда „Коллективизм", введение и 8 страниц брошюры К. Маркса „Наемный труд и капитал", предисловие и первые 13 страниц издания Рабочего Союза „Манифест Коммунистической Партии"; воззвания: рабочих завода Гужона к Московским студентам, к Московскому студенчеству, к дню празднования двадцатипятилетия Парижской коммуны. Кроме того, при означенном обыске обнаружены некоторые упомянутые воззвания в рукописях. У Малинина оказались: скоропишущая машина и валик для накатывания краски, а также разные революционные издания, у Арманда же найден рецепт для изготовления гектографа. По обыску у других лиц обнаружены:—у Халтунцева — печатные прокламации „К нашим товарищам в России" (перевод с английского), а также рукописи некоторых вышеозначенных отгектографированных уже сочинений, заготовленные, повидимому, для печатания списки рабочих, привлекавшихся в последнее время в Москве по политическим дознаниям, списки нелегальных изданий, писанные студентом Московского Технического Училища, Александром Бриллингом; у Воровского—большое количество рукописей революционного содержания, преимущественно на польском языке о деятельности тайных обществ в Привислинском крае. Наконец, преступные издания найдены у домашней учительницы Валерии Урбанович и рабочего Василия Романова.

Произведенным по этому поводу дознанием установлено, что обнаруженный в г. Москве новый кружок Рабочего Союза был преемственно организован вслед за арестами врача Орлова, Озерова, Манакова, Рума, Николая Величкина, Батурина, Чичкина и других, являясь непосредственным продолжением деятельности этих лиц.

Еще находясь на свободе, Величкин и Рум, по словам Хатунцева, склоняли последнего к агитационной деятельности среди рабочих и познакомили с рабочим Николаем Трусовым, дважды привлекавшимся уже к дознаниям за участие в преступной пропаганде. Трусов свел Хатунцева с рабочими: Николаем Ивановым, Василием Романовым, Иваном Ивановым, и другими. Хатунцев, под вымышленными именами, „Степана Степановича" и „Александра Александровича" стал посещать этих рабочих и вести с ними беседы об увеличении заработка, сокращении рабочего дня, рекомендуя для того устройства кассы и стачек. Так начала постепенно вновь распространяться среди рабочих преступная пропаганда и стал формироваться тайный кружок. Сознавая, что одне устные беседы далеко недостаточны для успеха этого дела, Хатунцев раздавал рабочим разные нелегальные издания, и сочинения не запрещенные, но подобранные в известном направлении, получая всю эту литературу от Бабаджана и Вашкова, которые, совместно с Воровским, Каммером и студентом Технического Училища Демидом Карагодиным, занялись в тоже время приобретением и воспроизведением соответствующих целям кружка подпольных сочинений.

Уже в начале осени 1896 года Вашков и Бабаджан стали доставлять в квартиру Малинина на хранение свертки нелегальной литературы; в сентябре того же года Воровский доставил к Малинину транспорт с заграничными революционными сочинениями, уложенными в пачках. Затем, в марте 1897 г. Бабаджан принес в квартиру Малинина печатную машину системы Меррит, небольшой мимеограф и портфель покончившего тогда жизнь самоубийством товарища его по

училищу, Николая Рыкачева, с разными нелегальными изданиями, тетрадями и рукописями.

В начале 1897 года, из кружка Величкина, Батурина и других выделился другой кружок, во главе котораго стал купеческий сын Иван Михайлов Колесников, который, заведя знакомство с рабочими: Алексеем Самойловым, Иваном Тихомировым, Дмитрием Калашниковым и другими, по собственному сознанию, посещал их, называясь, в целях конспирации „Иван Ивановичем" и „Степаном Степановичем".

Тихомиров и Калашников уже были ознакомлены с рабочим движением при посредстве товарищей своих рабочих: Дешевого, Авдеева, Прохора Зотова и Петра Засоркина, которые участвовали в тайных сходках, устраивавшихся летом 1896 г., агитировавшими в то время среди рабочих помянутыми: Величкиным, Павлом Колокольниковым и другими.

„Осенью 1897 года в Москве была обнаружена новая революционная группа, присвоившая себе также наименование „Рабочий Союз". Произведенные в ноябре и декабре м м. обыски по данным наблюдения и розыска в г.г. Москве, Курске, Орле и Калуге обнаружили большое количество противоправительственных изданий социал-демократического направления, отпечатанных на пишущих машинах и мимеографе, а также принадлежности печатания. Дознанием установлено, что некоторые члены этой группы вели преступную пропаганду среди рабочих, другие же занимались печатанием, изданием или распространением противоправительственных сочинений. В состав группы „Рабочего Союза" входили: частный землемер Алексей Никитин, вдова дворянина Лидия Семенова, дворяне Константин и жена его Надежда, Минятовы, студент Моск. У-та Николай Розанов и статистик Иоасаф Дубровинский.

В 1897 году после ареста Дубровинского, Миняговых, Никитина и др. „Рабочий Союз" был ликвидирован навсегда. Этого, конечно, нельзя было сказать о социал-демократической работе. Она продолжалась почти беспрерывно, несмотря на сокрушительную дея-

тельность Зубатова, бывшего тогда в зените своей охранной славы. К этому времени как раз относится докладная записка Зубатова в департамент полиции о нежелательности передачи дознаний о государственных преступлениях жандармским управлениям. По мнению Зубатова, только охранное отделение может быть компетентно в этих делах. „Производство дознаний в охранном отделении, писал Зубатов, дает массу сил для секретной агентуры, на количестве и качестве которой может лишь зиждиться общественное спокойствие и безопасность“....

Это писалось в 1897 году, когда Зубатов вместе с Треповым торжествовали по поводу ликвидации „Рабочего Союза“, и уже в марте 1898 года тот же Зубатов вынужден был доносить в департамент полиции о ликвидации новой социал-демократической организации, „именовавшей себя, как докладывала „охранка“ двояко: „Московский Союз Борьбы за освобождение Рабочего Класса“ или „Русская Социал-Демократическая Партия“.

Мы не будем останавливаться в данный момент на деятельности этой социал-демократической организации, так как это увлекло бы нас гораздо дальше поставленной задачи. С.-д. работа 1898 г. уже проходила под знаком необходимости создания единой социал-демократической партии, могущей взять на себя идейное руководство рабочим движением. На очереди был с'езд представителей соц.-дем. движения в России, положивший основание российской социал-демократической партии.

Этот организационный период заслуживает более детального самостоятельного освещения. Тем более, что в Москве эти годы махровым цветком распустились—с одной стороны Зубатовские организации, а с другой Зубатовские приемы борьбы с подпольным движением, наложившие особый отпечаток на характер деятельности соц.-дем. групп того времени. Об этом придется говорить в свое время более подробно по изучении всех материалов, могущих осветить эту темную полосу русского рабочего движения

Беглый обзор материалов по истории с.-д. движения в Москве 90-х годов дает нам право утверждать, что деятельности первых марксистских кружков и „Рабочего Союза“ мы обязаны тому, что никакие Зубатовские эксперименты не могли в конечном итоге совратить с революционно-социалистического пути пробуждавшийся к сознательно-творческой классовой деятельности московский пролетариат. Деятелями „Рабочего Союза“ был заложен в недрах московского пролетариата прочный социал-демократический фундамент, на котором несколько позже было построено стройное организационное здание Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П., все время являвшегося оплотом левого крыла некогда единой с.-д. партии.

Владимир Максаков.

Из истории Московской соц.-демократическ. организации.

(Личные воспоминания).

1895—1896 г.

Провал социалдемократической организации в августе 1895 г. не надолго остановил организационную работу в Москве. Осенью того же года образовалось несколько кружков, из которых выделялись, по своим связям и численности членов, два кружка: кружок П. Колокольникова и наш кружок, в состав которого входили: А. Финн, переехавший из Киева, Батурин и несколько нижегородцев—М. Владимирский, А. Никитин, Франк и Фридман (последние двое скоро отошли от работы, а затем—и от социалдемократии). По мере развития связей с рабочей массой и расширения содержания и характера работы, эти два кружка, работавшие вначале отдельно друг от друга, все более и более сближались организационно и, наконец, слившись в начале 1896 года, положили основание *Московскому Рабочему Союзу*, стоявшему во главе московского рабочего движения в 1896—1897 годах.

Деятельность этой, одной из наиболее сильных социалдемократических организаций в России в 90-е годы, остается еще мало освещенной, и громадный материал, хранящийся в Московском Музее Революции, ждет своего исследователя. В настоящей заметке я хочу лишь обрисовать несколькими штрихами период после августовского провала 1895 г. до образования Московского Рабочего Союза и первые шаги этой организации, период от сентября 1895 г. по май—июнь 1896 г., и, таким образом, восполнить личными воспоминаниями пробелы в сохранившемся от того времени официальном материале.

Промышленный подъем середины 90-х годов, вызвавший усиленное стачечное движение, невольно толкал московских рабочих на путь организации. После августовского провала 1895 г. оставшиеся на свободе сознательные рабочие пытались сорганизоваться в отдельные кружки. В начале эти кружки работали еще изолированно друг от друга; некоторые из них поддерживали связь с интеллигентами-одиночками (например, кружек Гр. Орлова), другие работали самостоятельно, и без помощи интеллигенции выпускали свои листки. Так, например: „25-го ноября 1895 года в районе расположения значительного числа фабрик и заводов 2-го участка Лефортовской части расклеены были печатные воззвания, призывающие рабочих к сплочению с целью требования сокращения рабочего дня" (донесение полиции, из материалов Архива Революции). Листок этот был отпечатан и расклеен типографом *Р. Г. Наумовым*ъ из кружка ткача *Ф. И. Полякова*, арестованного в августе 1895 года.

Это единственно сохранившийся от того времени листок, написанный самим рабочим. Он настолько характерен для того периода, что я привожу его здесь целиком, исправив лишь орфографию и сделав его удобочитаемым:

„Товарищи, мы спим и не видим, как нас капиталисты грабят, нашу кровь пьют. Довольно, потрудились, пора и честь знать. Итак, товарищи, последуем примеру наших товарищей, братьев по труду, заграничных рабочих, у них такие законы,—они добились своего и теперь блаженствуют, а мы, как рабочий скот, работаем пятнадцать-шестнадцать часов в сутки; набиваем карманы богачей нашей кровью, нашим трудом. Товарищи! Вся трудовая кровь наша у капиталистов. Неужели они сильнее нас—их горсть, а нас—миллионы. Товарищи, ведь, мы братья между собою, забудем ссоры, вздоры, будем соединяться, осную кассы и сообща на врага или беремся за руки просить короткого рабочего дня. Товарищи, просыпайтесь, пора начинать мстить. Кровь за кровь. Рабочие всех стран, соединяйтесь!"

Революционная мысль и могучая воля пролетариата сквозят в каждой строке, в каждом выражении этого воззвания. Особенно рельефно выступает богатство его содержания в сравнении с его внешним видом.

Набирала его рука еще малограмотного рабочего; распространяли его сами рабочие, необладавшие никакими, даже примитивными, аппаратами распространения; на оборотной стороне его сохранились следы хлеба, которым он был приклеен к стене.

Впрочем, немного большими средствами обладали и интеллигентские группы того времени. Начиная работу в сентябре 1895 года, наш кружок не имел никакой литературы, если не считать небольшой пачки брошюр, привезенной *Финном* из Киева. С финансовыми средствами обстояло не лучше: денег совсем не было,— весь наш первоначальный капитал сводился к 50 рублям, которые я получил из гор. Томска от своих земляков— студентов. С этими деньгами мы и начали нашу работу. В течение двух-трех месяцев удалось организовать несколько рабочих кружков и привлечь несколько интеллигентов для занятий в этих кружках. Рядом с этими кружками, где занятия велись по „Эрфуртской программе", было образовано еще два-три кружка с переменным составом участников, где не велось систематических занятий, а обсуждались те или иные события дня или факты из повседневной рабочей жизни. Через такой кружок мы стремились провести возможно больше рабочих, выделить из их среды наиболее развитых и способных к организационной работе. Путем такого подбора образовалась небольшая группа сознательных рабочих, которая, слившись в январе 1896 года с кружком *П. Колокольникова*, образовала центральную группу Московского Рабочего Союза.

Насколько сильны были в это время связи с рабочими, видно из того, что под *адресом московских рабочих французским рабочим по поводу 25-летия Коммуны* было собрано 605 подписей рабочих 28 фабрик и заводов, и лишь краткость срока, как указывалось в сопроводительном письме Полю Лафаргу, не позво-

лила собрать большего числа подписей. Адрес был написан тов. *Л. Фичнои*, и собиранию подписей предшествовало ознакомление рабочих (в кружках) с историей Парижской Коммуны.

Я никогда не забуду того момента, когда выяснился результат собирания подписей: среди повседневной кропотливой, казавшейся мелкой, работы, неожиданно выдвинулся перед нами мощный отряд строющейся армии российского пролетариата.

К весне 1896 года число членов значительно увеличилось; образовались новые стачечные кассы, делались попытки слияния мелких стачечных касс (у железнодорожных рабочих), стачечное движение нарастало (стачка на Прохоровской м-ре). Насколько поднялось боевое настроение у рабочих,—можно судить по следующему факту: рабочие Газового завода постановили прекратить выпуск газа для иллюминации Кремля в день коронации Николая и, если не ошибаюсь, сорвали таким путем одну пробную иллюминацию.

С ростом местной организации увеличивались и оформливались связи и с другими городами (с Петербургом, Киевом, Нижним). В апреле были сделаны первые шаги *к созыву съезда:* центральной группой союза была выработана детальная программа съезда, которая была передана организациям других городов; по крайней мере, в Нижний она была передана мною лично. Но аресты и высылки в мае („чистка" перед коронацией) и крупный провал в июле помешали осуществлению этого задания. О дальнейшей работе Московского Рабочего Союза до меня доходили лишь отрывочные сведения в Таганку.

1898—1899 г.г.

Зимой 1898—99 г., когда я снова попал в Москву, рабочее движение казалось совсем раздавленным зубатовщиной: кружки один за другим проваливались, едва успев организоваться. Центральной группе (Московскому Комитету Партии), в состав которой к

тому же входили лица, уже отмеченные охранкой, пришлось законспирироваться до такой степени, что всякая мало-мальски широкая работа была почти невозможна.

Все сводилось к „руководству" движением, т.-е. к поддерживанию связей, далеко нерегулярных с несколькими кружками *(В. Розанова, А. М. Лукашевич, А. А. Власевой)* и снабжению литературой. Московский Комитет не только стоял в стороне от сильно развивавшегося в то время „экономического" движения, но и пытался, насколько это было возможно, вести борьбу против увлечения „экономизмом". Во время всеобщей студенческой забастовки весной 1899 года был поставлен вопрос о непосредственном участии группы в студенческом движении и намечался листок к студентам и рабочим, где, в противоположность господствовавшей раньше точки зрения на студенческое движение (так, напр., листок к студентам Московского Рабочего Союза в 1896 г.) выяснялось самостоятельное политическое значение происходившей забастовки. Был ли выпущен такой листок—не знаю, так как в связи с студенческой забастовкой охранка выслала меня из Москвы. Впоследствии пришлось узнать, что, несмотря на всю нашу конспирацию, несмотря на очень узкий состав Центрального кружка, всю нашу работу и даже наиболее конспиративную, мы вели при постоянном надзоре, а иногда—и участии провокаторши *А. Серебряковой:* сношения с кружками, многие конспиративные переговоры между членами центрального кружка происходили или при ее участии, или в ее квартире.

Зубатовщина давила и разбивала все попытки к организации.

М. Владимирский.

Из воспоминаний.

I.

Современное поколение с трудом сумеет вообразить себе, в каких условиях выростали мы, старики русского марксизма. Начиная с революции 1905 года, и даже раньше, оно воспринимало идеи марксизма как-бы из атмосферы. Уже тогда в центре борьбы стояли марксисты, и как раз последовательные марксисты, большевики. Социалисты-революционеры и тогда беспомощно шатались из стороны в сторону и, дав использовать себя освобожденцам и кадетам, получали презрительный толчек.

У марксистов большевиков была ясная классовая позиция, и в этой ясности была великая пропагандистская сила.

Как ни слаба была наша литература ко времени революции 1905 года, все же в ней имелось очень не мало оригинальных и переводных работ, от очень солидных книг до легоньких брошюрок.

В первой половине 90-х годов все это было иначе. I том „Капитала" давно превратился в библиографическую редкость. Я еще и теперь помню, каким великим счастьем для меня было, когда удалось достать этот том на одну неделю. К половине девяностых годов начали изредка попадаться другие работы Маркса и Энгельса, частью привезенные из-за границы, частью воспроизведенные в России гектографическим и литографическим способом. Так, мне попала часть „Анти-Дюринга-Энгельса, а позже—„18-е брюмера" Маркса и „Коммунистический манифест".

Во второй половине 90-х годов стали проникать немецкие книжки. Когда я уже перешел к марксизму,

удалось добыть „Экономическую теорию Маркса" Каутского, его же „Эрфуртскую программу", „Французскую революцию" и Германскую революцию" Бласа, два томика „Берлинской рабочей библиотеки".

В широкой литературе долгое время и этого ничего не было. Нарождающемуся марксизму пришлось пробавляться странною пищей. С половины 90-х годов возникло книгоиздательство М. И. Водовозовой, которым фактически руководил покойный Н. В. Водовозов. Выпущенная им легонькая книжечка Магайма о профессиональных союзах, к тому же подвергшаяся жестоким цензурным урезкам, приветствовалась и марксистами: действительно марксистская литература совершенно отсутствовала. А когда в том же издательстве стали выходить сборники статей из „Handwörterbuch der staatswissenshaften" („Промышленность", „Земледелие" и т. д.), они сразу сделались необходимой принадлежностью библиотеки всякого марксиста.

Не только марксистская, но и обще-экономическая литература была невыразимо бедна. Теперь, оглядываясь назад, приходится признать, что действительным вкладом в нее были и типичные произведения германско-профессорской науки. Они давали азбуку, они помогали отрешиться от представлений о каких-то особых путях русского экономического развития.

Состояние нашей экономической литературы делает как нельзя более понятным необыкновенный успех книги Струве, появившейся в конце 1894 года. Она вводила, может быть, в круг идей не столько Маркса и Энгельса, сколько Бюхера и Брентано. Это было подготовительным шагом к революционному, к марксистскому „принятию" капитализма.

Пожалуй, ярче всего характеризуется наша литературная бедность того времени таким фактом. Один из переводчиков, чувствовавший себя в то время марксистом, — потом он ощутил в себе „освобожденца", а в самое последнее время левого эс-эра, слегка переделал одну небольшую работу Гельда и выпустил ее под названием „Фабрика и ремесло". И начина-

Иван Иванович СКВОРЦОВ (И. СТЕПАНОВ).

Григорий Нколаевич
МАНДЕЛЬШТАМ.

Мартын Львович МАНДЕЛЬШТАМ.

ющим марксистам пришлось признать, что небесполезна даже эта работа очень умеренного и очень ограниченного германского профессора: она заставляла взглянуть на экономическое развитие не народническими глазами.

II.

Но одно дело читать, а другое — воспринимать прочитанное. Всякая книга перерабатывается читателем по-своему. Значение всякой книги определяется тем, что она даст толчек самостоятельному мышлению. А это мышление и его направление определяется не последней прочитанной книгой, а всей совокупностью пережитого человеком в предыдущее время.

Голодный 1891 -2 год сыграл решающую роль в развитии нашего поколения. Пассивно голодающая и молчаливо умирающая деревня,—нет, это не тот рычаг, который мог бы двинуть общественное развитие.

Совершенно естественно, что революционное брожение среди молодежи начало возрождаться в форме отголосков народовольчества. Творческая идея, героическая личность, долг перед народом и т. д.,—все это, что еще и теперь переживывают эс-эры, большинство моих сверстников переживало на заре своей сознательной жизни. И, как эс-эры новейшего времени легко превращались в чистых культурников, в серых земских деятелей, так и в первой половине годов революционное направление возрождающегося народничества легко переплеталось с чисто культурническим.

Появилась на сцену старая литература: „Исторические письма" Миртова-Лаврова, сочинения Михайловского, в особенности „Что такое прогресс", „Герои и толпа".

В тех элементарно-революционных кружках, в которые я попал, господствующими были неопределенно, туманно, расплывчато народнические идеи. Это обязывало и к особому пониманию марксистской литературы.

Мы читали „Капитал" Маркса, „Анти-Дюринга" Энгельса, его же „Происхождение семьи", появившие-

еся в 1894 году в легальном издании, с большими урезками и в дрянном переводе. Но читали только затем, чтобы найти в них обоснование своих спутанных народнических воззрений. Мы, следуя по стопам Михайловского, чувствовали себя „истинными марксистами" и с состраданием, с сознанием своего умственного превосходства взирали на таких „исказителей" марксизма, как, напр., Бельтов-Плеханов (его „Монистический взгляд" появился в 1895 году).

Мы много читали,—но, чем больше читали, тем запутаннее становилась неразбериха, царившая в голове, и тем больше только она и представлялась истинным значением.

Здесь были Миртов и Михайловский, Маркс и Лассаль, Бокль и Спенсер, Кареев и Николай—он, Иваниоков и Милль... Впрочем, долго не удалось бы закончить этот перечень. Да он и излишен: об этой неразберихе, хотя на новой ступени развития, на основе иного, но столь же хаотического материала, дают представление произведения „теоретиков" социалистов-революционеров или хотя бы совсем недавние писания Н. Суханова.

В 1893—4 годах сильно оживились студенческие землячества. Устраивались „межземляческие" собрания, на которых обсуждались разные теоретические вопросы. С молчаливого согласия полиции состоялось несколько обширных собраний, под невинным прикрытием „помолвки" и т. под. Один раз было допущено такое собрание на Татьянин день.

И на межземляческих собраниях, и на этих более обширных собраниях все чаще стали выступать марксисты. Разумеется, я „ниспровергал" марксизм. „Ниспровергал" его и на одном большом собрании в феврале 1894 года, где выступал М. И. Мандельштам (Лядов).

По части революционной практики у нас было плохо. Научились сами варить гектограф, добыли гектографских чернил, выпустили несколько листков, в которых не было никакого содержания, и которые расходились исключительно среди интеллигентов.

Эффектно было только одно издание. По смерти Александра III на литературу и университеты нахлынула волна холопских чувств. В. О. Ключевский произнес в одном ученом обществе рабью речь, и потом издал ее брошюрой.

Мы скупили несколько сотен экземпляров этой брошюры и потом выпустили ее в качестве „2-го исправленного и дополненного издания". Перед текстом был вклеен гектографированный листок, на котором была отпечатана басня „Лисица-царедей" фон Визина. В этой басне после хвалебной речи лисицы умершему льву крот шепчет:

„Я знал льва хорошо:
Он был пресущий скот.
И зол и безтолков.
И силой вышней власти
Свои тирански насыщал он страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был создан на костях растерзанных зверей".

Ключевскому, явившемуся на лекцию, было преподнесено это „второе издание" и устроена бурная демонстрация.

Наша судьба была типична для народничества того времени. Оно было так безпочвенно, что сказать ему, собственно, было нечего. Недаром типография, поставленная несколько позже народниками в Петербурге, могла выпускать только брошюры вполне приемлемые для марксистов или прямо марксистские.

К весне 1895 года мы добыли мимеограф. Но пустить его в ход не успели. В ночь на 4 мая все мы были арестованы. При содействии Гернгросс Жученко мы были спутаны с нелепым кружком И. С. Распутина, с которым у нас были личные знакомства, но не было общего дела.

III.

К весне 1896 года я был выслан в Тулу. Перед коронацией Николая II Москву подвергли усиленной чистке. На время высланный из Москвы, в Тулу же приехал покойный Л. П. Радин. Я был немало изу-

млен, когда после долгих разговоров со мною он признал, что я очень близок к марксизму. Борьба с марксизмом и усиленная работа в тюрьме не прошла для меня даром.

Остальное доделала знаменитая петербургская стачка, разразившаяся в мае 1896 года. При содействии Радина, я получал в шифрованных письмах, написанных раствором серной кислоты, краткие фактические сообщения о ходе забастовки. Да, здесь было движение, здесь была почва для революции. Эта стачка, действительно, потрясла застойное общество.

Тогда же и там же я встретился с А. Богдановым (А. А. Малиновским) и В. Базаровым (В. А. Руднев ым), с которым встречался еще в Москве, на межземляческих собраниях.

Высланный из Москвы несколько раньше меня, Богданов, настроенный тогда народовольчески, попытался подойти к рабочим,—или, точнее, сами рабочие притянули его к работе. Он начал работу в народовольческом духе; но рабочие не пассивно воспринимали то, что им говорилось. Они все исправляли *своим* жизненным опытом. Таким образом они, теоретически еще далекие от марксизма—да и от всякой теории—превратили народовольца в марксиста.

Осенью Богданов должен был уехать в Харьковский университет. Он сразу, если не с первой, то со второй встречи, предложил мне взять на себя занятия в рабочих кружках. Я, еще такой недавний ниспровергатель марксизма, чувствовал себя странно. Но Богданов, на основании собственного опыта, был убежден, что я стану давать рабочим именно то, что им требуется. И последующее показало, что он был прав.

Для меня начался период почти 3-летней деятельности в рабочих кружках. Хорошее это было время! Летом мы собирались где-нибудь в лесах и перелесках,—под Старым Басовым, в Баташевском лесу, под осень в Петровском парке. Иногда приходилось сделать,—конечно, пешком, ибо мы были неумолимо

строгие конспираторы — до 30 верст в день и даже больше.

Зимой забирались под крышу. Пользуясь небольшой приплатой от кружка, какой-нибудь рабочий со своей матерью нанимал маленькую хибарку где-нибудь на окраине. Собирались с великими предосторожностями. И ни разу не попались. Хотя в кружковую работу под конец были втянуты многие десятки рабочих, у нас не было ни одного случая провокации или предательства.

Бывали случаи, что отец-пьяница заподозрит своего сына-рабочего: найдет у него явно „социалистическую" книжку, почти накроет собрание. Бывали случаи угроз: „разобью всю голову, если еще раз попадешься". И бывало, что, действительно, разбивали голову. Грозили доносами. Но, кажется, до действительных доносов не доходили.

Случалось, что, благодаря слабости деревянных переборок, наши разговоры слышали и посторонние,— родственники хозяина комнаты или квартирки, в которой мы собирались. Не знаю, почему, но у этих посторонних сложилось убеждение, что я — сын министра или даже губернатора, во всяком случае очень высокий сановник, который „стоял за народ", „говорил царю правду" и за то попал в опалу. Эта мелкобуржуазная легенда получила немалое распространение. Может быть, она отчасти спасала нас от доносов посторонних лиц, которые сталкивались с нашими делами.

На первое время в основу занятий я положил „Эрфуртскую программу" Каутского. Излагал содержание главы, а потом тут же переводил с немецкого самую главу. Но все мы чувствовали, что требуется и нечто иное.

Богданов долго старался отыскать какое-нибудь руководство политической экономии, пригодное для наших занятий. Разумеется, ничего не нашел. Решил, что необходимо *создать* руководство. Так уже к 1897 году из занятий с рабочими возник в рукописи „Краткий курс экономической науки". Уезжая в

Харьков, он возложил на меня редактирование и „цензуру" по отношению к „Курсу". Действительная цензура жестоко изуродовала первое издание. Тем не менее и того, что осталось, было достаточно для наших работ.

Базаров, который вскоре тоже был выслан из Москвы, рассказывал в кружках о рабочем движении в Англии. Таким образом, в практической работе возникла брошюра, изданная впоследствии за границей, а в 1906 году у М. Малых под именем Д. Седого. Я рассказывал о государственном строе Англии и России.

У нас получался хороший „рабочий университет". Рабочие из наших кружков, попадавшие в Харьков, Москву, Петербург, Саратов и т. д., заметно выделялись по своему развитию. К нам приезжали из других городов за подготовленными работниками.

В ногу с нами шли некоторые преподаватели воскресной школы. Они тоже старались давать знания, которых требовали рабочие, они выбирали из среды учеников тех, кто заслуживал доверия и наиболее подходил для наших кружков. В особенности многим в этом отношении зарождающееся рабочее движение Тулы обязано недавно скончавшейся Л. А. Басовой,— всегда кипучему, всегда деятельному, неусидчивому, революционному существу, готовому все отдать для революционного дела.

Но у нас не было действительной массовой работы. Кружки множились и росли. С Оружейного завода, где мы прежде всего нашли почву, мы, хотя и с большой медленностью, начали завязывать связи с Патронным заводом, с самоварной фабрикой Баташева, с механическим заводом Бойцурова, с только-что возникшим чугунно-плавильным заводом на Косой горе. Тогда дело явно стало приобретать характер массовой работы. Но это было уже к 1900 году, когда я уехал из Тулы, и когда надвинувшийся кризис произвел великий сдвиг среди рабочего класса.

Напротив, пока мы сидели на Оружейном заводе

мы никак не могли выбиться из кружковой, чисто пропагандистской работы. Харьковский с.-д. кружок, с которым у нас были наиболее тесные связи, упрекал нас за это, прислал на продолжительное время одного товарища, который должен был сдвинуть нас с мертвой точки. Но из этого ничего не вышло.

И тогда, и в особенности теперь для меня ясно, что характер работы определялся особыми условиями производства на Оружейном заводе, особым расчленением рабочих, особым их типом, создававшимся общим строем производства.

Но от этого членам кружков не было легче. Они чувствовали, что мы варимся в собственном соку. Они узнавали многое, многому научались, — но это как-то не имело общественного значения.

„Экономизм" нас не коснулся. Но и от практической политики мы были далеки.

IV.

Кажется, летом 1898 года Богданов рассказал мне, что харьковская с.-д. организация получает оформленный характер. Она долго обсуждала, кого можно принимать в организацию, и, наконец, решила, что членами ее могут быть люди, „способные к развитию". Он заявил, что мне предлагается сделаться членом этой организации.

Я был немало смущен таким предложением. Точно я все время читал, работал. Но никогда не ставил вопроса, способен я к развитию или нет. Вообще, собственная персона интересовала меня очень мало, — я как-то совсем не задумывался, что такое я представляю. И я подозревал, что при таком некритическом отношении к своему „я" недостоин вступить в харьковскую организацию.

Богданов быстро разрешил мои сомнения. Он сказал, что „генерал", пользовавшийся большим влиянием в организации, сначала измыслил еще более хитроумную мерку, и уступил только после долгой

борьбы. А впрочем, на все это наплевать. Нет никаких препятствий моему вступлению в организацию.

„Генерал" переживал тогда тот период развития, который отразился в его книжке, вышедшей едва ли не в том же году: *Неждановъ*, „О нравственности". Он отрекся от нее, сделавшись Череваниным, в 1905 или 1906 году.

В конце 1898 или начале 1899 года харьковская организация сделала шаги с той целью, чтобы превратиться во всероссийскую, и в первую очередь — поставить работу в Москве.

В Москве и того не было, что было у нас в Туле. Едва интеллигенты заводили знакомство с рабочими, как они подвергались аресту и высылке. Та же судьба постигала почти всякий кружок при самом его возникновении. И даже за одиночками немедленно устанавливалась такая упорная слежка, которая исключала всякую возможность работы. Одиночки делали кое-что, отчасти пользуясь воскресными школами, — как и мы в Туле.

Зимой 1898—9 года ко мне в Тулу приезжали из Харькова Череванин (Ф. А. Липкин) и М. А. Кириллов. Конечно, я знал их тогда под кличками, и настоящие имена узнал много позже. Решено было, что значительная часть харьковских товарищей переедет в Москву, и они, действительно, вскоре переехали. Предполагалось, что некоторые рабочие-туляки тоже переселятся в Москву и наладят связи с московскими рабочими.

Я не знаю, как осуществлялся этот план. В феврале 1899 года кончился срок моей высылки. Мне было разрешено жить повсюду, кроме столиц и столичных губерний, университетских городов, промышленных центров и даже таких городов, как тогдашние Саратов, Самара и Нижний. Поехал на 4 месяца за-границу. А потом вынужден был поселиться в мирной, захолустной Калуге: никуда не пускали. По таким же причинам в 1900 году здесь временно поселились А. Богданов, В. Базаров, А. В. Луначарский, который

„вылетел" из Киева, но отчасти „влетел" и в Москве, и Б. В. Авилов, который в свое время был членом харьковской организации.

В начале 1900 года я был арестован и отвезен в Москву. То дело, по которому меня привлекли, у жандармов называлось делом „харьковского кружка интеллигентов пропагандистов". По нему в Харькове, Москве и других городах были арестованы Богданов, Бобровский, Ванеев, Липкин-Череванин, В. В. Авилов, Л. Л. Никифоров, *Всеволод Квинтилианович Рудиев*, упоминавшийся выше инженер *М. А. Кириллов* и многие другие.

Работа для жандармов получилась легкая. В. К. Руднев и Кириллов, арестованные в первую очередь, буквально все рассказали, что только они знали. Рассказали даже такое, чего можно было совсем не рассказывать. Так, напр., Кириллов рассказал о своей поездке ко мне в Тулу, хотя жандармы ни откуда не могли о ней знать. Я, конечно, уперся на том, что никакого Кириллова не знаю, что он, очевидно, напутал, и отважно потребовал очной ставки с ним. Таковой мне не дали,— видимо, не надеялись на Кириллова,— и, продержав несколько месяцев в тюрьме, выпустили без всяких последствий. Показание Кириллова было единственным против меня.

По выходе из тюрьмы Кириллов чистосердечно признался, что он вел себя гнусно и дрябло. Он заявил, что впредь не будет принимать никакого участия в политической деятельности. В 1905 году он погиб в Екатеринославе на баррикадах.

До конца гнусным оставалось поведение В. К. Руднева. По выходе он старался гадко оправдываться и даже требовал реабилитации! Нашлись люди, которые усиленно поддерживали его,— в том числе Серебрякова, только в последние годы разоблаченная старинная сотрудница охранки. Из этого ничего не вышло, и В. К. Руднев куда-то бесследно пропал.

Дело окончилось для большинства привлеченных высылкой в Вятскую и Вологодскую губернии.

Опять не удалось наладить работы в Москве.

V.

В 1901 году истек 2-летний срок, в течение которого мне воспрещено было поселяться в Московской губернии (в самой Москве и Петербурге было воспрещено поселяться *„навсегда"*,—так в бумаге и значилось). К осени того же года я и Базаров, только что возвратившийся из-за границы и наладивший там связи, поселились в Подольске.

В сентябре Л. Л. Никифоров, с которым Базаров давно был знаком лично, а я—заочно, через харьковскую организацию, членом которой он был, раза два приезжал к нам в Подольск, чтобы обсудить вопрос о создании с.-д. организации в Москве. Приходилось все начинать сначала: и заводить связи, и создавать литературу, и ставить печатную технику.

Это было подлое время. Зубатовщина все разлагала. Не велика беда, что на зубатовщину клюнули сначала многие профессора, а И. Х. Озеров так и засел в зубатовских организациях. И неважно, что с ними прочно связался какой-нибудь В. И. Анофриев, один из „отцов" начавшегося тогда в Москве кооперативного движения, или какой-нибудь Кобылинский. Несравненно хуже, что зубатовщина разлагала рабочую среду. Зубатовцами были не всегда самые глупые и самые подлые элементы из рабочего класса. Многие совершенно искренно запутывались в охраночных сетях.

Конечно, создание с.-д. организации и борьба с зубатовщиной с самого начала выдвигались для нас на первый план.

27 сентября я и Базаров отправились в Москву, чтобы вместе с товарищами приступить к делу. Предполагалось, что мы соберемся на солидной квартире, у какого-нибудь крупного „стачечного" адвоката. Но „сочувствующие" адвокаты в последний момент струсили. Я с изумлением узнал, что мы собираемся у Л. Л. Никифорова, за которым была великая слежка. Но делать было нечего.

Никифоров занимал тогда маленькую комнату в доме по Косому переулку. Часам к восьми вечера у него собрались все приглашенные: Базаров, Г. А. Давыдов, П. П. Куняев, В. Л. Шанцер и я.

Л. Л. Никифоров, который лежал на постели,— его обычное положение,— приподнявшись, заявил: „Товарищи, честь имею представиться: Московский Комитет с.-д. партии. Кооптирую вас всех".

Таково было положение в Москве: от всего, что сделала харьковская группа „интеллигентов пропагандистов", сохранился только Никифоров. В его лице был *весь* тогдашний Московский Комитет. И, совершенно естественно, приступая к расширению работы, этот комитет всех нас кооптировал.

Это был первый раз, когда я сделался членом нашего Комитета. Второй раз я состоял членом Московского Комитета в течение нескольких недель с марта 1917 года. Но тут, в отличие от 1901 года, я только числился в Комитете: буквально все время у меня отнимали „Известия Московского Совета".

Недолго существовал наш Комитет 1901 года. Прошло не более 1½ часов с момента нашей кооптации, как раздались сильнейшие звонки в парадную и черную двери, и в квартиру ввалилось целое воинство городовых и охранников. Меня, в общем, арестовывали шесть раз; но никогда,—ни раньше ни позже,—не видал я мобилизации таких огромных боевых сил жандармов. Во главе воинства стояли ротмистр Сазонов, правая рука Зубатова, и Войлошников, секретарь или делопроизводитель охранки, впоследствии, в декабре 1905 года, растрелянный на Пресне.

Вообще, делу придавали большое значение. Когда нас везли в восточно-сибирскую ссылку, новые смены конвоя являлись с мешком, в котором позвякивало изрядное количество кандалов. И начальники конвоя, освоившись с нами, рассказывали нам, что со времен переправки взбунтовавшихся ангиджанцев они не получали таких строгих инструкций как относительно нас.

„Сам" ротмистр Сазонов вел наше дело. В то

время обычно было представление, будто охранка Зубатова „все знает". Но я тогда полагал и теперь убежден, что „всезнающей" она становилась только в тех случаях, когда к делу припутывались слабые элементы. Мы же все по тогдашним условиям были „старики", видавшие всякие виды. Насколько глубоко была осведомлена охранка в нашем деле, лучше всего показывает тот факт, что мы были сосланы в Восточную Сибирь как члены— „социально-революционной партии"!

Весь Московский Комитет, созданный посредством кооптации, на три года оказался в Восточной Сибири.

Грустно было, что мы ничего не успели сделать. Но все мы были бодро настроены. Чувствовалось, что быстро надвигается решающий перелом.

VI.

Я долго не кончил бы, если бы стал рассказывать о московских делах и московских впечатлениях, которые встретили нас в конце 1904 года, когда перелом определенно наметился, и мы возвратились из ссылки. Об этом времени многое могут рассказать молодые товарищи. Хотелось бы многое рассказать о литературно-лекторской группе, которая, возникнув летом 1905 года, скоро развернула широкую деятельность. Мы медленно порывали с приемами строжайшей конспирации. В группе несколько раз поднимался вопрос о том, чтобы связаться с Московским Комитетом, но каждый раз соответствующие предложения отклонялись по конспиративным соображениям. Так как члены группы открыто выступали на собраниях и пользовались всякой „легальной возможностью", то мы опасались „расконспирировать" комитет и провалить комитетчиков.

Фактически мы были связаны с Комитетом: членом в группу почти с самого начала входил покойный В. Л. Шанцер, член Комитета. Уже в августе 1905 года, когда вновь был поднят все тот же вопрос, я заявил, что на нем можно не останавливаться: хотя

мы формально не связаны с Комитетом, однако „дух его незримо присутствует среди нас". Я не назвал имени, однако, по окончании заседания получил от пламенного, кипучего Шанцера большую головомойку за „неконспиративность".

Нас было немного: М. Н. Покровский, В. А. Обух, П. Г. Дауге, Н. А. Рожков, покойные М. Г. Лунц, Л. Л. Никифоров, В. Л. Шанцер, С. Я Цейтлин, В. Я. Кнель. После октябрьской революции 1905 года нас стало необыкновенно много. Я был изумлен, когда в первом же собрании группы после 17 октября увидал, что она разом выросла до 20—25 человек! И, разумеется, „младо-большевики" оказывались самыми активными, энергичными и требовательными. После декабрьских дней все они так же разом отхлынули, как разом пришли. И мы ничего не потеряли от этого.—скорее напротив. Старая история, которая нас, стариков, заставляет кое-что и в современности оценивать по особенному.

После декабрьских дней в нашей группе возникла мысль о сборнике, который и вышел в конце января 1906 года. Это был „Текущий момент". Среди всеобщей подавленности он произвел необыкновенное впечатление проникающим его революционным духом и бодростью тона. За какую-нибудь пару недель разошлись все 10.000 сборника,—для того времени успех совершенно исключительный.

Тов. Ленин давно уже интересовался московскими настроениями,—и, может быть, в особенности интересовался потому, что с ноября 1905 года Москва часто бывала в оппозиции Петербургу. „Текущий момент" еще больше заинтересовал Ленина. В конце февраля он приехал в Москву, и я через 2—3 часа связал его с Московским Комитетом и членами лекторской группы.

Не скрою, его приезд породил в нас особенное нервозное настроение. Невыразимо обидно и тяжело было бы для нашего „московского патриотизма", выросшего после декабрьских дней, если бы Ленин „провалился" в „красной" Москве. Я взял на себя

устройство для него ночлега. На одну ночь „подкинул" к врачу Л., который в полицейском отношении стоял выше всяких подозрений, на другую ночь—к покойному артисту Малого театра М. Н. Падарину, который был еще безукоризненнее в этом отношении.

На следующий день по приезде Ленина мы, москвичи, пережили за него мучительные минуты. Для предварительного обсуждения с Лениным вопросов к предстоящему стокгольмскому съезду некоторые члены литературно-лекторской группы и Комитета решили собраться в так называемом „Музее содействия труду", в отделе Технического Общества, помещавшемся в начале Рождественки, в доме бывшем Хлудова.

Едва москвичи собрались, как нам сообщили, что в нижний этаж пришел околоточный с несколькими городовыми и о чем-то расспрашивает, намереваясь, повидимому, направиться к нам. Мы быстро спровадили комитетчиков и всех, кто не числился членами „Музея" и отправили несколько товарищей на улицу, чтобы предупредить запоздавших, в том числе и т. Ленина. А сами—Луиц, Покровский, Рожков, Цейтлин и я—остались, чтобы, по возможности, дольше проканителиться с околоточным. Но он до нас не дошел,—он пришел по каким-то делам, не имевшим к нам касательства.

Большое совещание—было человек 20—состоялось на следующий день в одной частной квартире на Остоженке. Безвыходно просидели весь день и закончили все дела.

Недавно я вспоминал с тов. Лениным обо всем этом и отметил, что он вновь приехал в Москву ровно через 12 лет после предыдущего приезда. Но как же изменились условия с того времени!

VII.

Наступило тяжелое время. Партия таяла, средств не было. Мы снова и снова приходили к мысли возродить газету типа еженедельника. За исключением короткого периода на границе 1905—6 годов, в

Москве никогда не было в обычае, чтобы редакторы и сотрудники получали какой-нибудь гонорар. Напротив, те же редакторы и сотрудники должны были бегать по Москве из конца в конец, чтобы достать у „сочувствующих" 10—20 руб. на печатание и бумагу. И велико же было наше торжество, когда „сочувствующий" вместо ожидавшегося от него четвертного давал два четвертных.

На Трубной площади была тайная типография, замаскированная лавкой консервов. Выручку от продажи консервов пришлось затрачивать на нужды типографии. Лавка навела подозрения: слишком беззаботно относилась она к покупателям и не возобновляла распроданного маленького запаса товаров. Типография провалилась из-за недостатка буквал по 30—50 руб.

Наши комитетчики и организаторы, все свои силы отдававшие партии, в лучшие времена получали 25—30 руб. в месяц. Теперь партия не могла аккуратно выплачивать и такой суммы. Товарищи голодали в самом жестоком значении этого слова. В Рогожском районе был случай тифа на почве голода.

После долгой и упорной борьбы, старинным товарищам приходилось искать заработка вне партии. Тяжело им было отходить от дорогой, любимой работы. Но ничего нельзя было поделать.

Мне всегда казалось, да и теперь кажется, что наряду со многим правильным много несправедливого было сказано о „бегстве интеллигентов" из партии. Несправедливостью было забывать, что не бежали, а вынуждению отходили от партийной работы не случайные люди, не попутчики, а испытанные партийцы.

Партийная работа становилась все тяжелее. Уныние, идейная растерянность, в особенности среди тех, кто примкнул к партии только во время революции, но не успел сплотиться с нею, обманутые надежды карьеристов, которые были у нас и в 1905—6 годах, безработица, — все это представляло благоприятную почву, на которой вырастали предательство и провокация.

В Замоскворечьи всякая попытка возродить комитет вела к немедленному провалу. Дело дошло до того, что состоялось неоформленное, но серьезное постановление: всякий, кто будет настаивать на воссоздании организации, будет объявлен провокатором. Я в шутку говорил тогда, что члены партии разделяются на ленгяев и провокаторов. Замоскворецкое решение показывает, что приблизительно таково было действительное убеждение многочисленных партийных работников.

Охранка окончательно обнаглела. Только немногим из попадавших в ее лапы не предлагала она „сотрудничества". Дело дошло до того, что, арестовав брата М. Лядова и приняв его за самого Лядова, она и ему на всякий случай предложила „сотрудничество". Охранщиков не останавливала непроходимая глупость предположения, будто человек, связанный с революцией полтора десятка лет и занимавший ответственные посты, способен из-за мелких выгод или удобств уничтожить и оплевать все свое прошлое и больше всего—себя самого.

Расправы были самые жестокие. За одну принадлежность к Московскому Комитету или даже за простую связь с ним, ничем не доказанную, кроме шпионских сведений, судебная палата возвышалась до шести и даже до восьми лет каторжных работ.

С нами было совершенно покончено. Социал-демократические дела в охранке и в судебной палате с 1908 года заключались в обложки, на которыхкрасовалась надпись: „об *окончательной* ликвидации с.-д. партии".

И все это обрушивалось только на большевиков, потому что меньшевики давно уже покорно сами себя ликвидировали.

VIII.

Однако, в 1908 году появился какой-то просвет.

В Москве удалось создать газету, которая просуществовала более полугода и вышла в количестве 9 или 10 нумеров. Это было нелегальное „Рабочее

Знамя", печатавшееся в тайной типографии, помещавшейся в доме б. Еремеева близ Маросейки.

Первый нумер газеты появился к марту 1908 года, к 25 летней годовщине со смерти Маркса. Составляя его главным образом рано скончавшийся тов. С. Я. Цейтлин. Мне принадлежала большая статья о Марксе, составившая особый вкладной лист.

Немногие помнят теперь о Цейтлине. Он не выступал на крупных собраниях. По широкому образованию, по солиднейшей юридической подготовке, его специальностью было государственное право,—по идейной выдержанности он был бы теперь незаменимым работником в Социалистической Академии, где некоторые старые профессора отчаянно размахивают выправленными ими документами на звание коммуниста, проявляют героические усилия, чтобы сделаться доподлинными коммунистами,—но падают в тщетной и безнадежной борьбе со своей старо-университетско-профессорской натурой, определяющей все формы их мышления и поведение. Цейтлин был скромный, серьезный работник, который без крика и шума делал свое дело. А это дело было немалое. Он был душою всех наших литературных начинаний, он нес громадную подготовительную работу во всех учреждениях при Московском Комитете и профессиональных союзах.

Он рано умер, этот товарищ. Еще к концу 1908 года у него стали появляться признаки мании преследования. Да какая тут мания! Товарищ, ходивший по моему поручению к Цейтлину, спокойный, уравновешенный человек, ясно видел, что за ними последовали два шпика, когда этот товарищ вместе с Цейтлиным вышел из дому.

Нам удалось ознаменовать память Маркса. Я говорил о его историческом значении в вечерней школе при фабрике Тиль (впоследствии завод Второва в Замоскворечьи); присутствовало не менее сотни рабочих. И говорил приблизительно так же, как стал бы говорить в настоящее время. В двух других районах на ту же тему говорили Цейтлин и Л. Н. Геллер.

С апреля или мая „Рабочее Знамя“ стало выходить более или менее регулярно, приблизительно раз в месяц. От Московского столичного и Окружного Комитета в редакцию входили П. Г. Смидович и Ц. С. Бобровская. Но они почти всегда были в разъездах. Это был первый раз, когда я испытал свои силы, как газетчик, и когда был почти единоличным составителем газеты.

Хорошее это было время! Приходилось писать обо всем: о революциях в Персии и Турции, о катастрофе на руднике, о Государственной Думе, о нарождавшейся в то время группе „Вперед“. В позднейшие годы, когда пришлось сделаться цензурно-тяжеловесным, я с грустью вспоминал о том стиле, который создался работой в „Рабочем Знамени“.

С 6 го нумера в редакцию вошли В. М. Шулятиков и Д. И. Курский, которые и вели газету до ее смерти.

Шулятиков—одна из трогательнейших фигур, какие я только встречал в нашей партии. Большая семья, скудные заработки, неприкрытая бедность, кричащая из всякого угла его квартирешки, жалкая одеженка, постоянные болезни на почве плохого питания и дурных квартирных условий: больные легкие, больное сердце, больной желудок,—потом язвы и рак желудка, которые в 1912 году свели его в могилу. И в то же время неустанная работа мысли, неустанная критика, неустанное стремление вытравить в своем миросозерцании последние остатки буржуазного мира. В этом стремлении покойник иногда доходил до смешного. Но как трогательно, честно и по-своему выдержанно было даже это смешное!

Он пришел к нам от меньшевиков, но в нем не было и намека на меньшевизм. В 1909—10 годах, когда мы фактически остались почти без всякого партийного дела, я встречался с ним почти каждую неделю и говорил иногда целыми вечерами. Мучительно тяжело думать, что он не дожил до нашего времени. Он был бы в первых рядах, он без остатка ушел бы в созидательную работу.

Как тяжело переживал он, когда суровые обстоя-

тельства, голод семьи заставили его несколько отойти от партийной работы, чтобы искать литературного заработка. И как по-детски он радовался, когда получил крошечное наследство в 3.000 руб.: теперь можно целиком отдаться партийной работе. Покойник не знал практической жизни, он не предвидел, что в хозяйстве образовалось так много прорех, что эти деньги почти целиком уйдут на их штопанье.

Великое счастье и радость доставляло ему „Рабочее Знамя". И было чему радоваться! Издание началось, помнится, с 3.000 экземпляров, быстро повысилось до 5, до 7, до 10, до 12 тысяч! Больше типография не могла отпечатать. И все эти экземпляры, за исключением 2—3 сотен, расходились по Москве, стали расходиться *по всей России*. И куда бы они ни попадали, повсюду возрождалась партийная работа. Через газету с Москвой начали *организационно* связываться Харьков, Екатеринослав, Баку, Урал. И даже далеко за Урал, до Красноярска, Хабаровска и Харбина доходило „Рабочее Знамя". И повсюду, куда ни попадало оно, его принимали с восторгом и зачитывали до превращения в клочья. Большевизм „окончательно" ликвидированный охранкой, был жив. Пролетариат, который призывали к реформе, шел к революции.

Мы, патриоты Москвы, шутливо говорили, что история повторяется: Москва во второй раз в истории является „собирательницей России".

С добыванием средств, в особенности в первое время, приходилось туго. Но весело было бегать за десяткой или четвертным билетом на такое дело.

Все это разом закончилось. Помнится, в октябре 1908 года тайная типография была арестована.

Наступило серое, печальное время. В 1910 году мы опять начали издавать легальную газету типа еженедельника. Но на пятом номере нас прихлопнули.

Новая волна поднялась к осени 1913 года, когда возник „Наш Путь" с редакцией из В. В. Оболенского (Осинского), В. Н. Максимовского и Н. Н. Яковлева.

И. Степанов.

Из прошлого.

В 1893 году я приехала в Москву и поступила на курсы. Ехала в Москву с определенным желанием учиться и работать среди рабочих. Москва и Петербург и тогда уже были центром промышленности и у нас в провинции смутно знали, что в Москве существуют рабочие организации и даже говорили, что рабочие накануне выступления против гнета капитала. Мои стремления были направлены к тому, чтобы нести в рабочую среду скудные знания, которые я приобрела в Таганрогском кружке. Кружок этот состоял в большинстве из интеллигенции и занимался самообразованием. Собирались, читали политическую экономию, Иванюкова, Чупрова, Канта, Гегеля, говорили о Марксе, но почему то Маркса не читали. Некоторые из этого кружка, как например, П. Н. Перекрест, вели пропаганду среди железнодорожных рабочих. Организовал и руководил этим кружком некто А. А. Кулаков, который носил кличку „Дед". „Дед" этот работал в кружке Малакмановой и, когда полиция разгромила этот кружок, Малакманову сослали на каторгу и забили плетьми „Дед" уцелел. Спустя несколько лет он организовал новый кружок из молодежи. Как я уже говорила, в этом кружке был и Перекрест, который работал уже тогда среди рабочих и пользовался большой симпатией, как у рабочих, так и у интеллигенции; он обладал большими организаторскими способностями и просто, ясно говорил. Вскоре же Перекрест познакомил меня с работницами табачной фабрики, почти безграмотными, с которыми я и занималась; учила грамоте, читала книги, брошюры, говорила. Через 3 месяца моей работы, под

руководством Перекреста у меня было семь работниц, из которых две у себя на фабрике пропагандировали и агитировали.

О таганрогском кружке не могу сказать определенно, был ли это партийный кружок и к какой партии принадлежал, так как я тогда не могла разобраться и шла, и работала по чувству. Я верила, что рабочий класс, это тот класс, который приведет нас к социализму, а социализм представлялся мне туманным, неясным, но светлым и радостным.

С такими стремлениями без всякой теоретической подготовки, приехала я в Москву с определенной целью учиться и работать среди рабочих. В Москве на первой же лекции я встретилась с Пелагеей Ивановной Винокуровой и Анфисой Ивановной Смирновой, впоследствии носившей кличку „тетенька". С первой же встречи я нашла в них своих товарищей и поняла, что П. И. Винокурова стоит близко к работе. Винокурова, прежде чем ввести в свой кружок, засыпала меня книгами. Я начала усиленно заниматься, прочитала Каутского, „Капитал" Маркса и т. д. и почувствовала под ногами твердую почву.

Маркс дал мне то, чего не дали все те книги, над которыми я так много работала, а, главное, я теперь уже знала ясно, куда я иду и чего я хочу. Только тогда П. И. Винокурова ввела меня в круг практической деятельности. Познакомила меня с А. Н. Винокуровым, с Е. И. Мицкевичем, Мартыном Мандельштамом и другими. Все эти товарищи работали среди рабочих, вели устную пропаганду, распространяли нелегальную литературу, издавали листки, которые среди рабочих имели громадный успех.

Среди же женщин-работниц никакой работы не велось и часто жены и сестры шли против своих распропагандированных мужей или братьев.

Но как попасть в среду работниц?

После многих толкований решено было итти в воскресные школы учительницами, ученицами, словом, как каждый найдет для себя удобным. Я случайно была знакома с директором 7-й гимназии — Херсонским, очень

либеральным человеком, который заведывал воскресной школой где-то, кажется, у Рогожской заставы. После долгих разговоров с ним, он, наконец, согласился устроить меня учительницей впредь до утверждения благонадежности.

С первого же урока я познакомилась с тремя фабричными девушками, безграмотными, но любознательными, умными и довольно способными. Работа шла успешно. Каждое слово, каждая фраза разъясняла им их тяжелые и подчас невыносимые условия работы: получали гроши, работали по 16—18 часов в сутки и при самой унизительной для человеческого достоинства обстановке.

Так, например, чтобы попасть на фабрику, нужно было понравиться главному мастеру, который, обыкновенно, цинично их унижал, оскорблял, а затем часто через некоторое время выбрасывал с фабрики.

Работа кипела, не вызывая со стороны жандармов и охранки никаких подозрений. Образовался рабочий союз, куда все же женщины не могли войти, вследствие своей неподготовленности. Союз состоял из вполне сознательныхъ рабочих, которые уже работали сами среди своих товарищей. К женщинам работницам в то время мужчины относились отрицательно, поэтому среди женщин работу приходилось ставить отдельно.

Так шло до декабря 1894 года, когда произошел разгром интеллигенции. Меня и „тетеньку“ как то не зацепили. Таскали нас по охранкам, жандармам, делали обыски, следили, и в силу этого пришлось на время прекратить активную деятельность. Вместо прежнего кружка образовался новый, куда вошли Кирпичников, братья Масленниковы, Давыдов, Рязанов, Никифоров, Мокроусов, и другие. Листки и нелегальная литература были в большом количестве и часто сохранялись у Е. М. Пеньевской, где одно время жила „тетенька“. В это время решено было отпраздновать первое мая. Настроение рабочих и всех нас было повышенное, воодушевленное; все готовились къ большему событию, устраивали собрания и, наконец, настал желанный день.

Впервые в 1895 году в Москве рабочие отпраздновали 1-е мая. За Сокольниками, в роще собралось тысячи три-четыре, где выступали с речами не только интеллигенты, но и сами рабочие. Пропаганда велась в это время в широких размерах. Параллельно организовалась небольшая ячейка, человек 30—50 женщин-работниц, и повела самостоятельно пропаганду.

Летом в июле снова — разгром интеллигентского кружка. Были арестованы и братья Масленниковы с типографским станком, а в августе и рабочий кружок руководителей. Но, конечно, движение не было задушено, организация и пропаганда продолжались. Менялись товарищи, менялась тактика, а движение невозможно было остановить душителям.

Что было дальше в Москве, я плохо была осведомлена, так как была выслана под гласный надзор полиции и только в 1905 году, получила возможность свободного передвижения.

София Муралова.

Четверть века назад.

Тогда, в 1893 году, идеи марксизма только что начинали проникать в интеллигентную и рабочую среду. Приходилось выдерживать идейную борьбу с народничеством и преодолевать тягчайшие условия царского строя. Условия же эти были таковы, что ни одна организация не могла просуществовать более полугода: в Москве царила зубатовщина, в Питере — пирамидовщина.

В 1894 году мне пришлось „работать" в Орле. Кружок наш, в который входили „Иннокентий"—І. Ф. Дубровинский, тогда юноша, впоследствии цекист-большевик, погибший в 1912 г. в далекой Сибири, Русанов Вл., погибший в северной экспедиции, Родзевич-Белевич и др. занимался издательством. Гектографы, мимеографы, пишущие машинки — заменяли собой типографию. Через Акимова, в дальнейшем ярого „экономиста", мы работали для Питерской организации, через Кварцева, Колокольникова, Руму, оказавшегося потом агентом Зубатова, – для первых московских организаций.

Издавались брошюрки, листовки, летучки. Тяжко было печатать, тяжко переправлять, еще труднее распространять.

Однажды выяснилось, что нас „проследили". Пришлось спешно перевезти орудия производства в Брянский уезд, в имение Минятова, впоследствии защитника Рейнбота.

Там произошел курьез. Изготовили спешно летучку для Москвы. Но в доме в это время шел ремонт и маляры в наивной простоте использовали труд наших ночей для заклейки стен под обои.

Можете представить наш ужас и огорчение, когда мы увидели все стены комнат оклеенными нашими прокламациями.

Сноситься с Брянском, через Орел, было трудно, и издательство перенесли в Калугу, ближе к столицам.

Здесь сняли „большую“ квартиру (4 комнаты за 7 р. в месяц), и дело пошло...

Л. П. Семенова-Перес была машинисткой, Дубровинский с братией печатали, транспортировали, я жил в Москве. В начале 97 г. и Семенова переехала в Москву. В Калуге ее еще не успели заменить, и вот Иннокентий с каким-то студентом послал ей записку — приехать, так как срочно нужно ее „искусство“. Студент — засыпался...

Необходимо было предупредить Иннокентия, что записка в руках Зубатова, который по телеграфу мог сделать обыск.

Пришлось прибегнуть тоже к телеграфу. Составили эзоповским языком телеграмму и послали по адресу Пешехонова, тогда заведующего калужской статистикой. Ночью пришла телеграмма, ночью же пришел Пешехонов на нелегальную квартиру, о существовании которой не знал, и ахнул: три комнаты, как паутиной, заснованы бичевкой, на которой сушились только что оттиснутые прокламации, по углам стопы сложенных, запасы бумаги и пр.

Составили вдвоем военный совет, что делать. Пешехонов советовал сплавить все в реку. Иннокентий решил, что все равно не успеть все вынести и, главное, жалко добра.

Всю ночь проходил Иннокентий, ожидая „гостей“, но они не явились, записку уразуметь не сумели, а студент и сам не знал ее содержания.

Однако, пришлось уходить из Калуги: перекочевали в Москву. Дубровинский занялся организацией кружков рабочих и агитацией, я продолжал издательство.

Для успеха агитации требовалось много знаний и искусства: знание всех проходных дворов, уменье за-

метать следы, искусство менять свой вид. Но процветала зубатовщина, и трудно было держаться.

В октябре 97 г. мы с несомненностью знали, что скоро будем арестованы: слежка приняла наглый характер, — шпики стояли у квартир, не отходили ни на шаг.

Надо было спасаться, спасать имущество. Увез я „корзины" сначала в Орел, в семью Семеновой-Перес, затем в Курск, к матери.

Мать спросила лишь: „страшное"? — „Страшное", мать побережет. Но беречь пришлось недолго: через неделю нас всех забрали; арестовали всего человек 60,—интеллигентов и рабочих: около 40 в Москве, прочих в Калуге, Орле, Курске. Хотели забрать мою мать, но по старости не взяли, арестовав зятя, в непричастности которого к делу Зубатов, как он сам говорил, не сомневался. Это, однако, не помешало охранке и жандармам продержать его в одиночке свыше 8 месяцев и выпустить лишь тогда, когда он психически заболел.

Одиночка, допросы, прогулки 7—10 минут, события в виде—обед, кипяток...

Через год понемногу начали выпускать; большинство направили в места более или менее отдаленные, на 3, 4, 5 лет.

В 1906 году я вернулся в Москву и увидел в витринах книжных магазинов изящно изданные в сотнях тысяч экземпляров брошюрки, так аляповато когда-то выпускавшиеся нами...

Так ковалась Российская Коммунистическая Партия, первая в мире одержавшая победу над злом и насильем буржуазного строя.

Никитин.

Воспоминания.

Мои воспоминания о Москве и ее роли в истории рабочего движения начинаются с зимы 1893—94-го года. В эту зиму шла борьба с народничеством и закладывались первые камни соц.-демократического строительства. Происходили устные дебаты,—помню одно такое большое собрание на Рождестве, где в числе молодых соц.-демократов, выступивших против известного писателя В. В., был и В. И. Ульянов (Ленин). Читались, переписывались и перепечатывались его рефераты с критикой В. В., Михайловского и Южакова. Циркулировали рефераты на эту тему и других авторов, но фамилий их я не помню. Все они были нелегального характера и не могли появиться в печати... Марксистская теория пробивала брешь в народничестве, появлялось все больше и больше кружков марксистов. Первым, работавшим эту и следующую зиму, был кружок С. И. Мицкевича.

После ареста части этого кружка, в декабре 1894-го года, другая его часть (братья Масленниковы, Кириллников, Ганнин и др.), продолжали работу. Они были связаны с Питером и издавали, как исходившие оттуда сочинения (напр., вышеуказанные рефераты Ленина), так и другие, а, кроме того, местные злободневные листки.

В конце лета остатки кружка Мицкевича были забраны, и потянулось первое большое дело с.-д. в Москве, названное „делом Мицкевича".

Понемногу стали завязываться новые связи, стали образовываться новые кружки. Из тех отдельных соц.-демократов, которые взялись тогда за работу восстановления старого и налаживанья нового, особенно

памятен мне *Владимир Николаевич Батурин*, — инженер-технолог, который работал летом и осенью 1895 го года. Это был серьезный и скромный работник преданный революционер. В невероятно трудных условиях, почти в одиночку, подбирал он обломки прежнего Союза, заводил новые связи. При полном отсутствии квартир—(рабочими квартирами в то время из-за малой сознательности рабочих.—главным образом, женщин рабочего класса пользоваться было почти нельзя),— ему приходилось устраивать свидания исключительно на открытом воздухе, поджидать рабочих где нибудь на бульварах, за городом. Летом это было еще туда-сюда, но поздно осенью он сильно простудился. Я познакомилась с ним уже больным чахоткою, с печатью смерти на челе, но с той-же суровой непреклонностью идущим к своей цели. Весной 1896-го года он умер. Он передал свои связи кружку Фини В этом кружке участвовали еще М. Ф. Владимирский, А. М. Никитин (позднее меньшевик и министр при Керенском) и др.

В то время назревала уже потребность в объединении работы разных городов, и весной 1896-го года Фини отправился в Питер, чтобы завязать связи с тогдашним „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". Но впечатление, произведенное им на тамошних работников, было неблагоприятное. Выдающимся работником этого кружка был еще Радин (нажил в тюрьме чахотку, от которой и умер скоро по освобождении).

Говоря о Радине, нельзя не упомянуть о созданной им при участии других сочувствующих лиц: Серебряков—естественник (не смешивать с семьей провокаторши Серебряковой) инженер, Теккер, врач Юрковский, его жена и некоторые учителя и учительницы,—воскресной школы при Казанской жел. дор. Эта школа сыграла не последнюю роль в истории рабочего движения Москвы. Струя соц.-демократической пропаганды лилась через нее в низы. Уроки истории и географии велись в определенном направлении; уроки бухгалтерии раскрывали собой беседы по по-

литической экономии. Была хорошо подобранная библиотека. Кроме утвержденных лекторов читали под сурдинку и такие, которые утверждены быть не могли. Через эту школу передавались связи и для нелегальной работы. Школа эта была закрыта в 1896—7 год., но потом снова открыта, в 98 или 99-м году.

В кружке Рума принимал участие занимавшийся и раньше пропагандой среди рабочих Александр Николаевич Орлов. Жена его, Лидия Константиновна, работала по технике. Издавались листки, брошюры, перевод Маркса и Энгельса. Связи у этого кружка были главным образом, с рабочими-металлистами; фабрики, особенно ткацкия, были еще серы и мало втянуты. Направление этого кружка было широко политическое. Одновременно с ним был другой, склонявшийся к экономизму.

1896-ой год,—год крупных стачек текстильщиков, главным образом, в Петрограде, но поддержанных и в Москве,—был поворотным пунктом в рабочем движении России: в первый раз вместо отдельных спропагандированных рабочих на арену выступили массы. Темой дня этой весны были дебаты о необходимости перехода от пропаганды к агитации, от кружковых занятий, от издания брошюр и переводов к листовкам и прокламациям. Распространялась, и перепечатывалась, и зачитывалась брошюра „Об агитации", изданная в одной из западных губерний.

Брошюра эта была написана Кремером и появилась в Москве еще в 1894-м году. После провала кружка Мицкевича она временно исчезла со сцены и выплыла снова с большим успехом в 1896-м году. При полном отсутствии преемственности каждый кружок в Москве начинал работу сначала и начинал, понятно, с завязывания связей с небольшим числом наиболее сознательных рабочих, кружковых занятий с ними, а, следовательно, и с издания литературы для таких занятий. Кроме переводов Маркса, Энгельса, Каутского, помню брошюрку о положении рабочих в России и перевод „Ткачей" Гауптмана. Осенью 1896-го года был издан перевод брошюры о Лондонском международном

съезде, состоявшемся летом. Мандат на него от Москвы был послан В. И. Засулич,—уроженке Москвы.

В конце лета 1896 го года, после вышеуказанных крупных стачек текстильщиков, почти весь этот кружок был арестован, но недели через две Зубатов освободил всех,—он пробовал деморализовать кружок, прикидывался сочувствующим, вел прения по рабочему вопросу,— одним словом, развил широко свою „зубатовскую" тактику. Но провокаторство Рума вылилось при этом провале с очевидностью (Зубатову стали известны факты, которые Орлов сообщал одному Руме, и т. п.). Толки об этом заставили Рума скрыться (после того, как он завязал сношения еще с некоторыми молодыми с.-демократами: кружком меньшого Батурина,—Николая и третьего Масленникова, Юрия, кружком Елагиных),—а Зубатова—забрать вновь старый кружок, в ноябре 1896 года. Кружок Батурина Николая и Юрия Масленникова поработал недолго. Батурин сошел с ума в тюрьме, а Юрий Масленников, очень искренний и преданный революционер, скрылся по выходе из тюрьмы, до ссылки, заграницу. Тамошнее рабочее движение (главным образом, бельгийское) и его медленный темп очень разочаровали его; он стал увлекаться критикой анархистов и их учением, но, очевидно, и оно не удовлетворило его, а эмигрантская жизнь тяготила, и он кончил самоубийством, бросившись с гор Юры. Заговорив об этом, добавлю уже, что и Кирпичников (по процессу 1895 года) сошел безнадежно с ума и заболел сильным нервным расстройством.

Родственник Алексея Ганшина Сергей,—техник, со средним образованием, заведывавший маленькой фабричкой на окраине Москвы, уцелел от провала 1895 года и оказывал потом большие услуги по завязыванью связей с рабочими. В 1905 году был убежденным большевиком. Осенью 1897 года был арестован с кружком Елагиных (Елагины Владимир и Андрей, Дм. Ульянов, Вольский, Павлов и др.). Это был по преимуществу студенческий кружок, только начавший работу по издательству и пропаганде.

С весны 1898 года начал работу по пропаганде и издательству, группировавшийся около Серебряковых кружок братьев Розановых, Николая и Владимира последний известный впоследствии меньшевик Мартын, сестер Карасевых, Ольги Гермогеновны Смидович, Анны Морицовны Лукашевич и др.

Летом 1897 года были завязаны непосредственные связи Москвы с группой Освоб. Труда в Швейцарии, а также с молодыми с.-д-тами в Берлине, образовавшими затем группу „Рабочее Дело". Корреспонденции из Москвы и провинций стали помещаться в изданиях обоих групп, стали правильно посылаться в московские листки и прокламации заграницу, и товарищи из группы „Рабочее Дело" приезжали в Москву и получали связи в провинции,—особенно в Московской области. Стала получаться в большом количестве и более регулярно литература из-за границы и распределяться из Москвы по провинциям. Вся эта работа велась с группой „Рабочее Дело". Группа „Освобождение Труда", представленная, главным образом, тремя ветеранами-основателями ее, не имела живых организаторских сил, до переезда заграницу летом, 1900 года Ленина, Мартова и Потресова, основавших газету и группу „Искра". Кроме сношений с заграницей и с провинцией, московские с.-д. были в постоянной связи с Лениным и до его ссылки, и в ссылке, и в эпоху „Искры". Он осведомлялся всегда обо всем выдающемся в рабочем движении Москвы.

Летом 1898 года состоялся первый всероссийский съезд, на котором была учреждена Рос. С. Д. Раб. Партия. Между прочим, манифест, выпущенный ею, был написан Струве,—тогда еще марксистом *). Теперь мало

*) По словам одного из участников съезда, ныне отошедшего от партии, первый съезд дал название партии *Российская Социал-демократическая партия*. На съезде были намечены только общие принципы манифеста, окончательная же его редакция была поручена Струве, как литератору. Струве, проживавший в Петербурге и не присутствовавший на съезде, прибавил к наименованию партии слово „рабочая". Эта вставка, надо думать, сознательная со Струве, уже в то время начавшего отходить от партии, термин „Социал-демократическая", растворяя авангард рабочего Класса—Социал-демократию во всем рабочем классе. Впоследствии

уже осталось в живых товарищей, представленных на этом первом, учредительном съезде. Но, хотя он и вызвал свирепые, массовые аресты по всей России чуть не полный разгром союзов отдельных городов и арест почти всех членов, он не прошел бесследно; идея объединения, заложенная на нем, пустила глубокие корни, и партия наша ведет с него свое начало.

Несмотря на все гонения, она все больше и больше укреплялась. На место выбывших товарищей притекали новые молодые силы, и чем дальше, тем больше в разных концах Москвы образовывалось новых кружков.

Зубатовщина повлияла на распыление движения Москвы, создав кустарничество. Боязнь провокаторства заставляла часто обособляться, и стремление к объединению натыкалось часто на кружки, которые, как кроты, залезали упорно в землю, отказываясь от идеи объединения. О многих кружках мы узнавали только после их провалов: некоторые маячили где-то неподалеку, но не поддавались выяснению и сближению; с некоторыми встречи происходили в рабочих низах, в том подполье, из которого подкапывалось здание самодержавия. Несомненно, это кустарничество было связано и с экономизмом, но, может быть, именно из-за него борьба между политическим и экономическим направлением не выразилась так ярко, как в Петербурге.

С осени 1898 года к движению примкнул приехавший из-за границы в том числе Луначарский. А. В. Луначарский стал ходить к рабочим (подробно об этом периоде — в воспоминаниях С. Н. Луначарской). В это время, кроме связи с рабочими-металлистами с фабрик Листа, Бромлей и др. были связи и с печатниками, которые таскали для нас шрифт. Стали налаживаться „свои“ типографии и листки стали появляться в печатном виде. Подготовлялся майский листок, написанный А. В. Луначарским, но в апреле 1899 года новый

по стопам Струве в эпоху раскола партии и первой революции по дорожке, впервые проложенной Струве, часто шли меньшевики. Стоит вспомнить хотя бы идеи *рабочего* съезда выдвинутого П. Аксельродом.

Н. Овсянников

Николай Леонидович МЕЩЕРЯКОВ.

Лев Львович НИКИФОРОВ.

Вера Михайловна
БОНЧ-БРУЕВИЧ (ВЕЛИЧКИНА).

провал изъял почти всех наиболее активных членов этой агитаторской группы. Провал этот произошел, несомненно, при участии провокаторши Серебряковой. Она же влияла со стороны на некоторых менее устойчивых членов, что следует лучше указать типографию, отдать шрифт, чтобы спасти людей! И, в конце-концов, несмотря на горячий протест части арестованных (Лукашевич), а также уцелевших на воле, каким-то путем одна из типографий, переведенная в провинцию, была найдена, и жандармам удалось округлить дела. Помог этому и провокатор-рабочий,— некий Афанасьев.

Постоянные провалы вызвали мысль о необходимости объединяющего работу центра из небольшого числа лиц, не входящих непосредственно в работу агитации и пропаганды и осенью 1898 года был образован Московский Комитет из трех лиц: П. В. Луначарского, М. Ф. Владимирского и А. И. Ульяновой, которые поделили между собой функции: сношения с Ц. К. партии, с заграницей, с другими городами, налаживание техники, объединение моск. кружков, поставку агитаторов и пропагандистов, и т. д. И хотя этот центр был довольно малосилен, хотя после некоторых провалов казалось, что это только иллюзия, что „курилка жив", но действительность показывала, что самый факт его существования имеет большое значение; преемственность не прерывалась: передавались связи, поддерживалось обещание с внешним миром, и с разных концов Москвы его искали, с ним стремились вступать в контакт, как небольшие группы, так и отдельные с.-д. рабочие и интеллигенты.

Среди этих, последовательно присоединявшихся к Моск. Ком. кружков, помню кружок Ив. Ив-ча Бочкарева, Немчиновой; среди отдельных лиц Марию Сергеевну Александрову, занимавшуюся с кружками студентов, Н. Андреева, Евгению Николаеву Адамович и др.

Вследствие постоянных провалов типографий в России, Моск. Ком. решил передавать свой незлободневный материал для напечатанья заграницу группе

„Раб. Дела". Таким образом, был заказан и первомайский листок 1900 года.

На этом беглые наброски уцелевшего в моей памяти прерываются.

Летом 1900 года я уехала заграницу, и моя непосредственная связь с рабочим движением города Москвы прекратилась.

А. Ульянова.

1898—1901 годы

(Воспоминания).

В 1898 г. осенью мы вернулись из-за границы в Москву, чтобы немедленно приступить к работе в партии. Последние годы оторванности от России мы провели в усиленном изучении марксизма, и возвращались в Россию убежденными социал-демократами. Летом состоялся с'езд, первый всероссийский съезд нашей партии, на котором был избран Ц. К. Мы получили от Аксельрода явку к тов. Анне Ильиничне Ульяновой, тесно связанной с центром. Сначала нам трудно было с нею связаться (как раз в это время ее не было в Москве), но, в конце-концов нам это удалось, и с этого времени мы непрерывно работали до марта 1901 года, когда были арестованы и высланы из Москвы.

Задача наша, прежде всего, заключалась в том, чтобы организовать Московский Комитет, стянуть разрозненные, работавшие в Москве, кружки и завязать связи на фабриках и заводах. Товарищам, работающим сейчас, чрезвычайно трудно представить себе работу крота, которая нам предстояла. Большие аресты последних лет (1896—97 г.г.), казалось, не оставили в Москве ничего живого. Правда, где-то глубоко, в подполье, зарылись отдельные работники, но обособившиеся, сторонящиеся организации, т. к. всякие попытки к организованности неминуемо кончались провалом. Рабочие, сторонящиеся интеллигентов, интеллигенты, тщетно ища связей с рабочей средой,

если и находят их, то только для того, чтобы после первых же шагов к сближению оказаться в цепких лапах охранного отделения. Вот атмосфера, в которой протекала наша работа этого времени.

Нечего было и думать, конечно, о центре, построенном на выборном начале. А центр был необходим. Ясно было, что пока не будет широко известно, что он существует, невозможно стянуть отдельные усилия, оформить их, придать им значение единого партийного строительства. Путем кооптации был создан первый Московский Комитет, сильно законспирированный, но все-же, несомненно, сыгравший организационную роль. В этот первый Московский Комитет вошли тов.: А. И. Ульянова, тов. М. Ф. Владимирский и т. П. В. Лупачарский, брат Анат. Васильевича.

Одновременно вокруг этого центра сорганизовалась группа активных работников, которая поставила себе целью разработку связей с рабочей средой, и постановку пропаганды и агитации.

В эту группу вошел тов. Анатолий Васильевич Луначарский, помню и еще несколько фамилий: т.т. Анна Морицовна Лукашевич, Надежда Ивановна Попова, Николай Нв. Гусев (статистик) и несколько других товарищей, фамилий которых я не припомню. У меня осталось впечатление, что эта часть работы была сопряжена с почти непреодолимыми трудностями. Едва, едва, что-то как-будто сладится, начнутся более или менее правильныя сношения с той или иной группой рабочих, как назрел провал, и опять путем долгого разыскивания старых концов, с величайшей затратой энергии, приходится все начинать сначала.

В чем тут было дело? Мы объясняли, обыкновенно наши неудачи внешним сыском и неконспиративностью товарищей. Удваивали, утраивали осторожность, но это не помогало. Теперь я не сомневаюсь, что дело было в провокации, без которой внешнему сыску едва-ли часто удавалась что-нибудь сделать.

Очень скоро по приезде нас свели с пользовавшейся популярностью в Московских с.-д. кругах дамой Анной

Егоровной Серебряковой, вокруг которой ютился кружок молодежи не только не считавший нужным от нее конспирировать, а, наоборот, бравший у нея уроки политической мудрости и конспиративных навыков. А. Е. Серебрякова, как известно была впоследствии, раскрыта Бурцевым, как злостная провокаторша. Правда, мы сторонились ея, но не потому, чтобы подозревали, а потому, что считали слишком словоохотливой и близкой, по краснокрестовской деятельности, к либеральным кругам, в которых любили поболтать о революционерах и пресмыкать за людей, хорошо осведомленных в их делах.

Работа стягиванья разрозненных ячеек, объединенных с нами общностью цели, привела все-же к тому, что в середине зимы собиралась довольно большая коллегия пропагандистов-агитаторов, для совместного выяснения, как вопросов теории, так и практики. Все это были товарищи, раньше работавшие в провинции, некоторые из них уже побывали в ссылке.

Все они придавали исключительное значение работе в массах и энергично добивались ее. К весне уже назревала возможность распространить по нескольким фабрикам и заводам (из заводов помню: Густав Лист, Бромлей, Гужон), первомайский листок. Листок был написан т. Анат. Вас. Луначарским, арестованным вместе с другими товарищами в апреле и высланным из Москвы. Наиболее активный член этой группы пропагандистов-агитаторов, неутомимая по кропотливой работе розыскиванья утраченных связей, Анна Морицовна Лукашевич, работавшая также по постановке типографии, на которой должен был быть отпечатан наш первый первомайский листок, — к сожалению, не избежала деловых отношений все с тою же провокаторшей. Типография налаживалась, ценою невероятных усилий был добыт шрифт (у нас были связи с типографией Кушнерева, куда как раз ходил А. В. Луначарский), казалось, первый этап пройден...

То обстоятельство, что при этом провале мы остались целы (помню в одну из перипетий с налажи

вающейся типографией, часть шрифта ночевала у нас) мы объяснили тем, что за нами не следят, т. к. непосредственных отношений с рабочими мы не имеем; теперь я склонна объяснять это обстоятельство методом охранки оставлять кого-нибудь на разводку.

После разгрома налаживавшагося дела с типографией, нам долго не удавалось приступить к организованной работе, и я решила на свой страх и риск постараться воспользоваться пречистенскими курсами, чтобы там найти новые, еще неиспользованные связи в рабочей среде. К занятиям, однако, приступить не удалось, т. к. меня не утвердили учительницей курсов.

Ясно было, что наша фамилия достаточно известна охранке, и что надо на время уехать из Москвы, дать о себе забыть.

Следующий период деятельности Московского Комитета характеризуется по моим воспоминаниям, как период оживленных сношений с заграницей. Приезжавшие из за границы товарищи розыскали явку Московского Комитета, а иногда, вопреки всяким правилам конспирации, просто шли к нам, чтобы ввести Московский Комитет в курс вопросов, которыми жила партия. Рабочедельцы присылали своих агентов, Плехановцы своих. Между ними назревал конфликт, в который втягивался и М. К. Он должен был определить свое отношение к борьбе между „экономистами" и „политиками". Помню, сколько красноречия было затрачено старшей Маховец в описании злодейств Плеханова... Оторванному от массы центру не легко было самоопределиться; все же хочется отметить, что „Московский Комитет" всегда сохранял „политическую" окраску и не склонялся в сторону экономизма. Связи на фабриках и заводах у М. К. в это время попрежнему носили случайный характер, но о существовании его знали и быть может, в этом было главное его значение. Разрозненные попытки связаться с массой какими-то путями все-таки стягивались к этому центру, и, таким образом, некоторое организующее влияние за ним сохранялось.

В декабре 1900 года за границей вышел „первый

номер „Искры", и это событие огромной важности в жизни партии не могло, конечно, не отразиться и на Московской организации. „Искра" сыграла роль лесов, по которым медленно, но верно, камень за камнем, звено за звеном совершалась сложная работа партийного строительства. Агенты „Искры" приезжали в Москву, привозили литературу и директивы, передавали новые связи в Москве и провинции. Удовлетворялась назревшая потребность находить новые пути, выйти из тупика старых методов к новым. Центр, пополнявшийся путем все той же кооптации, расширился значительно, но о представительстве районов все еще, конечно, нельзя было и мечтать. Некоторые имена работавших тогда в Москве товарищей я помню: Андреев, Николай Владимирович, арестованный вместе с нами и по выходе из тюрьмы покончивший самоубийством в Саратове; его жена, Елизавета Ивановна Андреева; Гусев Александр, тоже покойный, арестованный вместе с нами, группа только что вернувшихся из Цюриха студентов: т.т. Исакович, Шрейдер, Немчинова, наконец, Дмитриева — учительница Пречистенских курсов, у которой были большие связи с рабочими, несовсем, как впоследствии оказалось, верные, так как среди них оказался зубатовец, Афанасьев, который, повидимому, и устроил наш провал.

В феврале 1901 года вспыхнуло сильное студенческое движение по всей России. В Москве студенты вышли на улицу с политическими лозунгами: их разогнали казаки, часть была арестована в манеже. Освобождать студентов пришла толпа рабочих, которая, разгоняемая полицией, устроила баррикады на Тверском бульваре и разбила стекла в градоначальстве.

Одновременно Московский Комитет призывает рабочих под знамена Р. С.-Д. Р. П., выпускает листок, размноженный кустарным способом, готовит знамена... Никогда не забуду того под'ема, которым сопровождались приготовления к этому, неудавшемуся выступлению. Все было готово: знамена розданы, намечен день, час и сборный пункт...

В ночь накануне этого дня (1 ое марта 1901 г.)

мы все были арестованы. Одновременно провалился материал готового к выпуску журнала, который, за неимением типографии, мы решили отпечатать... на мимиографе *).

С. Смидович-Луначарская.

---

*) По материалам московской охранки среди арестованных по одному с нами делу числится моя дочь Татьяна Платоновна Луначарская. Этой „политической арестованной" было в то время ровно пять лет от роду и, тем не менее, ее не сочли возможным оставить на свободе, не смотря на мое желание отправить ее к родственникам, жившим на одной с нами улице. Она просидела со мной в камере пять дней, причем охранное отделение пыталось взять нас вместе на допрос, а перед тем, чтобы сдать ее приехавшему за нею моему отцу, ее подвергли личному обыску.

Былое...

1893 и 95 г. г.

В истории московского рабочего движения может быть ярче, чем где-либо, подтверждается истина исторического империализма, образно формулированного Гегелем: сова Минервы вылетает только ночью, т.-е. философское обоснование исторических явлений наступает тогда, когда практика жизни подготовит достаточно фактического материала.

В Москве в 90-х годах рабочее движение было уже настолько интенсивно, что существовал целый ряд рабочих кружков. Позднее они объединялись в организацию. Гораздо чаще они существовали изолированно, велись на свой страх и риск, „кустарно", как сказали бы мы теперь. Я говорю, конечно, о социал-демократических кружках, а не народовольческих. В качестве руководителей таких рабочих кружков вспоминаю Куманина, Машина, Громана и др. По делу одного из таких кружков в 1895 году был привлечен и я.

Кружки эти носили, главным образом, пропагандистский характер. Но наше марксистское вооружение было тогда довольно слабо. Когда Михайловский в 1893 году начал в „Русском Богатстве" свою знаменитую кампанию против марксистов, позиция наша оказалась очень чувствительно обстреливаемой. Мы владели лишь заграничными изданиями (главным образом, „Нашими разногласиями" Плеханова, популярным изложением Гэда, капиталом Маркса и др.), но эти издания проникали в Россию, разумеется, в качестве величайшей редкости, а кроме того не давали прямых ответов на те конкретные вопросы, которые выдви-

гала русская действительность (напр., вопрос о капитализации и пролетаризации в России и о вытекающих отсюда политических задачах). И только, когда появилось гектографированная брошюра тов. Ленина: „Кто такие друзья народа и как они борются с с.-д.?", направленная против народников, снабженная ярким статистическим материалом, она была для нас настоящим евангелием. Мы перепечатывали ее на гектографе, несмотря на ее сравнительную величину, целыми ночами, запрятывали в самые недоступные для жандармов места на случай обысков, изучили ее почти наизусть.

Надо сказать, что в студенческих кружках, откуда тогда черпались с.-д. пропагандисты, мы подвергались очень чувствительной атаке со стороны наших идейных противников. Среди них были и либералы (Гольцев, редактор „Русской Мысли"), радикалы (Милюков, тогда очень популярный приват-доцент), народоправцы (кратковременно существовавшая буржуазная революционная партия, представлявшая собою линейных социалистического элемента народовольцев) с В. Черновым во главе. И в наших дискуссиях победа невсегда доставалась нам.

Но незаменимое идейное подкрепление мы получили в 1894 году от книги Бельтова („К вопросу о развитии монистического взгляда на историю") первой книги, которая нелегальные вопросы русского рабочего движения рассматривала легально. Впечатление от нее было колоссальное. Марксистские кружки самообразования и социалдемократические рабочие кружки стали возникать, как грибы после дождя. Борьба марксистов с народниками поднялась до небывалого ожесточения и напряжения.

Идейным центром, где тогда формировались различные течения, являлся так называемый студенческий Союзный Совет,—представительный орган всех территориальных объединений студентов, „Землячеств", чрезвычайно конспиративно объединивший в себе весь цвет тогдашнего революционного студенчества. Союзный Совет играл в то время громаднейшую роль, да-

леко выходившую из рамок чисто студенческих дел. Можно было бы указать длиннейший ряд видных лидеров различных политических партий, вышедших из рядов Союзного Совета того периода. Укажу лишь для примера социал-демократа Руднева (Базарова), Громана; из либералов — Б. Сыромятникова, Дживелегова, социалиста-революционера Чернова и др.

Мы, марксисты, требовали от Союзного Совета решительного служения рабочему движению: участия в социалдемократической пропаганде и агитации, в социалдемократическом издательстве, подготовке пропагандистов и т. д. Народники и либералы этому решительно противились. В дальнейшей борьбе за „обладание“ аппаратом Союзного Совета и в дальнейшем развитии рабочего движения мне не суждено было принять участие, так как в 1895 году я был арестован, а затем надолго изъят из московского обращения.

Н. Семашко.

На заре юности.

Осенью 1898 года поезд мчал меня из Харькова в Москву. Колеса вагонов мерно стучали, и под звуки этого мерного стука в груди моей раздавались отчетливо и ясно другие звуки — звуки Интернационал. Все ближе загадочная столица, и нет усталости от долгого пути.

Я только что окончил курс Харьковского ветеринарного института. Закончились годы студенчества, годы исканий самоопределения. Подведена черта под целой полосой жизни. Поезд мчал меня не просто в Москву, но в новую открытую жизнь. По-боку специальность, по-боку заботу о личном благополучии и да здравствует самое светлое, самое радостное и большое — участие в рабочем движении! Я марксист, социалдемократ—но еще не член партии. Стать таковым тогда значило очень много. Партия наша была святая святых, войти куда можно и должно было только после ряда испытаний—через тюрьму, ссылку. Тем лучше! Пусть впереди будет и то, и другое,— лишь бы связать навсегда свою судьбу с судьбами самого дорогого в жизни дела.

Такие мысли роем толпились в голове... Я стоял у открытого окна вагона. Как теперь помню теплый, ясный осенний вечер, когда, наконец, увидал я вдали неясные очертания громадного города. вон она Москва! Скорее мчись, поезд.

Вот, наконец, и Курский вокзал, и я, захватив свой легкий багаж, затерялся в громадной толпе, хлынувшей из вагонов...

Устроившись в Москве по части заработка, начал искать работы для души... И странно сказать,—долго не мог достучаться в затворенную дверь. Говорю

странно, так как в те времена, когда все партийные организации, в особенности все комитеты, строились почти исключительно из интеллигенции (рабочие насчитывались в них единицами), харьковские с.-д. интеллигентские круги, отлично знавшие меня, были тесно связаны с московскими... Лишь весной 1899 г. достучался... Приехал из Харькова один из моих знакомых по студенчеству — доктор Н. И. Иванов — с.-д. — и предложил мне и еще двум моим приятелям-коллегам, так же, как и я, перекочевавшим из Харькова в Москву, связать нас с московской группой социал-демократов.

Помню, — это было в теплую весеннюю ночь... Мы вчетвером бродили по московским бульварам, — пели, шумели и вели этот серьезный, решающий наши мечты разговор о будущей работе...

Но скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. И особенно это верно по отношению к московской партийной работе того времени. Уехал доктор Иванов, исполнив свое обещание связать нас. Казалось бы, чего ждать? Все наше студенческое прошлое было на виду, наша политическая благонадежность была вне сомнений, наши убеждения были известны — оставалось пустить нас в работу, тем более, что я, например, уже имел в Харькове несколько месяцев опыта, хотя кустарной, но все же социал-демократической работы.

Организация, с которой нас связали, смотрела на вещи иначе, что выяснилось для нас не сразу. Прежде всего, как оказалось, мы все должны были выдержать нечто вроде экзамена на аттестат зрелости по части наших теоретических познаний. И вот, инженер Ш-т, член этой организации, все лето вплоть до осени выполнял роль нашего экзаменатора. Как теперь помню, раз в неделю, кажется, по субботам, мы все четверо сходились в заранее условленном месте и отправлялись на лоно природы — то в Сокольники, то в Петровско-Разумовское и там, сидя на скамье или прямо лежа где-нибудь под деревом, вели бесконечные прения на темы о прочитанном за неделю.

Помню — особенно много внимания уделено было нами книге Булгакова о рынках. Роль тов. Ш-та не была ролью пропагандиста и, если не ошибаюсь, к этому сводились все его партийные обязанности. Что же касается этих обязательных поездок за город, то этого требовала конспирация того времени. Лишь в черезчур плохую погоду собирались мы у кого-либо из нас на квартире, вернее, в одной из снимаемых нами комнат. Но даже и для тех трудных времен все же эти поездки были излишней предосторожностью. Ведь собиралось всего четверо еще ничем „незапачканных" людей и разговоры наши долгое время почти никогда не выходили за пределы теории.

...Много внимания уделили мы и знаменитой брошюре Бернштейна, где он проповедует о том, что „Конечная цель ничто—движение все". Эта брошюра появилась в рукописном переводе на русском языке, как раз в это лето и ходила по рукам московской интеллигенции. Помню, как мы с юношеским энтузиазмом восстали всей душой против этого мещанского взгляда, против этого опошления и извращения теории Маркса...

За это лето, благодаря усиленным занятиям, наши познания значительно расширились, наша мысль постепенно укладывалась в партийные рамки.

...Но дверь, в которую мы стучались, дверь туда — к рабочим, столь просто открывавшаяся в провинции—в Харькове, например,—все еще была наглухо для нас закрыта. Из всей московской организации, с которой мы имели связь через тов. инженера Ш-та, долгое время мы знали только его одного...

К концу лета двое из нас, в том числе и пишущий эти строки, выдержали, наконец, экзамен, о чем нам и объявил тов. Ш-т. Третий наш тов Б-в, несмотря на всю его привязанность к революции (что он впоследствии и доказал на деле, хотя и стал с 1903 г. упорным меньшевиком) провалился по части теории и потому организация отказалась от дальнейших с ним сношений.

Мы двое, успешно выдержавшие искус, стали с

нетерпением ждать, — когда же приступим к работе. Но тов. Ш-т все кормил нас завтраками, обещаниями, что вот все скоро наладится и тогда мы, наконец, подойдем вплотную к живому делу.

По окончании искуса тов. Ш-т стал посвящать нас в практические планы работы. И сразу нам стало ясно, что над всей этой работой висит какой-то злой рок. Еще не приступая ни к одному практическому шагу, мы под его руководством разрешали вопрос о преемственности работы, что означало тогда, — как построить дело так, чтобы после провала работа шла в прежнем направлении. Тогда это разрешалось тем, что в центре должен быть оставлен резерв, незапачканный в смысле сыска со стороны охранки...

С начала осени 1899 года наша организация начала, очевидно, шевелиться. Г. Ш—т передал, что уже сделаны первые попытки связаться с рабочими. Налаживалось и дело с доставкой нелегальной литературы, и как раз по этому делу я получил первое партийное поручение. Организация ожидала получения транспорта литературы по Брестской ж. дороге, и было необходимо предварительно выяснить условия получения багажа на Брестском вокзале. Для этого я был командирован с чемоданом, в который для весу вложил несколько пар своего белья, верст за сто по Брест. ж. дор. Оттуда я поехал обратно с следующим поездом, сдав свой чемодан в багаж до Москвы с тем, чтобы затем через несколько дней поехать получить его. По возвращении в Москву я должен был получить распоряжение,—когда поехать за этим чемоданом, но почему то этого распоряжения не последовало, а я сам так и не собрался поехать получить его—и чемодан мой с бельем так и остался навсегда невостребованным... Так мы конспирировали... А между тем... Но лучше сразу перейду к рассказу о втором партийном поручении, полученном мной от нашей организации и оказавшемся для меня роковым. Согласно этому поручению я должен был посетить по одному конспиративному делу одного из видных членов нашей организации некоего Руднева. Это бы исправительно

уже пожилой человек, лет за 30, известный земский статистик. Я знал его еще по г. Орлу, и потому мог отправиться к нему без всякого пароля. Как начинающий еще партийную работу во время свидания со столь важной партийной особой я испытывал чувство невольного уважения и почтения. Судьбе было угодно жестоко посмеяться над этими моими чувствами и надо мной самим: Руднев вскоре оказался жалким предателем. Будучи арестован одним из первых, он, после очень краткого пребывания в Таганке, выдал не только весь центр — Ив. Ив. Скворцова, Льва Львовича Никифорова и других, но и всех, имевших касательство к этому центру, в том числе и меня... Так создалось дело московской группы 18-ти с.-д.

Как сейчас помню позорные листы бумаги, исписанные его рукой, — рукой предателя. Жандармы давали их мне читать на допросе после моего ареста для того, чтобы я прочел и то место, где Руднев описывает подробно мой визит к нему, и убедился, что им все известно из самого достоверного источника. Позорные строки его обширного доклада начинались с того, что в своей жизни, он, убежденный сторонник мирного культурного развития, не раз становился на ложный путь, — путь революционный, но каждый раз во-время отходил от этого пути. На этот раз он снова ошибся и зашел слишком далеко, и кается в том, что своим примером он вовлек на этот ложный путь других. Дальше он рассказывает не только то, что ему было известно, но и то, о чем только мог догадываться. Так, напр., говоря об ожидавшемся по Брестской ж. д. транспорте литературы, он высказывал предположение, что это, вероятно, была не литература, а типографский шрифт, так как транспорт был слишком велик по весу.

Жутко было читать эти строки, но и оторваться от них нельзя было. Они притягивали к себе. Хотелось убедиться, что все это ложь, проделка жандармов. Многое из этого доноса мне было неизвестно, но когда я прочел то место, где описывался мой визит к нему,—Рудневу, и содержание нашего с ним

разговора, во время которого мы были с ним с глазу на глаз—мои сомнения исчезли. Все это было писано им! Тут жандарм прервал меня и ехидно спросил:— „разве похоже это на то, что все это написано под нашу диктовку?“...

Вот она и преемственность московской работы! Как она могла быть установлена, когда предательство сидело в центре!...

Всех переарестовали быстро. Моему первому пребыванию в Москве было всего год с небольшим, не считая Таганки, откуда был я выпущен под надзор полиции в Харьков. Уже живя вновь здесь, я узнал, что такова судьба Москвы — быть царством вечных провалов. Узнал, что за время существования нашей группы, были там и другие группы, но что все они действовали вразброд, боясь войти в сношения друг с другом. Однако, все они проваливались, каждая на свой собственный манер. У нас оказался предатель в центре, у других они ютились по другим местам. Так, напр., тов. Б—в, несдавший „экзамена“, после разрыва с нами решил самостоятельно искать путей... в Таганку. И очень быстро нашел. Он завел какие-то таинственные связи с рабочими через одного загадочного субъекта, в квартиру которого он входил после условного стука в дверь и после условного ответа на этот стук. И этот субъект и засадил тов. Б—ва и всю его группу в тюрьму.

Так в Москве того периода все пути вели быстро в Таганку. Это время было временем царства знаменитого охранника Зубатова, о роли которого во всех этих провалах немало уже писалось в русской революционной литературе.

Вл. Бобровский.

Зубатовщина.

В истории русского рабочего движения, вообще, и московского, в частности, большую и своеобразную роль сыграла, так называемая „зубатовщина".

Зубатов был одним из самых талантливых охранников царского самодержавия.

Начав свою охранную карьеру в средине 80 х гг., втираясь в студенческие кружки и затем проваливая их, он вскоре перешел на работу в Московское охранное отделение, и в средине 90-х гг. сделался начальником его.

Увидев, какой большой успех среди рабочих имела пропаганда и агитация, начатая московскими марксистами в 1893—1895 гг., он понял, что растущее рабочее движение является серьезной угрозой самодержавию.

„Рабочий класс—коллектив такой мощности, каким, в качестве боевого средства, революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в моменты массовых студенческих выступлений,—писал Зубатов („Былое", 1917 г., № 4).

Так, верно оценивая силу рабочего класса, он понял, что путем голых репрессий невозможно справиться с растущим рабочим движением, а надо постараться примирить рабочий класс с самодержавием, путем удовлетворения его мелких экономических нужд и разрешения его чисто экономических организаций под бдительным полицейским надзором. Этим он надеялся вырвать почву для политической агитации у революционеров и легко справиться с ними.

„Едва-ли подлежит сомнению,—писал он,—что экономика для рабочего человека гораздо существеннее

всяких „основ“ (политики). Удовлетворите их потребности в этом отношении, и они не только не пойдут в политику, но выдадут вам всех интеллигентов поголовно“; „революционеры без массы—генералы без армии“ (Из писем Зубатова к Мане Вильбушевич).

Став на такую точку зрения, наш „просвещенный“ охранник и начал свою работу.

В 1896 г. летом, произведя большие аресты среди московских соц.-демократов, он на допросах начал проводить свою тактику.

Вообще, надо сказать, что его допросы носили своеобразный характер: Зубатов вел беседы на самые различные темы в непринужденном тоне и увлекал искренней беседой собеседников. Многим арестованным казалось, что это просто столкновение двух мировоззрений, и они, излагая свою точку зрения, тем самым выдавали часто все, что касалось их личной и революционной деятельности.

Он давал арестованным читать книги, газеты и журналы; особенно рекомендовал он книги Бернштейна, горячим поклонником которого он являлся; отпускал иногда арестованных под честное слово в город; освобождаемым предлагал взаймы денег на расходы, заводил с ними дружескую переписку и т. д. В своих беседах он обещал арестованным легализацию рабочего движения под условием отказа от политики.

Рабочих при допросах он всегда старался восстановить против интеллигентов, говоря, что они пользуются рабочими только, как орудием для достижения собственных целей, совершенно чуждых рабочему классу, который, только при поддержке надклассового самодержавия, может прочно улучшить свое экономическое положение. Он с торжеством читал рабочим откровенные признания некоторых раскаявшихся или „запутавшихся“ интеллигентов, и тем сеял среди рабочих недоверие к интеллигенции.

И надо сказать, что многие, недостаточно стойкие и убежденные, арестованные шли на удочку Зубатова: одни искренно уверовали, что под полицейско-охранной опекой—можно организовать рабочее движение

на почве борьбы за „экономические свободы", другие, испугавшись репрессий и соблазненные „30 серебряниками", становились обыкновенными предателями и провокаторами.

Итак, Зубатов начал „работать" в Москве.

Продержав в 1896 г. несколько недель арестованных членов московского рабочего союза и заручившись среди них „добрыми друзьями" (Рума и, повидимому, некоторыми другими), Зубатов их вскоре всех выпустил (история эта темная, ждущая еще своих исследователей).

С этого времени и начинает приносить свои плоды новая зубатовская тактика в Москве, приводящая, с одной стороны, к постоянным провалам революционных организаций, а с другой—попытками организовать рабочих под опекой охранки.

Вскоре же Зубатов начинает распространять свою работу и на другия местности России и, прежде всего, на Западный край, на район деятельности Бунда.

Надо сказать, что тамошняя жандармерия, прозевала организацию еврейских рабочих, возникшую с начала 90-х гг. и к этому времени глубоко пустившую корни в еврейскую рабочую массу. Бунд (союз еврейских рабочих) имел в это время разветвления во всех городах и местечках с еврейским рабочим населением; выпускал массу прокламаций и регулярно издавал свою нелегальную газету.

Зубатов взял на себя „ликвидацию" этой организации. Воспользовавшись первым съездом в Минске Российской соц.-дем. раб. партии в 1898 г., о котором он узнал через своих московских „друзей", он командирует вслед за московскими делегатами на этот съезд самых опытных филеров, и с помощью внутреннего и внешнего осведомления производит массовые аресты в районе Бунда. Арестованных привозят в Москву, и здесь Зубатов ведет с ними свои хитрые, вкрадчивые беседы. Несколько второстепенных работников Бунда идут на его удочку и становятся его агентами. (Т. Вильбушевич, Шаевич, Волин и др.).

С их помощью Зубатов организует в Минске в

конце 1899 г. „независимую еврейскую рабочую партию".

В Минске среди всеобщего бесправия „независимцы" стали пользоваться всеми свободами: они устраивали массовые собрания—общие и профессиональные, в самых обширных залах г. Минска, вели агитацию за профессиональные нужды, организовывали и проводили стачки, при чем, пользовались прямой поддержкой жандармского полковника Васильева, который оказывал давление на хозяев, вынуждал их делать уступки рабочим. В результате—в Минске разыгралось большое стачечное движение.

Эта тактика имела сначала некоторый успех. Зубатов хвалился, что из союза щетинщиков из 800 членов—600 ушло к „независимцам".

Но этот успех был непрочен: Бунд начал энергичную кампанию против „независимцев", предостерегая рабочих от полицейской ловушки.

Эта агитация Бунда вскоре увенчалась успехом, особенно в связи с неудачами „независимцев" в их работе. Дело в том, что против Васильева минская буржуазия нажала все кнопки, и его жандармское рабочелюбие было „сокращено": уступки рабочим хозяева взяли назад, рабочие клубы и артели перестали утверждаться администрацией. Рабочие поняли, что они обмануты, и влияние „независимцев" в Минске и вообще в северо-западном крае пошло на убыль. Рабочие еще теснее сомкнулись вокруг своих нелегальных организаций.

Между тем, в Москве Зубатов продолжал и развивал свою тактику. В 1901 г. московская администрация утвердила устав „Совета рабочих механического производства", а затем—и „Совета ткачей". На устав этих обществ, полиция, конечно, наложила свою яркую печать. В эти советы члены общества выбирали лишь кандидатов, из которых полиция назначила членов совета; не могли быть членами общества поднадзорные; пособий лишались также лица, подвергавшиеся административным наказаниям. Эти советы должны были намечать желательные для рабочих изменения в рас-

ценках, таксах, распределении рабочего времени и вообще—в правилах внутреннего фабричного распорядка.

Во главе советов стояли убежденные рабочие—зубатовцы (Слепов, Афанасьев, Жилкин, Красовский, Янченков и др.). Вскоре советы стали играть большую роль в московском рабочем движении; они вмешивались в конфликты рабочих с фабрикантами, вынуждали у них уступки рабочим, пользуясь давлением полиции на фабрикантов, а когда фабрикант Гужон выгнал из своей фабрики членов совета, то был как французский подданный, приговорен к высылке из России, и только могущественное заступничество капиталистических организаций пред высшей администрацией спасло его от этого. Был организован в Москве ряд стачек, пользовавшихся полицейской поддержкой и даже субсидиями из охранки.

С целью отвлечь рабочих от политики и привить им свои взгляды на нее, Зубатов организовал в московских народных домах беседы и лекции для рабочих, привлекая к ведению их благонамеренных профессоров (Озеров, Ден и др.), а также и попов. Рабочих, выступавших на этих беседах с критикой зубатовщины, арестовывали и высылали из Москвы.

Вообще в это время нелегальные организации в Москве были слабы и не имели глубоких корней среди рабочих.

Апогеем этого движения была манифестанция 50-ти тысяч московских рабочих 19 февраля 1902 г. с возложением венка на памятник Александра II.

Как отражалась вся эта тактика в умах серых рабочих, показывает история с рабочим-зубатовцем Янченковым, который при аресте заявил: „рабочие об отводе им помещений для собраний не станут спрашивать разрешения, ни в конторе, ни у хозяев, ни у станового пристава, а сами выберут подходящее место и будут там собираться. Прошло время, когда были рабовладельцы и рабы, и когда рабы уподоблялись пчелам и кормили своих господ „задарма“: теперь и рабы будут жить, как „господа“.

„А некоторые фабричные хулиганы, как пишет

чиновник Морской в своей книге о Зубатовщине, открыто проповедывали, что скоро, мол хозяев скрутят в веревочку, и тогда надо будет посмотреть, как они станут выколачивать с рабочих дивиденды, а потом и фабрики у хозяев отберут в казну,—„чтобы народу тесноты не было, а была воля во всем".

Но царское самодержавие изменило бы своей классовой сущности, если бы оно далеко пошло по этому пути.

Против опытов Зубатова был двинут весь аппарат классовых московских капиталистических организаций и ведомства, наиболее тонко отражавшего их интересы—министерства финансов, которое все время вело борьбу против Зубатова, и добилось, наконец, в августе 1902 года перевода его из Москвы.

После его отъезда из Москвы, его организации стали хиреть, экономические завоевания рабочих брались назад, агитаторы стали высылаться из Москвы. Рабочие увидели себя и здесь обманутыми, загнанными в ловушку.

„Эти факты революционизировали умы более, чем сотни агитаторов, взятых вместе,—пишет проф. Озеров—я никак не думал,—продолжает он,—что правительственная власть будет столь близорука, чтобы допустить такой опыт. Но по пословице: „Бог лишает разума того, кого хочет погубить".

Но Зубатов, переведенный в Петербург, не оставил своей политики и поддерживал организации своего излюбленного типа в других городах. Особенно громкую известность получила деятельность одесской организации „независимцев", руководимой Шаевичем и Червонецким. Они организовали ряд стачек в Одессе, которые в июле 1903 года перешли в всеобщую забастовку. Стачка вышла из под влияния независимцев, сопровождалась грандиозными митингами и речами соц.-демократов с лозунгами: „долой самодержавие". Начавшись в Одессе, забастовка охватила и другие южные города: Екатеринослав, Киев, Елизаветград, Николаев, Баку, Тифлис, Батум и везде носила яркую политическую окраску.

Эта грандиозная забастовка не на шутку напугала правительство: оно почувствовало, что обожглось на своей игре с рабочим классом. Шаевич арестуется и ссылается в Сибирь; сам Зубатов получает отставку и приказ покинуть столицу. Зубатов больше уже не возвратился к службе, жил в отставке во Владимире. Он не мог пережить победы революции и кончил жизнь самоубийством в самом начале ее.

Еще при Зубатове начались в Петербурге попытки организации рабочих его учеником,—попом Гапоном но не получили значительного развития вследствие противодействия мин. финансов Витте. С его уходом, мин. вн. дел Плеве утвердил „устав собрания русских рабочих г. Петербурга".

Во главе этого „собрания" стал поп Гапон за сто серебренников в месяц, получаемых из охранки, и начал свою работу среди петербургских рабочих с целью отвлечь их от политики, „внушить им русское, национальное самосознание и способствовать законному улучшению условий труда и жизни русских рабочих". Развертывающееся рабочее движение в своем бурном течении увлекло и использовало в интересах революции Гапона, его организации и руководимое им шествие ко дворцу 9-го января 1905 г.

После этого все подобные затеи (зубатовщина, гвоздевщина) не пускают уже сколько-нибудь глубоких корней в рабочей среде и не могут совлечь рабочее движение с его прямого пути—борьбы за полное политическое и экономическое освобождение рабочего класса,—за социализм.

С. Мицкевич.

Из воспоминаний.

Летом 1904 года по предложению т. Землячки, бывшей тогда членом Ц. К. нашей партии, я переехал из Нижнего Новгорода в Москву для участия в возобновлении Московской партийной организации. Она переживала тогда период распада: большинство ответственных работников были либо арестованы вместе с тов. Бауманом, либо были вынуждены скрываться.

Дня через два после приезда в Москву я поехал за город, в Ростокинскую больницу, где в квартире одного из врачей состоялось свидание с единственным товарищем из комитета, оставшимся еще в Москве. От него я получил длинный список зашифрованных адресов и паролей к товарищам из районов и фабрик. Кроме этого списка, в центре уцелел лишь небольшой кружок пропагандистов, преимущественно из студентов с тов. Генкиным (он же „Брагин") во главе.

Вместе с несколькими товарищами из этого кружка мы приступили к „собиранию" московской организации и восстановлению связей с фабриками и районами. Кроме общей организационной работы, на мою долю выпало восстановление организации в Сокольническом районе, главным образом, в железнодорожных мастерских. Из данных мне адресов многие оказались провалеными, и только по одному из них в крохотной комнатке, в доме против Ярославских мастерских, я нашел товарища-железнодорожника, с которым быстро условился об организации на первое время небольшой ячейки для распространения партийной литературы. То же самое сделали мои товарищи в других районах. На протяжении нескольких недель нам удалось нала-

лить связи в большинстве районов, получить литературу и организовать ее распространение. Наряду с этим была организована центральная коллегия пропагандистов,—человек семь или девять,—и выработана программа пропагандистских занятий, главными темами которой были: классовое строение русского общества, японская война, рабочий класс и либерализм, неизбежность революционного переворота. Аналогичные группы были организованы затем и по районам

К этому времени стали съезжаться для работы в Москву т.т. из за границы и из других городов России... Среди приехавших были т.т. Филиппи, Редкозубов (Николай), т. Борисов и другие.

В процессе организованной работы наша партия столкнулась тогда с целым рядом стоявших вне партии небольших групп и кружков, которые разделяли программу партии, но совершенно независимо, по-кустарнически, вели организационную и пропагандистскую работу в рабочей среде. В Москве наиболее крупными из них была организация, во главе с тов. Финиковым, имевшая связи, главным образом, в Рогожском районе, и литературная группа, во главе с товарищами А. А. Богдановым, Станиславом Вольским и другими, издававшая небольшую нелегальную газету. Включив их в состав общей организации комитета, мы достигли единства в руководстве деятельностью всех партийных и марксистских элементов Москвы.

Революционное движение масс нарастало тогда с гигантской быстротой. Непрерывные поражения царских войск в японской войне и явная бессмысленность всей дальневосточной авантюры обостряли оппозицию буржуазно-интеллигентских кругов самодержавию и создавали атмосферу сочувствия вокруг нашей партии, даже среди людей, совершенно чуждых рабочему классу по своему положению. Оппозиционность буржуазии выражалась в вынесении туманно-трусливых резолюций, на земских и городских собраниях об участии земств и городов в управлении страной и попытках устройства банкетов. Меньшевики выдвинули тогда программу контакта рабочего и бур-

жуазного движения и создали особый план участия организованных рабочих в земской кампании либералов. Эта программа действий была развита меньшевиком Аксельродом в „Искре". Он рекомендовал направлять рабочее движение по руслу земских и городских собраний, посылая туда делегации рабочих для оглашения деклараций и резолюций.

9-е января 1905 года в Петрограде и отзвуки этого движения в Москве, с очевидностью доказали, что революционное движение с фабрик и заводов идет не в земские собрания, а на улицы и баррикады.

При первом же известии о 9-м января Московский Комитет выпустил воззвание с призывом к массовой стачке. Наряду с главной типографией в центре, были организованы небольшие группы товарищей по районам для печатания летучек на гектографах и мимеографах. Помню, как при посещении в эти дни районного штаба в Сокольниках представители заводов заставили меня написать листовку об экономической и политической борьбе рабочих; тут же принялись печатать ее, чтобы разнести по заводам.

На наш призыв к стачке откликнулось большинство заводов Москвы. Но движение не ограничилось стачкой: местами были столкновения с полицией; в Замоскворечье же рабочие повалили столбы и построили первую рабочую баррикаду.

Стремление связать рабочее и буржуазное движение в одном русле исходило не только от меньшевиков,—попытки к этому делались и либералами.

Незадолго до 9-го января московские либералы стали готовиться к Татьянину дню и решили использовать его для политического банкета, и привлечь к участию в нем представителей рабочих. По поручению товарищей я, вместе с т. Редкозубовым, пошел на частную квартиру одного из московских профессоров, где происходило под председательством Кизеветтера собрание для организации этого банкета

Кизеветтер от имени собрания предложил нам принять участие в банкете, с тем условием, чтобы заранее были заявлены не только фамилии ораторов, но

и подробные конспекты их речей, причем комитет банкета не должен допускать лозунгов, расходящихся с его платформой. Мое предложение признать за московскими рабочими право изложить на банкете свою программу и свои взгляды, даже и в том случае, когда они расходятся со взглядами профессоров Московского университета, было отклонено. На этом мы расстались.

Через несколько дней события 9-го января поставили друг против друга, лицом к лицу, рабочие массы и царизм, и началась ожесточенная борьба рабочих за революцию, борьба, которая ведется и теперь на фронтах Сибири и Урала.

Рыков.

Из прошлого Московской Окружной Организации.

Московскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. пришлось руководить социалистической работой не только в Москве, но и в окружающих ее рабочих районах. Первоначально эта работа в округе велась совершенно случайно, от случая к случаю. Какой-либо участник партийного строительства, рабочий полицией высылался из Москвы и попадал в Иваново-Вознесенск или Орехово. Он привозил с собой литературу, вокруг него постепенно складывался небольшой кружок, заводились партийные связи. С другой стороны, ближайшие к Москве заводы приходилось обслуживать непосредственно из Москвы, как, например Мытищи, Щелково и др.

По мере усиления и развития революционного движения перед Московским Комитетом встал вопрос об оформлении организации. Первоначально был выделен особый окружной район Московского Комитета, в который вошла вся Московская губерния. Но вскоре же непрерывный рост организации и огромное количество работы, выпавшее на долю ее участников потребовали полного ее выделения и самостоятельности. В начале 1905 года был создан Московский Окружной Комитет. Первоначально в район его деятельности входили Московская губ., Орехово-Зуево, Александров, Иваново-Вознесенск, Егорьевск и Гусь-Хрустальный. Впрочем, Иваново-Вознесенская организация очень скоро получила права самостоятельного комитета.

Организация распадалась на следующие районы: Ореховский, Богородский, Коломенский, Серпухово-Подольский, Трехдорожный, Александровский и Подмосковный. В 1905—6 годах самыми сильными и

передовыми районами были Коломенский, Богородский и Ореховский. В последнем даже в годы жесточайшей реакции и войны не прерывалась нелегальная работа. Февральская революция застала там в целости жизнедеятельную партийную ячейку. В Серпухове же, благодаря чрезвычайно крепкой связи местных рабочих с землей, организация никогда не была крепка. Она быстро и колоссально выростала и также быстро распадалась. Наибольшим временем расцвета организации было начало 1907 года, когда Московский Окружной Комитет послал на Лондонский съезд 7 делегатов по расчету—1 на пятьсот членов партии.

Условия работы в Московской губ. были чрезвычайно тяжелы. Пролетариат по сравнению с Москвой здесь более серый и отсталый.

На текстильных фабриках, составляющих большую часть промышленных предприятий губернии, работают преимущественно женщины. Квартирные условия были особенно тяжелы. В маленьких уездных городах все неблагонадежные элементы были наперечет и хорошо известны полиции. Летом легко удавалось устраивать многочисленные собрания под открытым небом, за городом и в лесах. Зимой же с великим трудом удавалось найти квартиру для встречи пяти-восьми человек. В летнее время московские работники и профессионалы с удовольствием шли работать на дачу, в „Окружку"... Зато зимой начинался ежегодный отлив работников, не всегда бывших в силах приспособиться к тяжелым условиям губернии. Профессионалам часто приходилось ночевать в лесу осенью и даже зимою. Пешком нужно было проделывать огромные расстояния. Фабрики и фабрички Московской губернии рассыпаны по деревням и селам. Не у всякого хватало силы и здоровья, не всякий мог долго выдержать.

Несмотря на это, с начала возникновения и до конца 1908 года работа Московского Окружного Комитета не прерывалась и шла полным ходом. Организация жила. В революцию 1905 года она сыграла крупную роль. Серпуховские текстильные фабрики одни из первых забастовали в октябре. Казанская

ж. д. была революционной артерией в декабре. Ее дружинники в декабрьские бои были впереди. Понадобилась целая карательная экспедиция для ее усмирения и покорения. Расстрелянные машинист Ухтомский, начальник ст. Люберцы—Смирнов, присяжный поверенный Тарарыков и Сапожков (младший) в Коломне—вот те дорогие пролетариату могилы, куда он совершает теперь паломничество.

Московская Окружная Организация всегда была чисто большевистской. Меньшевиков здесь не было. Поэтому все силы и вся энергия борцов уходила на полезную работу. Не приходилось растрачивать времени на борьбу с противниками. Не приходилось бороться с эсерами, которых также не имелось. После объединительного Съезда в комитет вошли два меньшевика (один из них Илья Квасман—„Сергей Иванович"), но они, попав в чисто революционную организацию, не могли вести своей линии.

Из более крупных работников Московского Окружного Комитета автору этих строк пришлось работать с Н. Л. Мещеряковым, покойным Л. Л. Никифоровым. А. Мандельштамом (Одиссей), „Яковом Васильевичем", П. Г. Смидовичем, „Никифором", Н. В. Сапожковым, Максимовским Модестовым (Данилой), А. А. Бурдуковым, В. И. Орловым, „Богданом" (ныне ренегат, работавший в качестве военного корреспондента в „Русск. Ведом." под именем Кочанова и оплевывающий все и вся в своих пьесах под фамилией Каржанского) и рабочими Лапшиным, Кокушкиным и Левшиным, после каторги и торжества революции бесследно пропавшим из психиатрической клиники, куда он попал утомленный и больной. Светлый и чистый, верующий и энергичный Николай Васильевич Сапожков, которого так искал в декабре в Коломне Мин, чтобы расстрелять, недолго не дожил до победы революции. Он погиб на французском фронте, куда он пошел волонтером в порыве первых дней войны.

Иных уж нет. Другие сами ушли, свернув знамя или даже продав его. Немногие в день торжества революции смогли вернуться на свои посты, но вместо

них пришли свежие и молодые. И если на выборах в бесславно умершую учредилку Моск. губерния дала наибольший в России процент коммунистических депутатов, если сейчас в эти дни испытаний вся работа в уездах ведется одними рабочими, если президиум Московского Губернского Совета состоит, главным образом, из пролетариев, то—это результат деятельности Московского Окружного Комитета за пятилетие 1904—1908 годов.

Н. Овсянников.

Дубровинскій
Іосифъ Федоровъ

Прим
снимки указ:

Фотографія въ 1/7 натур. величины.
Ретушированіе не допускается.

1) Проф
все ухо.

3) Во весь ростъ, стоя, въ 3/4 въ томъ самомъ головномъ уборѣ, верхн. платьѣ и обуви, въ котор. былъ задержанъ. Если носитъ очки, то одѣть.

Фотографія въ 1/21 натур. величины.

Возраст. по нар. виду 34-36 ростъ 1 метръ сант. *Раса (если цвѣтнокожій)*

1. Лобъ: Подбр. дг. / Накл. бол / Высота вал / „Ширина“ / Особ.

2. Носъ: Перенос. (глуб.) / *Спинка* цар Основ. под / Высота / Выст. / „Шир.“ ув. / Особ.

3. Губы: Выс. врх. губ. / Выст. / Бордюр. / Толщина д / Особ.

4. Подб. Ротъ: „Велич.“ / „Особ.“ / Накл. / Высота / Особ.

5. Очер. проф.: Лобн.-нос. ч. / Ниж. ч. лиц. / Выс. череп / Особ.

6. Прав. ухо: *Бордюра:* Нач. Верх. Низ. Особ. / *Мочка:* Очерт. Иал Прирост Поверхн. бор Высота Особ. / *Противокоз:* Накл. Проф. Выпяч. Разм. выст. Особ. / *Вн. складка:* Низ вып Верх вып Форм. уха ов Оттоп. ср Раков. ос

7. Бород. гол.: *Цв.* т. бл / *Особ.* прот

17. Усы: *Цв.* / *Особ.*

8. Брови: Располож / Направл. / Форма ов / Размѣръ / Особ. / Цвѣт. т. бл

9. Вѣки: Глаз. щели: Гориз. / Отвѣсно / Верх. вѣко / Особ.

10. Глаз. ябл.: Выступ. ср / Особ.

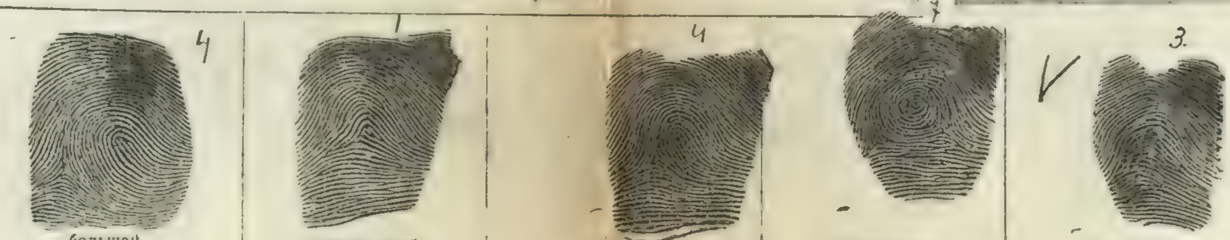
11. Глазницы.
12. Разст. между глазъ
13. Морщ.: Лобн. / Междубровн. / Прочія
14. Выраженіе задумч

15. Слож. 4 ор. гол. спер.: Шея. Дл. Шир. Особ. / Плечи Накл. Шир / Поясъ

16. Цв. лица: *Окраска* бл. / *Полнокр.* м / *Особ.*

ДАКТИЛОСКОПІЯ.

Правой руки



4 — 1 — 4 — 7 — 3.

большой. указательный. средній. безымянный. мизинецъ.

1-е мая в Москве.

(По документам Московского охранного отделения).

1909 год.

19-го апреля 1909 г. на имя московского градоначальника была отправлена товарищем министра, Курловым телеграмма о том, что в министерстве внутренних дел получены сведения о подготовке в разных местах России первомайских забастовок. Курлов предложил принять меры к недопущению забастовок и демонстраций, а также к выяснению и предварительной ликвидации агитаторов; в случае же необходимости—принять для подавления беспорядков энергичные меры. Получив это сообщение, Охранное Отделение приказало приставам обязать администрацию фабрик и заводов доставить полиции списки рабочих, которые не явятся 1-го мая на работы. И нужно видеть вычерченные ведомости, составленные после первого мая, с подробным перечислением бастовавших рабочих, нужно видеть подписи интеллигентов под этими ведомостями, чтобы достойно оценить старательность этих господ. Тут имеется заведующий типографией газ. „Московский Листок", заведующий машиностроительным завод. Т-ва „В. Грачев и К°", инженер-механик С. Грамзин, другой инженер, фамилия которого неразборчива, заведующий Грузинским чугунно-литейным и механическим заводом и т. д.

От своих агентов, сыщиков и провокаторов Охранное Отделение получило сведения о том, что „в день 1-го мая предполагается устройство массовок в пригородных местах, а именно, в роще Лосиный Остров и за Канатчиковой дачей", и что возможны также неожиданные сходки и в других пригородных, наибо-

лее посещаемых рабочими, местах гуляний. Сообщалось также, что рабочие мастерских Александровской дороги намерены „1-го мая забастовать с обеденного перерыва и устроить митинг по выходе из мастерских еще до прибытия полиции". Кроме этого, поступили в охранку сведения, что будут попытки устроить массовки в лесу, прилегающем к линии Ярославской ж. д. „недалеко от места пересечения этой линии с четвертым дачным проездом" (в Сокольниках). Полиция была поставлена на ноги. Заранее опрашивались пристава о настроении среди рабочих. И несмотря на „доклады с мест" о том, что все обстоит тихо и благополучно и волнений и собраний не бывает", что лишь кое-где рабочие с согласия хозяев не будут работать после обеденного перерыва, все же на обычные места гуляний были высланы конные разъезды и многочисленные патрули.

Настал день 1-го мая. Полиции не пришлось проявлять свою „боеспособность". Везде было тихо. Только один лишь директор фабрики Бека заявил приставу 2-го уч. Басманной ч., что „требуется немедленная помощь, в виду того, что рабочие фабрики, собравшись, ведут агитацию, угрожающую опасностью администрации фабрики". К сожалению, нет в деле указаний,—что же случилось на фабрике Бека, и почему администрация этого предприятия так переполошилась. Думается, что серьезного ничего не было, иначе в деле остались бы какие-либо следы, и охранка постаралась бы раздуть „волнения" чуть ли не в революционное выступление.

Принятые полицией меры—патрули и конные разъезды—запугали рабочих. Об этом говорится в донесении пристава 1-го уч. Серпуховской ч. Пристав указывает, что Орлова роща,- обычное место прогулок—была совершенно пуста 1-го мая. Причину этого он видит отчасти „в принятых заранее мерах со стороны полиции, выразившихся в расстановке на более видных пунктах полицейских дозоров в 3-4 чел., с другой, „в тяготении рабочих к проведению времени в трактирах, пивных, отчасти в хороводах, широко

допущенные мною (приставом), под личным моим (пристава) наблюдением". Итак, по мнению этого полицейского, устрашающий городовой, спаивающий трактирщик и веселящийся пристав сорвали рабочий праздник и сохранили устои буржуазного строя.

Всего за день 1-го мая 1909 г. бастовало 3594 чел., из них полный день не работало 2168 чел., остальные же оставили работу после обеда.

Интересно донесение Охранного Отделения в Департамент Полиции. В нем указывается, что принятыми мерами удалось сорвать приготовляемое празднование первого мая. „Никаких массовок, собраний и митингов в этот день в Москве и ближайших окрестностях города не было". „Имевшееся указание на стремление рабочих, принадлежащих к социал-демократической организации, собраться по указанию выставленного заранее патрульного в роще по линии Ярославской ж. д., было предупреждено арестом патрульного и задержанием в одном месте, собравшейся из 8 человек, группы лиц, очевидно, ждавших указаний означенного патрульного о месте предполагаемого сборища и пытавшихся разбежаться при появлении полиции. В числе задержанных оказались: 1) кр. Алексинского уезда Максим Петров Орлов 25 лет, 2) Воскресенский мещ. Николай Алексеев (без фамилии) 35 л., 3) кр. Михайловского уезда Кирилл Михайлов Витгинов, 4) кр. Клинского у. Степан Александров Платонов 24 л., 5) кр. Коринского у. Селиверст Игнатьев Макарович 23 л., 6) кр. Волоколамского у. Иван Егоров (без фамилии) 32 л., 7) кр. Подольского у. Николай Дмитриев Балакирев 32 л. и 8) студент университета Михаил Иванов Солнцев 23 лет.

На месте их задержания — говорится в донесении — обнаружены приклеенными три печатные прокламации, озаглавленные „Товарищи", отпечатанные в типографии Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, посвященные дню 1-го мая. У всех задержанных, а также у патрульного, Георгия Степанова Мальчевского были произведены обыски, как личные, так и

на квартирах, при чем, только у Солнцева были обнаружены документы, уличающие его в принадлежности к партии. Все были допрошены в Охранном Отделении, сфотографированы и отпущены, а Солнцев предан суду.

1912 год.

Тревожно готовилось Московское Охранное Отделение к 1-му маю 1912 г. Ведь, только 4-го апреля были ленские события, вызвавшие бурю негодования в рабочей среде. Чувствовалось, что период безвременья прошел, что появились первые признаки общественного ледохода, что рабочий класс поднимает голову. Охранное отделение не сочло возможным довольствоваться мерами, которыми оно пользовалось в 1909 г. Недостаточно донесений инженер-механиков. Нужно в каждом предприятии иметь своего агента, своего осведомителя, своего провокатора. И в деле, озаглавленном: „О настроениях рабочих и населения в дни 18-го апреля и 1-го мая" мы видим, как появляются предатели из рабочей среды, держат Охранное Отделение в курсе настроений. Современем при систематической работе архивно-политической комиссии будут раскрыты все те, кто укрывался под кличками. Поступили донесения Глазного, Печника, Корректора (Сухов Капитон Максимович), Нового, Двадцатого (Комаров Федор Кириллович), Переднева, Днепрова, Зои (Леонов Василий Константинович), Зеленького (Курбатов Дмитрий Иванович), Семенова (Шейндельман Шлейра Лейбович), Дмитрия Рафаиловича, Южного, Патурина, Случайного (Козицкий Сергей Иванович) и Наташи.

Приведем здесь эти донесения:

Сведения „Глазного".

В среде мастеровых Московско-Брестской железной дороги ведется рабочими же мастерских агитация к устройству забастовки 1 го наступающего мая месяца. К выяснению фамилий агитаторов приложены старания.

„Печник".

Прошедшая в типографии „Печатное Дело" (бывшей Бурче) забастовка по поводу Ленских событий повысила настроение типографщиков, а производящиеся в Петербурге и Москве обыски и аресты вызывают крайнее неудовольствие и порождают враждебное отношение к администрации, которое сейчас и отмечается в среде типографщиков. Вследствие этого, хотя явной агитации и подготовки к забастовке в день 1-го мая и не наблюдается, но она возможна.

„Корректор" (Сухов Капитон Максимович).

После однодневной забастовки в вагоно-строительном Мытищенском заводе ночью были разбросаны там по отделениям экземпляры первомайского воззвания, отгектографированного на ¼ листа бумаги, плохо отработанного, от имени „Местного Комитета Р. С.-Д. Р. П.". Воззвания эти были подобраны дежурившими ночью в отделениях фабричными пожарными (они же исполняют обязанности заводской полиции) и, вероятно, представлены ими по начальству. Видимо, эти воззвания к рабочим не попали, так как не видно, чтобы ходили по рукам. Кроме того, в отхожих местах было наклеено по 1—2 экземпляра того же воззвания. Где были отработаны воззвания и кто является их распространителем,—неизвестно, но, вероятно, это произошло не без ведома Шеринова и вообще группы «Кларнета".

Под влиянием протекшей однодневной забастовки, по поводу Ленских событий и в виду появления первомайских воззваний среди рабочих Мытищенского завода отмечается некоторая приподнятость в настроении, почему забастовка в день 1 мая возможна.

По слухам, 27 числа будто бы был произведен жандармскими чинами и полицией обыск у „Кларнета", Шеринова, Меркулова и Кольцова, при чем, последние трое арестованы.

Слух о готовящейся, якобы, железнодорожной забастовке к дню юбилейных торжеств идет от железнодорожных служащих, которые проживают близ Мытищенского завода, примыкающего к линии Ярославской железной дороги. Кто из них распространяет эти слухи, установить не представилось возможным.

Кроме того, идут толки, что в августе во время торжеств и маневров под Бородиным, в войсках намерены произвести выстрелы в начальствующих лиц. Из какого источника идет этот слух,—не выяснено.

„Новый".

По словам студента Михаила Константиновича Афанасьева, проживающего на углу М. Бронной улицы и Тверского бульвара (угловой дом), кв. 6, завтра, 1 мая предполагается партийное с.-р. собрание где-то в Сокольниках, на которое собирается пойти и он, Афанасьев. О возможности подобного собрания говорит Матильда Григорьевна Рабинович, по ее же словам, возможны завтра демонстрации в городе, а также предполагается собрание на Воробьевых горах [1]).

„Двадцатый".

Завтра, 1 мая будут праздновать рабочий праздник заводы: Гагенталь, чаеразвесочная Кузнецова, типография Кушнерева, Дангауер и Казер в Петрово, оставшиеся на работе рабочие Вестингауза, фабр. Морозова и др. На последней появились в обращении воззвания Р. С.-Д. Р. П. „Товарищи—да здравствует 1 мая"!

„Переднев".

На заводе Бромлей сего числа происходила сходка рабочих; один из них, по фамилии неизвестен, предлагал завтра, по случаю дня 1 мая, совершенно на

[1]) То обстоятельство, что в донесении „сотрудника" „Нового" встречаются имена Афанасьева и Рабинович, вовсе не означает, чтобы кто-либо из них скрывался под указанной кличкой.

работу не выходить. Со стороны с.-д. ведется агитация о более активном выступлении в день 1 мая, не ограничиваясь только прекращением работы. Листков от партийных организаций с призывом к празднованию 1 мая на заводе нет.

Идет агитация о забастовке в день 1 мая на заводе Густава Листа и Вестингауза, при чем на последнем большинство рабочих, после забастовки по поводу Ленских событий, не работает до сего времени.

„Днепров".

Завтра, 1 мая, возможно ожидать забастовки во всех торговых заведениях и на фабрике Чичкина.

Возможна также забастовка в типографиях Кушнерева и Яковлева. В этих типографіях, Кушнерева и Яковлева, разговоры о забастовке среди рабочих были достаточно настойчивы.

В общей массе рабочих говорят, что решающее значение в вопросе—будет ли завтра забастовка, сыграет погода.

В общем, особого подъема совершенно нет, и минувшие только что на различных заводах и фабриках забастовки значительно понизили настроение „сознательной" части рабочей массы, т.-к. убедили ее в том, что идейного в этом движении не было, и рабочие просто лишь воспользовались возможностью прогулять лишний день, с уверенностью в том, что по примеру Петербурга день этот не будет администрациями заводов и фабрик считаться прогульным.

„Зоя".

В виду настоящего настроения среди рабочего класса и общего подъема духа, возможно предполагать массовки, которые могут быть в течение лета в следующих излюбленных местах: 1) за Бутырской заставой (в лесу Петровско-Разумовского участка), 2) за Семеновской и Рогожской заставами (Измайловский Зверинец, возле прудов), 3) Сокольники — на 5-й вер-

сте Ярославской жел. дор., 4) Пресненский и Хамовнический районы: у застав и на Воробьевых горах собираются в лощине, где скрещивается Брестская и Окружная жел. дор., направо от Воробьевых гор, 5) на Камер Коллежском валу, близ зав. Гужона, 6) у Даниловского монастыря—в лесу.

„Зеленький".

Рабочие типографии „Культура" предполагают праздновать 1-е мая и не выйдут после обеда на работу.

„Семенов".

На 2-м винном складе велась усиленная агитация за празднование 1-го мая. Главным агитатором является Петр Фомин. Возможно ожидать невыхода на работы 1-го мая и рабочих фабрики Бардорф.

„Дмитрий Рафаилович".

Слесаря городского трамвая предполагают праздновать 1-е мая; для того же, чтобы к ним присоединились вагоновожатые и кондуктора, думают остановить машины на электрической станции. Между слесарями телеграфа также идет брожение.

„Южный".

В Московско-Брестских железнодорожных мастерских относительно дня 1-го мая рабочие решили придерживаться следующей программы действий: если до 10 час. утра забастуют частные заводы, то и Брестские мастеровые примкнут к ним; в противном же случае забастовка, пожалуй, не состоится после обеда. Настроение среди рабочих, в общем, не в пользу забастовки. Литературы и листков, видимо, не распространяется. Что же касается установки пропаганды и агитации в отношении устройства забастовки 1-го мая, то она, хотя и слабо, но ведется почти во всех цехах. Желательно 1-го мая наиболее строгое наблюдение иметь в сборном и вагонном цехах.

„Случайный".

Рабочие завода Гужон думают сегодня собраться в Тюфелевой роще, где они соединятся с рабочими фабрик Цинделя, Гоппер и прохоровскими, отсюда пойдут с красным флагом.

„Наташа".

Инициатором однодневной по поводу Ленских событий забастовки кондитерских Крымской, Флей и др. был служащий в Крымской кондитерской, Г. С. Гревцов. Перед забастовкой было собрание представителей от многих кондитерских у служащих Трамбле, Борцова и Лукьянова, где решено было прекратить работы на один день. Однако, работы прекращены не были. Тогда Гревцов, прекратив работы в Крымской кондитерской, пошел снимать рабочих остальных кондитерских, в чем встретил содействие от бывших на собрании выборных.

„Зелененький".

В типографии Мамонтова за забастовку было ½ рабочих. В типографии „Культура" забастовка прошла без возражений по принятому ранее общему решению, работали до обеда.

„Семенов".

Завод Бардорф начал праздновать 1-е мая после обеда. Некий слесарь Фомин, служащий на том же заводе, распространял на заводе с.-д. прокламации. Прокламаций этих распространено было около сотни. После прекращения работ у Бардорфа, Фомин и другие направились на фабрику Шебардина, что на Каретной-Садовой, и к Климан. У Шебардина служит приятель Фомина, Киселев, от которого и получены были эти первомайские листки.

1915 год.

Относительно празднования 1-го мая в 1915 году в деле Охранного Отделения имеется лишь доклад директору Департамента Полиции, представляющий сводку событий. Приводим полностью этот доклад:

„В конце минувшего апреля месяца в местных наиболее революционно-настроенных рабочих кругах, в связи с предстоявшим днем „рабочего праздника" (1-е мая), был поднят вопрос о желательности проведения в этот день забастовки, устройства уличных демонстраций и выпуска соответствующих листовок.

Инициатива в устройстве демонстративных выступлений в день 1-го мая исходила, главным образом, от портных, членов профессионального общества рабочих и работниц портновского производства, и клуба „Образование", и хотя эта идея не встретила сочувствия широких рабочих кругов, им удалось собрать небольшую группу солидарных с ними лиц, которыми и было предположено для детального обсуждения вопроса о выступлениях устроить 23 апреля в помещении клуба „Образование" совещание, а также с этой целью использовать созывавшееся на 26-е апреля, в помещении „Биржи Труда" общее собрание членов профессионального общества металлистов „Единение".

Однако, привести в исполнение намеченный ими план не удалось, так как общее собрание металлистов было воспрещено, а также своевременно были воспрещены какие бы то ни были собрания в клубе „Образование".

Тем не менее, несмотря на принятые вышеуказанные меры, в отделении были получены сведения о стремлении этих лиц устроить во что бы то ни было такое собрание.

В виду этого, в ночь на 26-е апреля, в предупреждение устройства нелегальных собраний для обсуждения вопроса о демонстративных выступлениях, были обысканы и арестованы: кр. Костромской губ., Александр Егоров Тихомиров, кр. Калужской губ., Иван

Семенов Щекотин, мещанин гор. Болхова, Петр Тимофеев Лосев, кр. Московской губ., Александр Трофимов Бирюков, кр. Владимирской губ., Кузьма Михайлович Кромин и кр. Калужской губ., Митрофан Прохоров Артемов, известные отделению, как наиболее революционно-настроенные лица. Так как ликвидировать целиком всю группу не представилось возможным, то оставшимися на свободе лицами из этой группы, исключительно портными, было решено, все-таки самолично и без одобрения представителей других профессиональных обществ, выпустить соответствующую листовку, что им и удалось выполнить при содействии некоторых студентов Московского Коммерческого института. Однако, эта листовка, отпечатанная на гектографе в ограниченном количестве, совершенно не получила распространения, так как почти целиком была изъята агентурным путем, и только единичные экземпляры, через портных Егора Михайлова Цеблева, Николая Иванова Шевкова, Ивана Александрова Отсечкина и нелегального, проживающего по паспорту на имя Ивана Данилова Пиункова, попали в руки некоторых портных, почему и названные лица также были обысканы и арестованы.

Все вышепоименованные лица привлекаются к охранной переписке на предмет воспрещения им жительства в пределах московского градоначальства.

В виду указаний агентуры на прикосновенность к выпуску этой листовки некоторых студентов Московского Коммерческого института, в ночь на 29-е апреля были обысканы входящие в состав с.-д. группы студенты: Абрам Авитдерев Вейсброд, Владимир Петров Чеботарев, Аким Акимов Шумаев, Сергей Петров Кириллов, Иван Лаврентьев Нечаев, Александр Никитин Фокин, Александр Михайлов Митькин, Леонид Дмитриев Сокольский, Степан Карапетов Алаверлов, Василий Петров Трусов и Евгений Самсонов Дарчия, а также был произведен обыск в помещении столовой студентов вышеназванного института, являющейся местом собраний этой группы.

Так как по обыскам у названных лиц листовок

обнаружено не было и только отобрана переписка, осмотр коей производится, они оставлены на свободе.

Кроме этой, не получившей распространения листовки, группой студентов Императорского Московского университета также была выпущена 30 апреля в ограниченном количестве первомайская листовка, которая, за отсутствием у универсантов связей с рабочими, широкого распространения получить не могла, и только небольшое количество таковой было обнаружено 1-го мая на окраинах города расклеенными на заборах и разбросанными; так: по Старому шоссе и Астраханскому проезду, близ парка Сельско-Хозяйственного института, было снято с заборов в разных местах 60 листовок, у завода Дютфуа, по Пасской ул.— 20 экз., на Хамовнической набережной—15 экз. и за фабрикой Прохоровской Трехгорной м-ры—10 экз.

Кроме того, под утро 1-го мая, на Пасской ул. был снят с дерева красный флаг с надписью: „Да здравствует Интернационал" и на Дмитровском шоссе был снят также с дерева такой же флаг с надписью „Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

В общем, день 1-го мая прошел совершенно спокойно, и никаких демонстративных выступлений не было, если не считать попытки рабочих завода „Динамо" запеть при выходе с завода „Марсельезу", каковая попытка была сразу же пресечена нарядом полиции.

Всего 1-го мая в гор. Москве бастовало около 19 тысяч рабочих в 74 предприятиях, при чем, в большинстве предприятий работы кончились после обеда, по соглашению с хозяевами, по издавна установившейся традиции.

По сравнению с прошлым годом, в текущем году 1-го мая бастовало рабочих меньше на 13 тысяч человек.

Виктор.

Из воспоминаний

I.

Григорий Мандельштам.

Мои воспоминания о брате Григории не могут, конечно, дать полного представления об этом пионере рабочего движения, погибшем очень молодым и не успевшем дать рабочему классу всего того, что он мог бы дать ему, по его способностям и при других условиях. Мои воспоминания кратки, отрывочны— разница в летах между мной и братом была велика— на целых 8 лет. Я был еще юношей, когда он окончил уже свою деятельность.

Наша семья буржуазно-еврейская, довольно богатая, разорилась со смертью отца, когда мне было лет 9, а Григорию 17.

Григорий родился в 1870 г., с детства отличался большими способностями и очень рано развился (он был то, что называется „Wunderkind“ т.-е. чудо-ребенок). К 12-ти годам серьезно не по летам читал газеты и разбирался в вопросах политики, что очень нравилось и поощрялось моим отцом, хотя купцом, но либералом. Детство моего брата было временем развития народовольчества. Я сам с детских лет помню Григория и его товарищей, гимназистов, спорящих без конца, и все то, что запечатлелось в моем детском мозгу из этих споров, я нашел впоследствии в народовольческой литературе.

Но до смерти отца буржуазная обстановка состоятельной семьи воспитывала из моих старших братьев буржуазных сынков со скверными замашками. Это всего сильнее отразилось на Григории, как на самом

старшем в нашей семье. В нем совмещался, до смерти отца, человек, увлекающийся самыми передовыми революционными идеями, и избалованный сынок состоятельной семьи, способный чуть не побить артельщика за то, что он плохо вычистил сапоги.

Но я никогда не забуду первый урок и задушевный разговор с переродившимся старшим братом, когда он заметил как-то раз, что я плохо отнесся к прислуге.

Одной из отличительных черт нашей семьи было то, что все мы семь братьев, несмотря на способности, не кончили ни одного учебного заведения. Раннее развитие не могло совместиться с порядками и условиями тогдашних гимназий. Григорий вышел из 8-го класса за несколько месяцев до выпускных экзаменов и уехал учиться за границу. Он пробыл там около 3 лет. Я, конечно, о его жизни за границей знаю очень мало, — знаю только, что он много учился, работал и очень бедствовал. Но его возвращение и та перемена, которая с ним произошла, мне очень памятны, хотя мне было лет 13, а ему уже 21 год. Я помнил его избалованным барченком, очень интересующимся одеждой, всякими развлечениями, а явился он из-за границы человеком, увлеченным великим учением, которое отразилось на его внешнем облике, привычках и образе жизни. Эта перемена произвела на меня, мальчика, очень сильное впечатление. Его товарищи по гимназии стали студентами, и с одним из них, самым близким, т. Н. Н. Шатерниковым, он поселился вместе.

В это время в студенческих кружках народовольчество сменилось „народоправством". Шатерников входил в один из этих кружков писателя Астырева, очень мало известного теперь, но мы мальчиками увлекались его рассказами „В волостных писарях" и „На таежных прогалинах". Благодаря Шатерникову, Григорий тоже был близок к этому кружку, но народоправство со своей скромной, умеренной программой оставалось чуждым и враждебным моему брату.

В 91 и 92 годах марксизм был мало известен и недоступен для интеллигентских и студенческих кругов. Мне памятно то скверное настроение, которое испытывал брат после реферата в одном из лучших революционных кружков известного тогда публициста-писателя Гольцова, в котором участвовал молодой Милюков, где отнеслись с насмешкой к „какому-то Марксу".

Григорий чувствовал себя среди этой публики одиноким. Правда, ему удалось организовать кружок студентов-марксистов, и мне потом в моей революционной деятельности приходилось встречаться с его учениками, вспоминавшими его с громадным уважением за его эрудицию. Но трагедия моего брата заключалась в том, что ему казалось очень маленьким делом лепить кружки из этих одиночек интеллигентов и студентов, а к рабочим он не умел сначала подходить: он был слишком интеллигентом.

Я и другие мои братья Лядов, Михаил Миронович были много счастливее Григория, представляя из себя другой тип. Мы начинали свою революционную деятельность именно с рабочей среды, почему никакой трагедии одиночества не чувствовали, а наоборот, свежая рабочая среда, ловившая с жадностью каждую крупицу великого учения, которую могли мы ей передать, давала нам моральное удовлетворение, несмотря на все затруднения, тюрьмы и ссылки.

Первый арест брата произошел, кажется, или в конце 91 года, или в начале 92 года и был связан с провалом кружка народоправцев—Астырева-Шатерникова. Полицейский набег был произведен и на нашу семью, в которой тогда жил Лядов.

Григория продержали в тюрьме недолго, месяца 4 или 5, и выслали в город, который он сам выбрал, в Рязань. Но тюрьма на него подействовала очень скверно: он вышел оттуда с очень сильным нервным расстройством. Рязань он выбрал, чтобы быть ближе к Москве. Однако, в Рязани интеллигентская среда, в которую он попал, была еще более убогая, чем в Москве, а рабочих оказалось мало. Его давило и

угнетало это интеллигентское мещанство, он рвался в рабочий центр. После больших хлопот удалось перевестись в Екатеринослав. Я мало знаю о его деятельности в Екатеринославе; я знаю, что эта деятельность была направлена не только на организацию кружков среди рабочих, но она была связана тесно с начинавшейся тогда партийной деятельностью в Москве.

Мне пришлось встретиться в 1905 году в Киеве с одним видным членом партии—рабочим из Екатеринослава, учеником брата, который мне рассказывал много о нем. Из этих рассказов я узнал, что его звали „историком", что он не стал агитатором, а был пропагандистом в кружках высшего типа. Но все-таки эта деятельность не удовлетворяла брата. В своих письмах ко мне, которые, к сожалению, погибли в охранном отделении, он учил меня тому, что ему не удавалось за всю его жизнь,—умению подходить к людям.

Чувство одиночества тяготило брата, он слишком рано проснулся в том темном царстве, которым являлась наша тогдашняя действительность. В 1895 году он был арестован во второй раз и, просидев два года, вышел из тюрьмы только затем, чтобы перейти в Преображенскую больницу душевно больным, где и умер.

Он не дожил до появления партии, он не дожил до широкого рабочего движения. Он видел только слабые проблески начинающегося рабочего движения. Все свои 7 или 8 лет сознательной жизни он отдал исключительно борьбе за социализм. Он впитал в себя его учение. Когда он сидел в тюрьме, я не мог удовлетворить его потребности в чтении, в лучших библиотеках не хватало книг для него. Но он не сумел широко применить это учение. Он пытался писать; зная до 7-ми языков, он массу переводил, но все это не увидело света, погибнув в архивах охранных отделений Москвы, Екатеринослава и Рязани.

Его короткая молодая жизнь, оборвавшаяся на

70-м году, были типичной для тех немногих русских интеллигентов, которые слишком рано проснулись.

Наряду с моим братом я не могу не вспомнить другого пионера рабочего движения, имя которого редко приходится встречать, погибшего также, как мой брат. Это инженер Круковский; его я также знал ребенком. Он был моим репетитором; будучи студентом бывшего „Императорского" технического училища, он стоял во главе революционного студенчества. По окончании курса он стал управляющим химического завода в Кожухове близ Москвы, организовывал там рабочие кружки, вел пропаганду, но не долго, скоро был арестован и впоследствии сошел съ ума.

Их было много, этих неизвестных пионеров рабочего движения, имена и могилы их забыты. Но память о них не должна умереть.

Нам, их ученикам, до сих пор было некогда, слишком много отнимала и отнимает времени и сил революция, посеянная их руками, но мы обязаны розыскать все то, что осталось от них. Эти пионеры первые внесли свет великого учения в наше темное царство. Так велико было напряжение их борьбы, что многие не выдерживали,—сходили съ ума или преждевременно умирали не столько от тяжелых тюремных условий, сколько от более глубоких внутренних причин. Причины эти будут ясны только тому историку, который добросовестно, вдумчиво изучая зарю рабочего движения, сумеет понять все те трудности, которые стояли на пути марксистов.

II.

„Отец".

Одним из самых светлых моих воспоминаний является встреча в 1905 году в Иваново-Вознесенске с „Отцом"—Федором Афанасьевым. Он не был стариком годами, но почти 25-тилетняя революционная деятельность состарила его настолько, что все его звали «Отцом.»

Грандиозная забастовка 1905 года, тянувшаяся более 2-х месяцев, оканчивалась благополучно. Победа была не столько материальная, сколько моральная: 60-тысячная рабочая масса, начавшая экономическую забастовку, несмотря на плохую организацию, дружно провела, превратила ее в ярко-политическую. Если в начале забастовки на массовках нельзя было говорить о политике, то в конце все политические лозунги того времени стали лозунгами самой массы. Но победа была не только в этом. Как известно, в Иванове-Вознесенске рабочие отличались своим нищенским заработком. Квартиры, в которых ютились ткачи и ткачихи, поражали всякого свежего приезжего человека невероятной теснотой. Пища состояла из хлеба и серых щей, т.-е. воды и кислой капусты. Конечно, ни о каких сбережениях не могло быть и речи. И то, что эта 60-тысячная масса, плохо организованная и малосознательная в начале, держалась крепко и стойко до конца забастовки—это была истинная победа партии, которой могла бы гордиться любая профессиональная или политическая организация.

Партийная организация в Иванове - Вознесенске поражала всякого приезжего тем, что вся она находилась в руках рабочих. О самодеятельности рабочих очень много спорили и говорили в то время в верхах партии. Осуществили это не на словах, а на деле, более блестяще чем где-нибудь, в Иванове-Вознесенске. Из этой партийной лаборатории вышли лучшие работники, самые стойкие коммунисты, которые не только с честью пронесли знамя социализма через самую черную реакцию, ссылки, тюрьмы и эмиграцию, но с честью и сейчас занимают боевые посты.

Мне кажется, что самая идея Советской власти зародилась в 1905 году там, в сером Иванове-Вознесенске; если же не зародилась впервые там, то все же более полно и ярко нигде не осуществилась, как в Иванове. И во главе этой организации стоял „Отец". В это время в Иваново-Вознесенск из центров наезжало много видных работников, отличных ораторов, все они пользовались заслуженным успехом. Но не

видной, не яркой была деятельность „Отца". Он не был агитатором, но зато вся черная работа партийной организации, Совета, вся она легла на плечи „Отца".

Я в первый раз увидел его в июле 905 года. Мы проработали с ним около 2 месяцев, пока меня не арестовали. Нам некогда бывало с ним вести долгие беседы, я отрывками узнал, что он еще в конце 80-х годов был в революционном движении Питера. Он знал и Петра Алексеева и Халтурина. Я мельком узнал, что одна из знаменитых четырех речей, сказанных при первом праздновании 1-го мая, принадлежала ему. Я мимоходом узнал, что вся эта долгая революционная жизнь, полная борьбы со всеми ее прелестями, сделала из этого не старого годами человека—старика—„Отца".

Мы все уставали,—меньше всех „Отец". Сколько веры в победу рабочего движения, в социализм было в этом закаленном борце! Может быть, многих приезжих из центра поражало, как и меня, обсуждение партийным Комитетом поступков личного свойства, домашних дел, пьянства и отношения к женщине. Но „Отец" и это умел объяснить, ему хотелось воспитывать, чтобы видеть в своих сотоварищах истинных социалистов. На всех на нас производил сильное впечатление этот скромный человек, который за свою долгую революционную деятельность мог многим похвалиться и порассказать. Но он первый был бы удивлен, если кто-нибудь его назвал бы героем. А на это он имел бы права больше, чем кто-нибудь другой. Нам настолько некогда было говорить о себе, что я не знал его биографии.

Вторая встреча моя с ним была трагической. 21-го октября 1905 года меня амнистировали из Владимирской тюрьмы, и я, увлеченный начавшейся революцией, отправился в Иваново. Приехав туда в знаменитый день 22-го октября, я узнал, что на площади назначен большой митинг, на котором должна присутствовать рабочая масса. Первый партийный товарищ, которого я встретил, был „Отец". Сколько

счастья, радости было на этом лице! Нам некогда было долго говорить. Я помню его первые слова: „сколько лет ждал и дождался!“ Он был уверен, что победа рабочего класса полная, что теперь начнется новая, хорошая жизнь. Я тоже был в этом уверен, но к вечеру мы должны были убедиться, что слишком увлеклись—это увлечение „Отцу“ стоило жизни.

Разговаривать было некогда: мы спешили открыть на площади всенародный митинг, как выразился „Отец“. Его, конечно, выбрали председателем, масса его знала, так и звала „Отцом“. Здесь я узнал, что, открывавший первый митинг „Отец“—далеко не оратор, и чуть не в первый раз говорил перед такой большой толпой. Он со слезами на глазах рассказал, сколько лет он и ему подобные передовые рабочие мечтали об этой свободе, сколько их, борясь за нее, погибло, и заставил своей короткой, но трогательной речью прослезиться толпу. Но вот митинг окончен. Тут узнали, что есть там, на краю города в тюрьме еще не выпущенные рабочие и решили всей массой итти освобождать их. Пошли. Была страшная грязь. Итти далеко несколько верст. Толпа в движении все таяла и таяла, и нас пришло к тюрьме немного, не больше нескольких сотен.

Наши враги не зевали. Черная сотня организовалась. Тут же на площади, после, как мы ушли, выкатили несколько бочек водки, начали поить всех. Организовалась темная банда. Казаки, притаившиеся перед этим, встали во главе этой банды и пошли нас громить. Мы узнали об этом, успели уйти за город, перешли знаменитую в истории Иванова речку Талку (все большие собрания во время забастовки были на этой реке) и остановились на другом берегу, в лесу.

Вот появилась черная банда во главе с казаками и тоже остановилась на другом берегу Талки. Нас разделяла только маленькая речка с переходным мостиком. Из банды раздалось предложение прислать к ним для переговоров своих представителей. Мы как-то не обсуждали, а просто выделился „Отец“, а с ним еще один товарищ, и они вдвоем пошли. Пере-

шли мостик, подошли к толпе. Их окружили, шум, гам,—толпа и казаки разошлись. Мы стояли, как оцепенелые—там на другом берегу лежали два человека. Но вот один вскочил, побежал; это был молодой, он успел перебежать мостик,—он среди нас. Другой, „Отец", только успел приподняться,—он старше, ослаб, толпа набросилась на него с ожесточением и добила его здесь, на наших же глазах. Мы все, участники этой трагедии, никогда не забудем этой жуткой, тяжелой минуты.

Мы не могли его похоронить сейчас же. Начался ужасный, кошмарный погром, которого никогда не забудет Ивановская рабочая масса. Впоследствии товарищи похоронили там в лесу тело „Отца". Но вскоре начавшаяся реакция решила уничтожить этот живой памятник революции. Его опять вырыли полицейские и похоронили во второй раз, сравняв могилу, чтобы она не смущала никого; но память о нем они похоронить не смогли.

Стоит даже теперь только спросить любого Ивановского рабочего, и он порасскажет целые легенды об „Отце". В истории рабочего движения и в истории революции фигура „Отца", ткача Федора Афанасьева, будет одной из самых почетных... Ивановским рабочим некогда все, уж очень тяжело для них складывается новая жизнь, а памятник „Отцу" они собираются поставить.

А. Мандельштам.

На революционном посту.

Не всем пионерам великой пролетарской борьбы удалось дожить до светлых дней Октябрьской победы, до 25-летнего юбилея своей неустанной революционной работы в рядах пролетарской партии.

Одни, слабые, уже давно покинули социалистические ряды во имя призрачных буржуазных благ. Другие изменили социалистическому красному знамени и пошли активно в черно-желтый стан врагов русского и международного пролетариата. Третьи пали жертвами царского строя, до конца оставаясь на избранном в юные годы славном революционно-социалистическом посту. Они должны были бы быть с творцами Октябрьской революции, с ними они могли по праву разделить торжество победы. Совсем немногие товарищи сошли в могилу уже в дни Октябрьского торжества. Они в праве были о себе сказать: „Ныне отпущаеши"... Ибо их глаза действительно видели победные красные ряды восставшего рабочего класса.

I

И. Ф. Дубровинский (Иннокентий).

29 июля 1913 года департамент полиции известил Московского градоначальника о том, что „состоявший в Туруханском Крае под надзором полиции Иосиф Федоров Дубровинский неизвестно куда исчез. (По всей вероятности, утонул или покончил жизнь самоубийством)".

В центральном органе Р. С.-Д. Р. П. „Социал-Демократ" тогда же был посвящен тов. Иннокентию (И. Ф. Дубровинскому), бывшему члену центрального

Комитета партии, некролог, в котором, между прочим, было сказано: „Историк, который в будущем изумится тому грандиозному сдвигу, который пережила Россия за последние 20 лет, среди работников этого периода разыщет имя тов. Иннокентия. Он найдет его среди той молодежи, которая в начале 90-х годов с жаром изучала марксизм, чтобы найти „алгебру революции", потом среди организаторов и лекторов первых рабочих кружков центральной России, потом среди организаторов партийных совещаний и съездов, среди членов Центрального Комитета партии и в редакциях ее руководящих органов, — найдет его на площадях Москвы и Кронштадта в толпе рабочих в день уличных выступлений... Ибо Иннокентий всегда был там, где горячее всего бился пульс народной борьбы!"

В этой характеристике, сделанной, повидимому, товарищем, близко знавшим т. Иннокентия в его партийной работе, нет ни слова преувеличения, так обычного в некрологах. Можно открыто утверждать, проследив партийную деятельность т. Иннокентия, что он и с.-д. партия были слиты воедино. Если можно представить себе партию без творческой работы энергичного Иннокентия, то вообразить тов. Иннокентия вне партии—трудно.

Выброшенный в 1913 г. на берег седого холодного Енисея волею царских опричников, т. Иннокентий не бросает мечты о партийной работе, разрабатывая план побега. На это имеются указания в архивах охранного отделения, зорко следившего за этим опасным для себя противником. „Охранка", несомненно, приняла меры к предупреждению побега. А через короткое время была получена печальная весть о трагической смерти т. Иннокентия.

И. Ф. Дубровинский родился в 1877 году в Орловской губ. Окончил курс реального училища. Недолгие годы легальной жизни он посвятил земской статистике.

В начале 90-х годов, когда началась более или менее планомерная марксистская работа в центральной

России, И. Ф. Дубровинский был в Орле. Здесь, в кругу местной радикальной интеллигенции он был известен за определенного марксиста. Уже тогда, повидимому, Дубровинскому удалось завязать сношения с москвичами-марксистами, пытавшимися наладить и развить деятельность первой с.-д. организации в Москве, известной под именем „Рабочего Союза". В 1897 году Дубровинский приезжает в Москву, вступает в ряды с.-д. работников в качестве организатора и техника и с тех пор уже не покидает рядов социал-демократической партии.

В нашем распоряжении имеется любопытный документ—отрывок частного письма, перехваченного жандармами. Автор письма, живший в одном городе с Дубровинским, дает весьма интересный портрет юного марксиста, каким был Дубровинский в период своей орловской жизни.

Мы считаем нелишним привести выдержки из этого письма.

„Вообрази себе,—пишет М., характеризуя Дубровинского,—19-20 лет юношу, исключенного из 8-го класса гимназии год тому назад. Человек этот начитан так, как не всякий приват-доцент, хотя, кажется, только по экономическим и, при том, специально аграрным вопросам. Он редактирует весь серьезный отдел „Орловского Вестника", пишет, кроме того, очень интересные экономические обозрения в „Саратовском дневнике", (эта газета—единственный орган в России, доступный марксистам) переписывается со Струве..... Ему известны почти все выдающиеся брошюры Каутского, Шенлака, Энгельса и др....

В нем совершенно отсутствует декоративная сторона революционного дела...

Внешность его не только не обаятельна, но почти жалкая. Низенький, некрасивый, с невысоким лбом, с очень юным выражением лица, он в своем поношенном пальто и ремесленном картузе скорее всего напоминает какого-нибудь подмастерья или приказчика из мелочной лавки... Он дает мне то, что я потерял в Бежице... он знакомит меня с целым кружком себе

подобных... он может ссужать меня такими книгами, которые трудно было бы достать помимо него".

Таким был Дубровинский 25 лет назад... Таким он оставался и в продолжение всей своей партийной работы. Самым характерным для т. Иннокентия по отзывам близко знавших его товарищей, было то, что автор письма называет „отсутствием декоративной стороны революционного дела".

Арестованный в 1898 г. по делу типографии „Рабочего Союза", И. Ф. Дубровинский в своих показаниях жандармам занял истинно-революционную позицию. Нужно помнить, что то было время Зубатова, когда не выдерживали „охранных приемов" следствия даже многие испытанные борцы... Дубровинский, признав свою активную роль в деле издательства от имени Рабочего Союза, отказался на всех многочисленных допросах отвечать на вопросы о своих знакомых, друзьях и т. д. и категорически отрицал причастность кого бы то ни было из называемых жандармами лиц к издательству.

Революционная тактика стоила Дубровинскому не дешево. Он тогда же был выслан в административном порядке на 4 года в Вятскую губернию, под гласный надзор полиции. В марте 1902 года ему было разрешено по болезни перейти на жительство в Астраханскую губ.

Этим власти не ограничились. По окончании срока высылки Особое Совещание в 1903 году воспретило Дубровинскому жительство в столицах и столичных губерниях на пять лет.

В 1904 году Дубровинский проживал в Самаре. Здесь следившая за ним „охранка" установила его „сношения с лицами, в политическом отношении неблагонадежными". Он выехал в Москву. В Москве в феврале 1905 г. его арестовывают в числе девяти лиц на совещании деятелей Р. С.-Д. Р. П. Октябрьский манифест спасает Дубровинского от суровой кары.

11 марта 1907 года Дубровинский снова был арестован в Москве, как председатель конференции, созванной для выбора делегатов на обще-партийный

лондонский съезд. Дубровинский был предназначен к высылке в Вологодскую губернию на три года, но ему было разрешено по болезни выехать за границу, с тем, что в случае возвращения его в Россию ранее 14 апреля 1910 года постановление о высылке его в Вологодскую губ. должно быть приведено в исполнение.

16 мая 1907 года Дубровинский выехал за границу.

По сведениям департамента полиции, Д. в августе 1908 года участвовал в пленарных заседаниях центрального комитета партии в Женеве, после чего выехал в Россию для подготовки партийного съезда. 29 ноября он был арестован на петербургском вокзале Варшавской жел. дор. и отправлен в Вологодскую губ. Отсюда Дубровинский бежал заграницу.

В делах департамента полиции есть указания, что на состоявшемся в партии закрытом „объединительном собрании" членов партии читал реферат член центрального Комитета Партии, состоящий представителем Московской Окружной Организации, некий Федоров. Департамент полиции считает, что Федоров— это Дубровинский, известный также в партийных кругах под кличкой Иннокентия. В апреле 1910 г. департамент полиции получил сведения о возможном приезде в Россию Дубровинского для партийной работы.

Дубровинский приехал. Был схвачен и отправлен в Туруханский край...

Таковы сведения, имеющиеся в архивах охранного отделения о партийной работе тов. Иннокентия.

II.

Г. Н. Мандельштам.

С. И. Мицкевич в своих очерках несколько раз упоминает Г. Н. Мандельштама, в качестве одного из первых Московских с.-д. практиков. Трагическая судьба этого марксиста заслуживает несомненного внимания со стороны русского рабочего класса. Г. Н. Мандельштаму не удалось дожить не только до дней

октябрьской революции 1917 г., он не был даже участником революции 1905 года.

Он кончил свои дни в психиатрической лечебнице, где за ним зорко следило „всевидящее око“ охранки, опасавшейся, что Г. Н. Мандельштам ускользнет от поездки в Восточную Сибирь на 5-ть лет за революционную деятельность.

Товарищи Г. Н., разумеется, дадут свои воспоминания о его деятельности.

Мы отметим только то немногое, относящееся к Г. Н. Мандельштаму, что сохранилось в Архиве „Охранки“.

30 марта 1892 года у Г. Н. Мандельштама был произведен обыск, отобраны книги: Ф. Лассаль: „Всероссийское разорение“, Плеханова и др. Сам Г. Н. был арестован за принадлежность к революционной организации, издание, распространение и хранение революционных брошюр и прокламаций“.

Через 7 месяцев (14 октября 1892 года) начальник Охранного Отделения сообщает Обер-Полицеймейстеру об отдаче Г. Н., „впредь до окончания о нем дела, под особый надзор полиции с водворением в г. Орле“.

Секретным приказом по Московской Городской Полиции от 27-го ноября т. г. предписывается: „Иметь наблюдение за прибытием в Москву Московского мещанина Г. Н. Мандельштама“.

3-го июня 1893 года, как сообщает Орловский полицеймейстер, Г. Н. отправился на семь дней в Москву, при чем, полицеймейстер просил учредить за ним „особый надзор полиции“.

Осенью Г. Н. получает разрешение „на 17 дней по семейным обстоятельствам“ посетить Москву. 8-го января Г. Н. было объявлено, что „на основании высочайшего повеления“, по вменении ему в наказание предварительного заключения, он подчиняется гласному надзору на 3 года в избранном им месте жительства, за исключением столиц и университетских городов.

Местом жительства Г. Н. избрал Рязань, куда 11 января прибыл по проходному свидетельству

30 августа 1894 года „особый надзор“ за Г. Н. прекращен, но приказом было сообщено, что „названное лицо по отбытии в 1896 году срока гласного надзора полиции не будет иметь права жительства в Москве“.

28 июня 1895 года Г. Н. был доставлен в Московскую Губернскую тюрьму, при чем, имеется справка: „числился за прокурором Одесской Судебной Палаты, перечислен за министром Юстиции“.

Из отношения начальника Губернской Тюрьмы от 16-го апреля 1896 года видно, что Г. Н. „подлежит отправлению для содержания под стражею в одиночных камерах в Ярославском и Калужском тюремных замках, до особого указания“.

30 июня 1897 года Начальник Московской Пересыльной Тюрьмы сообщает, что „Г. Н. Мандельштам находится в тюремной больнице на излечении“.

30 июля Департамент Полиции сообщает Обер-Полицеймейстеру о решении приостановить „исполнение высочайшего повеления о названном государственном преступнике“, поместив Г. Н. в одну из частных психиатрических лечебниц. Одновременно предписывается „учредить за названным обвиняемым самое бдительное наблюдение полиции и о всякой перемене в состоянии его здоровья сообщать в департамент полиции“.

22 августа Г. Н. переведен из тюремной больницы в лечебницу Левенштейна.

7 сентября он перемещен в городскую психиатрическую лечебницу (Канатчикова дача).

16 сентября он переведен в психиатрическое отделение Преображенской больницы. Последнее вызвано, видимо, тем, что обер-полицеймейстер от 7-го сентября на имя начальника губернского жанд. Управ. заявляет: „со стороны вверенного мне управления не имели места распоряжения ни об освобождении из-под стражи Гр. Мандельштама, ни о поме-

щения в лечебницу, находящуюся, к тому же, за чертой района здешней столицы".

Обер-полицеймейстер также запрашивает жандармское управление, объявлено ли Г. Н. „высочайшее повеление о наказании... Последовал ответ: „объявлено".

Это при наличии психической болезни Г. Н.... Самодержавная машина работает, не взирая ни на что. 4-го ноября департамент полиции извещает о высылке Г. Н. на 5-ть лет в Восточную Сибирь.

Высылка „приостанавливается" до выздоровления Г. Н. Главный врач больницы вынужден в ответ на это 6-го ноября дать подробную справку о состоянии здоровья Г. Н. По его словам, Г. Н. страдает душевною болезнью в форме галлюцинаторного помешательства. „Нередко Г. Н. отказывается от пищи, не узнает врача и делает заявления в области бредовых воззрений, не имеющих никакого отношения к действительности".

Обер-полицеймейстер, видимо, этим не удовлетворен. 10 ноября он просит главного врача: „поставить меня своевременно в известность о всякой перемене в состоянии здоровья Г. Н. Мандельштама.

21-го августа 1901 года главный врач извещает обер-полицеймейстера: „находившийся в Преображенской больнице на испытании Г. Н. Мандельштам, обвинявшийся в государственном преступлении, 20-го августа 1901 года умер".

III.

В. М. Бонч-Бруевич (Величкина).

Вера Михайловна Бонч-Бруевич (Величкина) скончалась за два дня до официального празднования 25-летнего юбилея Московской Социал-Дем. Организации. По праву она могла бы на юбилейном торжестве занять почетное место. Вера Михайловна была одной из первых женщин социал-демократок в Москве. Уже в 1896 году, судя по материалам, имеющимся в архивах охранного отделения, Вера Михайловна ока-

зывает активную помощь социал-демократическому движению. Дом Величкиных по Ольховской ул. во 2-й Мещанской части в начале 90 годов, по данным „охранки", был центром революционной Москвы.

В 1894 году, по имеющимся в архиве „охранки" „дневникам наружного наблюдения за семейством Величкиных", видно, что дом на Ольховской улице посещали многие, имена которых впоследствии приобрели большую известность.

Здесь мы встречаем В. Д. Бонч-Бруевича, А. А. Малиновского, П. Г. Смидовича и др. Не удивительно, что охранка так бдительно следила за этим „революционным гнездом".

В 1894 году Вера Михайловна была за границей. За каждым шагом молодой революционерки зорко следило всевидящее жандармское око...

16 июля, напр., начальник московского губернского жандармского управления сообщает и. д. обер-полицеймейстера: „Имею честь сообщить на усмотрение вашего превосходительства, полученную мною сего числа от Начальника Границкого отделения Варшавского жандармского полицейского управления ж. д., телеграмму следующего содержания: „Вера Величкина, циркуляр Департамента Полиции тек. года № 3310, едет в Москву в свой дом".

Ссылка, повидимому, становится для Веры Михайловны невыносимой, и она осенью решает покинуть Москву. Но об этом ее намерении охранка осведомляется из перехваченного письма кого-то из обитателей дома Величкиных, такого содержания: „2-го или 3-го Вера выедет за границу. Она нисколько не поправилась. У нас все время полон дом народу, а какого—даже и не знаю многих по фамилии, а у нас около дома уже кое-кто ходит, и я побаиваюсь".

Наблюдение усиливается.

9 сентября 1894 г. жандармское управление сообщает охранке: „департаментом полиции получены сведения, что состоящую под негласным наблюдением Веру Михайловну Величкину собираются посетить некоторые лица сомнительной благонадежности, воз-

вращающиеся из Швейцарии в Россию, а именно: учитель И. Я. Франчески, брат его и некая Х. Коган. О И. Франчески в означенном департаменте имеются сведения, что до отъезда своего за границу, он, проживая в Аккермане, вел знакомство с лицами, состоящими под надзором полиции. Знакомый же Веры Величкиной, студент Цюрихского Политехникума, И Коган, рекомендует ей Франчески, как человека „развитого, способного, энергичного и проникнутого самыми лучшими намерениями".

В виду сего департамент полиции просит моего распоряжения об установлении наблюдения за прибытием означенных и других подобных лиц для свидания с Величкиной и о результатах наблюдения сообщить названному департаменту"...

Одновременно происходит срочная переписка между д-том полиции и и. д. моск. обер-полицеймейстера.

28 сент. д-т полиции доносит обер-полицеймейстеру, что в квартире Величкиных проживают Вл. Сыцянко, приехавший из-за границы вместе с В. М., и сестра Сыцянко—Мария Ослопова. Далее д-т полиции пишет: „В виду сношений означенной Величкиной за границей с Бурцевым, Антоном Васильевым, и некоторыми другими революционерами, а также сведений о неблагонадежности и других членов семьи Величкиных, распространяющих, между прочим, запрещенные издания гр. Л. Толстого, департамент полиции в дополнение к отношению от 27 сего сентября за № 6712, имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать распоряжение, чтобы при обыске у Сыцянко и Ослоповой был произведен тщательный обыск у означенной Веры Величкиной и у всех других членов этой семьи, проживающих совместно, при чем, дальнейшие распоряжения относительно этих лиц должны быть поставлены в зависимость от результатов обыска"...

Результат этой переписки сказывается 4 октября. В этот день обер-полицеймейстер г. Москвы полк. Власовский посылает следующую телеграмму в депар-

тамент полиции: „Понедельник в девять часов вечера на станции Москва Курской дороги арестованы отъезжавшие за границу через Киев Владимир Сыцянко и Вера Величкина, у которых найдены письма за границу. Об аресте телеграфировано полковнику Лютову. В квартире арестованы Николай Величкин и Мария Ослопова, у коих обнаружено по экземпляру изданий Смоленской типографии".

В. М. попадает в тюрьму, оттуда выходит через несколько месяцев „под гласный надзор полиции". В. М. уезжает в Рязанскую, затем в Воронежскую губ. и, наконец, на Кавказ. Всюду находилась под надзором. В январе 1896 г. она намеревалась возвратиться в Москву. Д-т полиции спешит уведомить об этом московские власти:

„Департаментом Полиции получены сведения, что известная Вашему Превосходительству В. М. Величкина намерена в скором времени прибыть в Москву.

Вследствие сего департамент имеет честь покорнейше просить ваше п-во не отказать в распоряжении о продолжении за деятельностью и сношениями ее, согласно отношению от 13-го сентября 1894 года за № 8982, тщательного наблюдения и иметь ее в виду при составлении списка лиц, подлежащих будущею весною удалению из города Москвы.

При сем департамент долгом считает присовокупить для соображений, что Вера Величкина во время пребывания в Москве в конце 1894 года и первой половины 1895 года виделась с писателем гр. Л. Толстым и познакомилась с семейством Воронежского помещика Владимира Черткова, ревностного последователя учений Толстого. За это время Величкина вела переписку с Владимиром Сыцянко, Митрофаном Алехиным и др. сомнительными личностями, при чем, обнаруживала стремление поехать в деревню с целью сближения с народом, в августе уехала на Кавказ, где занималась чтением книг совместно с Владимиром Бонч-Бруевичем; 6-го октября была в Москве, а в конце того же месяца выехала к Чертковым в Россошу Воронежской губернии, затем по-

селилась в селе Александровке, где вступила в сношения с сельским населением, заводя с ним беседы и снабжая его книжками издания „Посредника", при чем, занималась организацией школьной библиотеки. В это же время Величкина вела переписку с Павлом Бирюковым и с известной вам А. А. Александровой. Кроме того, Величкина обращалась к сестре своей Клавдии и Бонч-Бруевичу с просьбами сообщить ей для Черткова и Толстого программы всех революционных партий и их воззрения на учение Толстого и сектантство, в видах объединений всех групп протестантов, к какой бы противоправительственной партии они не принадлежали".

Вера Михайловна начинает добиваться права снова выехать за границу, и в апреле 1896 г. после прекращения судебной палатой о ней дела, ей удается получить это разрешение.

Наблюдение охранки за В. М. к этому времени дает следующий результат, имеющийся в архиве охранного отделения:

„Вера Михайловна Величкина, дочь священника, 2-го апреля 1896 года выбыла за-границу, ведет сношения с Аксельродом и другими эмигрантами, являясь представительницей от Московского социал-демократического кружка, занимается сформированием транспортов и водворением их в Россию. Вся ее деятельность происходит при содействии Влад. Бонч-Бруевича.

В 1901 г. В. М. пытается проехать в Россию, но 3 октября ее арестовывают на границе.

Лишь в январе 1902 г. она была освобождена и получила право выехать за границу.

Будущий историк социал-демократической партии, несомненно, будет иметь в своем распоряжении более обильный материал, характеризующий Веру Михайловну Бонч-Бруевич (Величкину), как партийного деятеля и как человека. Однако, и то немногое, что удалось нам извлечь из архивов Веры Михайловны, дает представление о недюжинной нравственной силе, энергии покойной. В этом отношении многое могли

бы поведать читателю письма В. М. из-за границы, ставшие достоянием архива охранного отделения. Письма В. М. могут служить своеобразным завещанием всем, кто падает духом в борьбе, у кого не хватает сил, кто теряет веру в близость победы.

В письме, полученном охранкой „агентурным путем" из Женевы от 18 октября 1902 г. к М-ой в Москву, В. М. пишет:

„... Думаю не оставаться долго за границей, и когда оправлюсь окончательно, опять поеду в Россию...

...Все ли вы попрежнему мало верите в наше дело? Я уже много ему отдала и жалею только об одном, что не могу сразу вложить в него всю свою жизнь.

Другого счастья, ведь, как вера в жизнь и дело жизни—нет на земле. Работаю я очень много, несмотря на слабые силенки"...

27 октября 1903 г. В. М. пишет некоему К. в Москву (письмо перехвачено):

...Дело немножко запоздает, но мы надеемся на очень, очень многое. За последнее время было много хлопот и тревог в нашей деятельности, но душой я опять ожила и жду от нашего дела, благодаря благоприятно сложившимся обстоятельствам, гораздо более серьезных последствий, чем тогда, когда я говорила с Вами о нем. Я очень серьезно принимаюсь за него.

Живется нелегко, но хорошо, каждая минута жизни полна содержанием.

Теперь передо мной целый мир, безо всяких преград..."

В 1904 году В. М. пишет из Женевы в Москву С-ой.

„...У нас сейчас такая масса дела и хлопот и разных предприятий. Жизнь так кипит, что совсем не успеваем справляться. Энергии и веры в дело у нас теперь масса, тем более, что, несмотря на многие тяжелые осложнения, все-таки встречаешь столько помощи и доброго отношения к себе. А было время, когда нам приходилось встречать только иронию и недоверие...

Москва у вас полна впечатлениями войны, да и не

только Москва, а кажется, каждый уголок в мире ждет чего то. Посмотрим, что будет, но думаю, что хуже того, что было—быть не может....

В заключение приведем еще несколько строк, характеризующих последовательность, непримиримость В. М. в партийных вопросах. В. М. пишет сестре о своем расхождении с братом, Николаем Величкиным, жившим в 1902—3 г.г. в Женеве:

...Здесь у нас устраивались всякие протесты против „Искры", и хотя Коля не принимал в них активного участия, но как мне, так и другим товарищам заявил, что протестует. Ну, а *из-за таких вещей со многими приходится расходиться*....

IV.

Е. И. Спонти.

Евгений Игнатьевич Спонти—один из интеллигентов, принимавших участие в Московском социал-демократическом движении 90-х годов. Дворянин, родом из Виленской губернии. (родился в 1866 г.) он был офицером, но в 1893 г. на службе не состоял и, числясь подпоручиком, занимался чертежной и рисовальной работой.

12 декабря 1895 года у Спонти был произведен обыск в меблированных комнатах, где он проживал. Полиция, явившаяся для производства обыска, взломала двери его комнаты. И. д. Московского обер-полицеймейстера сообщал после того начальнику московского губернского жандармского полицейского управления, что Спонти во время обыска „вел себя крайне дерзко с административными властями и оказывал им сопротивление, так что, приступая к обыску, полиция была вынуждена войти к нему в комнату насильственным образом, взломав дверь". Спонти в протокол обыска занес, что дверь им не была открыта вовсе не по нежеланию его открывать дверь, а просто он „не мог отыскать спичек".

В виду обнаружения у Спонти „брошюр сомнительного содержания", он был арестован и препрово-

жден в Мясницкий полицейский дом, откуда 22-го декабря переведен в губернскую тюрьму, где пробыл до 27-го февраля 1897 года, когда его перевели в центральную пересыльную тюрьму.

По высочайшему повелению 5 февраля 1897 года Спонти высылался в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции на 2 года, сроком по 5-е февраля 1899 г. Постановление это было объявлено ему 4-го марта, а 15-го марта он был выслан из Москвы.

По окончании срока высылки министерством внутренних дел Спонти было воспрещено жительство в столицах без срока, а в Московской губернии в течение 2-х лет, сроком по 5-е февраля 1901 года.

В феврале 1899 года пристав 1-го уч. Мещанской части дважды доносил охранному отделению о приездах и отъездах Спонти в Москву и из Москвы: первый раз 13 февраля о приезде его из Серпухова, вторично—19 февраля—о прибытии его из Архангельской губернии и отъезде туда же. (См. Дело Отделения по Охранению Общественной Безопасности и порядка в Москве при Управлении Московского Обер-Полицеймейстера о „бывшем подпоручике Евгении Игнатьеве Спонти", по описи № 427, 1895 г.).

V.

Ф. И. Поляков.

Федор Иванович Поляков, происходивший из Бронницких мещан, служил рабочим на заводе Доброва и Набгольц в Москве. В год ареста это был молодой человек 26 лет.

16-го августа 1895 года у Полякова был произведен обыск. Поляков был арестован. При препровождении его околоточным надзирателем в Пречистенский полицейский Дом, Поляков пытался бежать. Об этой попытке околоточный надзиратель, Кулеша, доносил приставу 1 участка Пятницкой части:

„Только что я отъехал от дома Календарева, что по Б. Матвеевскому переулку 2 участка Серпухов-

ской части, небольшое расстояние, как Поляков, с целью убежать, правой рукой толкнул меня, но в это время я успел ухватить его за полу пиджака и, таким образом, он, Поляков, вырываясь, упал на мостовую, куда подоспели дворник дома Бордакова по Арсеньевскому пер., Московский мещ. Лужниковской слободы, Василий Михайлов Константинов и городовые, того же участка, Иван Гаврилов Титов, знака № 442 и Петр Никифоров Никифоров, знака № 436, которые по моему приказанию связали Полякову руки".

Околоточный к этому добавлял:

„В то время, когда Полякову связывали руки, он позволял себе ругать меня всевозможными словами и грозил, что когда-нибудь отплатит нам всем"...

Арестованный Поляков был помещен в Пречистенском полицейском Доме, откуда 22-го августа переведен в губернскую тюрьму.

Интересно отметить, что на другой же день после своего ареста, Поляков подал в охранное отделение прошение о разрешении ему читать книги. Последовал ли на это ходатайство какой-нибудь ответ—неизвестно.

21 марта 1897 года Поляков был переведен в пересыльную тюрьму для высылки в Восточную Сибирь, куда и был отправлен 3-го июня.

В деле Полякова не сохранилось постановления о сроке его высылки. На основании других бумаг надо заключить, что высылается Поляков на три года, которые и провел в Енисейской губернии.

По освобождению его от гласного надзора полиции (5-го февраля 1900 г.), Полякову было воспрещено жительство в столицах без срока, в Московской губернии—в течение 2-х лет, по 5-е февраля 1902 года (См. дело отделения по Охранению общественной безопасности и порядка в Москве при управлении Московского обер-полицемейстера 1895 года № 302 „о Бронницком мещ. Федоре Иванове Полякове").

Мы отметили, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, жизнь и революционную деятельность лишь немногих, отдавших свои силы, а некоторые и жизнь, служению делу рабочего класса... Повторяем

сказанное нами в другом месте этого сборника — подведение итогов грандиозной работы, совершенной деятелями Московской социал-демократической организации за последние 25 лет—дело будущего. Тогда имена всех борцов за торжество социализма в рядах коммунистической партии должны быть и будут восстановлены...

Владимир Максаков.

Прокламации за подписью „Московский Рабочий Союз".

В делах охранного отделения сохранилось несколько оригиналов прокламаций, изданных в 1896 году „Московским Рабочим Союзом". Воспроизводимая здесь прокламация представлена в охранное отделение с одного из заводов участковым помощником пристава. Прокламации „Рабочего Союза" распространялись, несомненно, широко. Это видно из донесения старшего фабричного инспектора от 10 августа 1896 года Московскому обер-полицеймейстеру (Дело „о Социал-Демократической организации, именовавшейся Московским Рабочим Союзом" № 377—96). Фабричный инспектор доносит: „К 1 июля с. г. известно 11 случаев появления прокламаций: на заводе Бромлея, В. Гоппер, К. Вейхельт, Перенуд, на фабрике Медведева, Досужева, Михайлова, Прохоровской Мануфактуры, Кротова, Измайловской Мануфактуры и Т-ва Роменской Мануфактуры и др."...

Воспроизводимая здесь прокламация напечатана на гектографе, как большинство прокламаций, относящихся к началу 1896 г. Позже появляются печатные прокламации, что Охранное Отделение отмечает в одном из своих донесений д-ту полиции в июле 1896 г.

Прокламация: „Товарищи, мы спим"...

В деле охранного отделения „О Московском социал-демократическом кружке" № 484, 94 г. имеется, между прочим, прокламация, начинающаяся словами: „Товарищи, мы спим и не видим, как нас капиталисты грабят"...

В деле приложено „секретное отношение“ охранного отделения на имя обер-полицеймейстера от 28-го ноября 1895 года, из которого видно, что „эти воззвания были расклеены 26-го ноября ночью в районе расположения значительного числа фабрик и заводов 2-го участка Лефортовской части, на заборах и домах“... По имеющимся сведениям, эти воззвания, отпечатаны сыном запасного ефрейтора, типографщиком Романом Григорьевым Наумовым, входившим в состав рабочей организации, за коей имеется самое тщательное секретное наблюдение с целью выяснения всей группы, после чего и будет приступлено к ее ликвидации“.

Из показаний арестованного Р. Г. Наумова, арестованного в связи с делом Спонти, Полякова и др., видно, что действительно эти прокламации печатал он в типографии Яцкевича.

Оригиналы воззваний ему передал Ф. И. Поляков...

М.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Н. Овсянников. Особенности Московского движения (вместо предисловия). 3

Н. Бухарин. От нелегального кружка к государственной власти. 8

С. Мицкевич. Очерки истории Московской партийной организации.

1. Первые шаги марксизма в России. Распространение марксистских идей среди интеллигенции.—2. Образование первого социал-демократического кружка пропаганды и агитации среди Московских рабочих в 1893 г.—3. Первая рабочая с.-д. организация в Москве. Первая рабочая маевка. Провал организации.—4. 1896—99 годы. Массовый характер движения. Начало зубатовщины.—5. Начало нового столетия (1901—1904 годы). Канун первой революции.—6. Три революции: 1905 года, Февральская и Октябрьская 1917 г. 12

Вл. Максаков. Пионеры социал-демократии в Москве. 54

М. Владимирский. Из истории Московской с.-д. организации. 90

И. Степанов. Из воспоминаний 95

С. Муралова. Из прошлого 116

Никитин. Четверть века назад 120

А. Ульянова. Воспоминания. 123

Е. Смидович-Луначарская. 1898—1901 годы. 131

Семашко. Былое 137

Вл. Бобровский. На заре юности 140

С. Мицкевич. Зубатовщина. 146

Рыков. Из воспоминаний. 153

Н. Овсянников. Из прошлого Московской Окружной Организации 157

Виктор. Первое мая в Москве 161

А. Мандельштам. Из воспоминаний.

1. Григорий Мандельштам.—2. „Отец". 173

Вл. Максаков. На революционном посту.

1. Дубровинский.—2. Григорий Мандельштам.—3. В. М. Бонч-Бруевич (Величкина).—4. Спонти.—5. Поляков 182

Товарищи!

27 мая въ Петербургѣ забастовали рабочіе Екатерингофской бумагопрядильни. Затѣмъ къ нимъ присоединились Новая Бумагопрядильня, Максвель, Кенигъ, Штиглицы, и другія, всего 17 фабрикъ съ 30 тысячами человѣкъ. Всѣ они сообща требуютъ:

1. Сокращенія рабочаго дня.
2. Повышенія расцѣнокъ.
3. Чтобы по субботамъ шабашили вездѣ въ 2 часа.
4. Чтобы заработокъ выдавался безъ задержки въ двухнедѣльные сроки.

Кромѣ того каждая фабрика выставила еще свои особыя требованія, напримѣръ: уничтоженіе штрафовъ за прогулъ и опозданіе, улучшеніе хозяйскихъ квартиръ, вѣжливое обращеніе мастеровъ съ рабочими и пр.

Забастовщики держатся вотъ уже 3-ю недѣлю, и ни хозяева, ни правительство ничего не въ силахъ съ ними подѣлать. Вызваны были войска для усмиренія, но усмирять было некого, такъ какъ рабочіе ведутъ себя очень мирно. Натѣхъ заводахъ и фабрикахъ, гдѣ еще продолжается работа идутъ сборы въ пользу стачечниковъ. Долго ли протянется стачка и чѣмъ она кончится, неизвѣстно, но несомнѣнно, что хозяева не скоро ее забудутъ, такъ какъ они терпятъ отъ нея громадные убытки. Намъ, московскимъ рабочимъ, живется ничуть не легче, чѣмъ нашимъ петербургскимъ товарищамъ.

И у насъ хозяева заставляютъ за грошовую плату работать до полнаго изнеможенія. И у насъ пускаются въ ходъ разныя уловки, чтобъ урвать что нибудь изъ этого скуднаго заработка. Жаловаться намъ некуда-инспектора насъ не хотятъ и слушать А какъ заботится о насъ правительство, видно хотя бы вотъ изъ чего. На фабрикѣ Максвеля инспекторъ, убѣждая рабочихъ прекратить стачку, заявилъ, что правительство уже обсудило законъ о сокращеніи рабочаго дня и что осталось только его подписать. На вопросъ рабочихъ, когда же его подпишутъ, онъ отвѣчалъ: не раньше, чѣмъ года черезъ два.

Облегчить свою тяжелую участь, товарищи, мы можемъ только сами, собственными силами, начавъ борьбу противъ хозяйскихъ притѣсненій. Теперь для этого время самое удобное Если бы и въ Москвѣ устроилась такая же общая стачка, какъ въ Петербургѣ, то хозяева, напуганные питерской стачкой, теперь скорѣе, чѣмъ въ другое время могутъ намъ уступить. Да и нашимъ петербургскимъ товарищамъ, если къ нимъ присоединимся мы, легче будетъ добиться своего.

Московскій Рабочій Союзъ.

товарищи мы спимъ и невидемъ какъ насъ капитолисты грабятъ наши кровь пытъ довольно потрудились

пора и честь знать и такъ товарищи последуемъ попримеръ нашихъ товарищей братевъ потруду загранычныхъ робочихъ у нихъ такия законы такия зиконы ноне добился своево нтеперь блаженствуютъ а мы какъ робочей скотъ роботаемъ петнадцать шешнаоцать часовъ въ сутки небываемъ карионы богачей нашею кровью нашимъ трудомъ товарощи вся трудовая кровь наша укопитолистовъ неужели опи сильнее насъ ихъ горсть а насъ милионы товарищи ведъ мы братья между собой забудемъ ссоры вздоры будемъ соединятся оснуемъ касы и собща наврога или беремся заруки и просимъ короткого робочего дня товрищи просыпайтесь пора начинать и мстить кровь заквовь робочии всехъстрен соединяйтесь